

Под ласковым солнцем: Империя камня и веры

16+

Кирнос С. В.

Степан Витальевич Кирнос

Под ласковым солнцем: Империя камня и веры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606465

SelfPub; 2021

Аннотация

От геркулесовых столбов до самого Константинополя простёрлась огромная империя, построенная в пепле прошлого мира и смоге пожаров войны. Страна, убегая от ужасов многовекового хаоса, превратилась в одну огромную тюрьму, где с утра до ночи звучит хвала во имя правителя и государства, а каждый шаг, каждый вздох скован пристальным взглядом государственной машины и сотней предписаний. Но в сей мрачной сказке есть те, кто решил менять мир. Ничтожная для «железной пяты» сила попытается что-то сделать, однако никто не понимает, что любой поступок может привести к самому неожиданному результату.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	10
Часть первая. Под серой Вуалью	15
Глава первая. Отчёты	15
Глава вторая. Миланское утро	38
Глава третья. Железные Крылья	62
Глава четвёртая. Дела аванпоста	82
Глава пятая. Апогей фанатизма	99
Глава шестая. Коршун расправляет крылья	126
Глава седьмая. Друг обескровленного семейства	186
Глава восьмая. Фанатики идеи	236
Конец ознакомительного фрагмента.	241

Степан Кирнос

Под ласковым солнцем: Империя камня и веры

Предисловие

Эта книга открывает новую литературную вселенную «Мир серой ночи». Она рассказывает о далёком будущем, очень страшном, несчастном и довольно мрачном, изображающим, насколько может измениться человечество, если людская цивилизация оступится и пойдёт не по тому пути.

Мир предстаёт после великого апокалипсиса, разразившегося столетия назад и ставшего опустошительным и разрушительным, превратившего большую часть земли, немалое количество городов и стран в один постапокалиптический ад. Все края света безжалостно разорены – Америка, Европа, Африка, Азия и Австралия. Всех постигло крушение надежд человеческих на светлое будущее, всюду обрушилось опустошение на уголки погибающего мира. Затем ситуация сильно осложнилась веками молчаливого пребывания в таком состоянии и самом настоящем демарше истории, что повернулась в развитии обратно. И мир погряз в беско-

нечной, беспрестанной и жестокой войне, став отражением, тенью былого величия.

Что же случилось с человечеством в момент пика кризиса? Власть, запятнанная жадностью и празднеством, люди, искалеченные бунтами и нищетой, разруха, извечные распри, человечество, которое знает только лишь войну. Но в один момент некоторые части старого мира потянулись к единству, стягиваясь под неделимые флаги. Запад и восток, север и юг: все вознамерились построить новый, обновленный и славный мир, по идейным лекалам, устремившись к утопическим идеалам, взведя их на свои штандарты и вплетя в девизы. Кто-то стал ваять державу достойную «Царства Небесного», другие же вздумали построить новую «Вавилонскую башню», подражая идеям старого мира. У каждого в этой истории свой путь, ведущий народы дальше в ослепляющую тьму.

Мир серой ночи – это наш мир отдалённого будущего, который пережил страшную ночь, практически забвение цивилизации и упадок в варварство, выжил и явился из кризиса, только о возрождении, о былом величии и славе можно забыть. Неизгладимый, глубокий и ужасающий след оставлен на душах миллионов людей, которые до сих пор блуждают в ночи, хоть и над ними воспламенились «солнца» великих истин, указывающих «верный» путь, только светлее от этого не становится.

Карта Империи "Рейх" и её территориального деления

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

Рис. 1 Карта «Империи Рейх» с территориальным составом.

I Итилийская провинция

1 Римская Территория

2 Средеиталийская Территория

3 Южноиталийская Территория

4 Островная Единая Территория Сицилии, Сардинии и Корсики

5 Ломбарско-североиталийская Территория

II Французская Провинция

6 Прованская Территория

7 Окситанская Территория

III Иберийская Провинция

8 Островная Болеарская Территория

9 Восточноиберийская Территория Каталонии, Валенсии и Арагона

10 Староиспанская Центральная Территория

11 Андалусская Южноиберийская Территория

12 Западноиберийская Единая Партугальская Территория

13 Североиберийская Территория Объединенных Галисийской, Астурийской, Кантабрийской и Баскской Областей

14 Срединная Кастилийская Территория

IV Балканская Провинция

- 15 Иллирийские Тиранические Территории
- 16 Великая Пустошь
- 17 Константинопольский «Униат Экклесиас».
- 18 Срединнобалканская Македонская Территория
- 19 Восточнобалканская Македоно-Фессалоникийская Территория
- 20 Греческая Территория
- 21 Автономная Территория Крита

«Только полным подчинением единому идейному порыву и общей морали, с уничтожением всяких альтернатив мысли можно сковать страну, которая простоит века».

– Канцлер Южно-Аппенинского Ковенанта.

«Чтобы бы можно передать предкам в прошлое, если бы представилась такая возможность? Что бы ни доводили мироздание до состояния полного распада, руководствуясь лишь только хищными и алчными устремлениями, которые обрушили этот мир на колени. Чтобы одумались, когда была возможность, и не обрушили до такого состояния, после которого человечество способно жить лишь одними ограничениями и запретами, а свобода для него стала помехой, злокачественной опухолью, которая убивает цивилизацию. Теперь только полным и всеобъемлющим контролем самых чистых и устремлённых народы смогу возродиться. Наигравшись в свободу единожды, не вынеся её тягостей и сломившись, лю-

ди без тоталитарного подчинения жить больше не смогут».

– Сарагон Мальтийский Чёрный Оракул. Философ эпохи Великого Кризиса.

«Тоталитаризация позволяет планировать полное подчинение человека нуждам власти путём контроля всех форм его жизнедеятельности. Она позволяет также заминировать выходы из тоталитарной системы, подменяя идеи, желания, слова: патриотизм, национализм, религия, демократия, надежды, благородные стремления. Подменённые понятия приводят обратно в тоталитаризм».

– Михаил Геллер. Историк докризисной эпохи времён «архаичного протосоциализма»

«Тоталитаризм – образ правления, при котором мораль, ценности и смысл человеческой жизни входят в компетенцию власти».

– Александр Круглов – мыслитель из докризисной эпохи.

«Долгие и великие страдания воспитывают в человеке тирана».

– Фридрих Вильгельм Ницше – философ из докризисной эпохи.

Пролог

Это Марсель. На календаре стоит прекрасное тридцать первое августа. Последний летний день щедро одаривает приятной теплотой землю и горожан, грея их. Ласково пригревающее солнце постепенно уходит из зенита, чем говорит о том, что скоро настанет момент прохладного вечера.

На улицах прекрасно, всюду играет музыка, похожая на молитвенные гимны и поднимающие дух агитационные стихи, изливающиеся из всех рупоров, колонок и граммофонов, которыми город был просто усеян. В воздухе витает запах не салюта или сладостей, а устойчивое и резкое амбре благовоний, которые по прошению церкви Рейха разжигались Министерством Ликования и Радости. Обстановка говорит о великом празднестве и тех, кто веселился недостаточно министерство Ликования и Радости могло допросить и если причина хмурого настроения была недостаточной, то следовал огромный штраф. Ведь это праздник, а значит, все должны веселиться. И в любые торжества на улицы выходили не только обычные люди, но и слуги бесчисленных министерств, священники новой католической церкви – Империял Экклезиас и представители Культа Государства, одетые в свои потрёпанные и пропитанные солью пота рясы. Они неустанно следят за тем, как проходит празднество и само их присут-

ствие заставляло радоваться людей сильнее, ведь никто не хотел испытать на себе палящего жара Ласкового Солнца, как называли Канцлера и все его карательные структуры.

По праздничной улице, с папкой в которой лежали бланки, с улыбкой на лице шагал слуга министерства Радости и Ликования, что входило в систему структур «молота правительства» Рейха – «Имперор Магистратос». Ему было поручено важное задание – искать тех, кто недостаточно сильно радуется такому великолепному празднику как День Учреждения Министерства по Надзору за Сбором Древесины. Оно было не таким старым, как остальные, но и здесь, как сказано в Фолианте Гражданина: «Является прозорливость и мудрость нашего великого отца государства – Канцлера». И количество дерева выросло, пускай это министерство стало требовать больше заключённых, которые умирали как мухи, для сбора и заготовки деревянных досок. Главное, что показатели поднялись, а только это важно для Рейха.

Человек с папкой и решил посчитать, сколько же министерств на самом деле. Пока слуга структуры шёл и вспоминал, он насчитал более ста министерств. И он улыбнулся этому, ведь практически все сферы жизни были под контролем великого Рейха, а значит, никакого беспорядка и хаоса в управлении не может быть. Пускай они затянули петлю на свободе, ведь это было не так важно, как порядок и стабильность, обещанные Канцлером. Ведь ещё государственный святой говорил: «нет большего идеала, чем полный кон-

троль над всем, что только можно, ибо тогда ничего и никогда не падёт, и не канет во тьму».

Слуга министерства улыбнулся ещё больше, когда увидел своего старого друга – рабочего с завода по сбору автомобилей.

– Здравствуй. Как на заводе? Как работа? – с заинтересованностью спросил служащий правительства.

– Всё отлично, – радостно и ликующе ответил его друг. – Как видишь, нас отпустили намного раньше. Только помолились полчаса за здоровье Канцлера и вечное существование Рейха и пошли.

В душе слуги министерства поёт радость, ибо нет ничего важнее в стране, чем неделимое воссоединение церкви и государства, ибо только тогда общество станет просвещённым и морально чистым. Только тогда будет выжжена всякая ересь и противная сути человеческой попирающая нравственность идея. Все отхождения от нравственности и единоверия должны быть строго пресечены, ведь только тогда страна станет нерушимой империей, в которой люди мирно и бесконфликтно сосуществуют друг с другом и их чистые души не развращает всякая пошлая идея. Само слово «пошлость» в архисловаре Рейха трактовалось как: «любое отступление от норм морали, идейности и мировоззрения, заданными Богом и Канцлером». И даже существует статья в уголовном кодексе «За развращающую пошлость».

Служащий министерства был рад такому положению дел,

ведь это обеспечивало единство и братство – недостижимый идеал государств старого мира.

Но рассказ друга продолжался, и покорный слуга правительства продолжал внимать ему:

– Сегодня ещё один рабочий предлагал полностью роботизировать производство.

В душе проверяющего настроения сразу вспыхнул протест, который мгновенно был погашен и перешедший в радость репликой рабочего:

– Но его сразу арестовали.

«И правильно» – подумал про себя слуга министерства. Всем рассказывали про то, как во время Великой Ночи новейшие технологии развратили человека, сделав из него ленивое и похотливое существо. Механизмы выполняли всю работу за человека, чем привели его к морально–нравственной гибели – как было сказано в учебниках Рейха. Помимо этого, падения в лени человек стал ваять из железа, проводов и эмитируемой кожи богопротивные создания, что были похожи на человека, но ими не являлись. И люди стали жить и совокупляться с этими противными нравственности куклами. Человек пал под натиском лени и блуда и всё это подавалось под видом прав и свобод, которые, по мнению Канцлера: «убивали человека в человеке, превращая его в праздное существо».

Это мерзкое грехопадение не должно было повториться в Рейхе, и по постулатам великого Канцлера было строжай-

ше запрещено создавать механизмы, похожие на человека. Ибо, как говорил старый кардинал: «Лень способна развратить человека до такой степени, что он станет иметь мысли и помышлять против Бога, Канцлера и Рейха. Никакой лени не должно было быть. Только труд и отдых».

И Рейх, став воплощением высокоморальных идеалов, по великому усердию Канцлера был спасён от гнусного и страшного грехопадения, что способно было убить любую страну. Как сказано, было в одной и проповедей старого священника: «И теперь весь народ, каждый человек пожизненно должен хвалить Господа за то, что сподобил Канцлера спасти нас от хищников времени прошлого».

Поговорив со своим другом, служащий министерства осмотрелся. Перед собой он увидел светлых людей, что радовались празднику, но почему-то их улыбки и ликования были словно натянуты, подобно маскам. Но все радуются и это главное. Вокруг развивались множественные плакаты с лозунгами про славу и гордость за правителя и государство. Пелись песню в их славу, что обогревали души людей.

«И всюду, каждый божий день лился тот приятный и животворящий тёплый свет Рейха, что исходил от нашего главного и сиятельного солнца, что своим сетом способно развеять самую плотную мглу ереси и предательства – Канцлер», как сказано в Фолианте Гражданина.

Часть первая. Под серой Вуалью

Глава первая. Отчёты

Двадцать пятое сентября. Рим.

Стоит сырая и прохладная осень, весьма неприятная и своей досадой, пугающей мрачностью отличавшаяся от остальных, словно говорит о том, что впереди ещё более безнадежные времена. На часах стрелки показывают около девяти часов вечера. Идёт лёгкий дождь, морось одним словом, которая промораживает вкупе с прохладным ветром до костей. Безлистные деревья медленно покачиваются под эфемерным напором ветра, подобно фанатам на концерте, поддавшимся мелодичным и лёгким волнам печальной и плачевной музыки, несущей мотив скорби и печали.

По улочке продвигается высокий человек в чёрных одеждах. Парень одет в длинную трепыхающуюся с каждым шагом накидку с капюшоном. Чёрные штаны уходят под невысокие кожаные сапоги. У мужчины через плечо перекинута чёрная сумка, на которой сияли отблески света фонарей. На него хладно смотрят огромные и монолитные серые дома, больше похожие на бетонные коробки. С каждого дома свисает флаг Рейха. На каждом строении наклеены плакаты с

изображением видных деятелей государства, а под ними лозунги, присущие только для Рейха: «Служи государству как Богу», «Воздай молитву не только о здравии своём, но и о спасителе нашем – Канцлере» или «Лучше отдать жизнь в услужении Канцлеру, нежели провести целый пустой день».

Лицо человека плотно скрыто под капюшоном, но это не помешало ему спокойно оглядеться по сторонам. Он увидел серую улицу, серые здания. Всё вокруг бесцветно и тускло, словно в мире не осталось места для красочности, ибо министерство Культурного Устройства Городов не одобряло использования множества цветов в окраске домов. Гражданин Империи, посматривающий на маловыразительность домов, знает, что это проявление «ласковой» руки матери-церкви – министерство, основываясь на рекомендации Имperiал Экклесиас, посчитало, что многоцветность способна развратить мысль граждан, ибо, если используется множество цветов, а значит и возможно множество политических идей, которые способны были разрушить всё государство. А где проявление такого идеала, как стабильность, если цвета способны привести страну к распаду? Едина мысль, а значит и один цвет. Однако далеко не всем закралась мысль, что подобный подход... необычен, но всё же такие нашлись. Министерство, по прошению другого министерства – «Эстетического Уюта» решило пойти на ряд послаблений. Оно составило особое постановление, что если уровень почитания Канцлера и Рейха в районе высок, то допускается раскрашивать по-

стройки уже в четыре цвета. Но одноцветность многих районов была скорее связана не с идейными постулатами, а ударным трудом рабочих в начале постройки этого района. Министерство Застройки Городов поставило цель: в самые малые сжатые сроки отстроить город. И рабочие просто строили крепкие дома, отвечающие нормам Культа Государства, не уделяя время на покраску. Серые, крепкие, идеологически правильные, да и греют сердце министерству Культурного Устройства Городов, здания, что ещё нужно для Рейха?

От всего этого министерского разнообразия могло вскружить голову, но флегматично шлёпающий по лужам человек уже привык к этому проявлению «заботы» государства, которое работу свою выполняет просто отлично. И что бы было бы, если не эти министерства? – постоянно убеждают со всех сторон самые рьяные политики. И проходя среди сдавленных монолитом из бетонных домовых нагромождений смотря исподлобья идущий в одиночестве человек понимает, что это лучшее, что могло случиться с этим ройном, да и с Римом в целом.

– Это меньшее из двух зол, – прошептал сам себе парень, рассматривая серо-тусклые джунгли из бетона, стараясь не говорить слишком громко, чтобы вездесущие камеры с передатчиками звука не уловили его речи.

Мужчина помнит, как здесь строился один из новых районов Рима, возведённый после времён Великой Европейской Ночи, как называли этот период на этом континенте

во времена Континентального Кризиса. Эпохи, когда в некогда славном городе разверзлись пучины кромешного ада и Рим захлестнули буйные волны кризиса, разорений и военных действий. И в то жестокое время, куда не кинь взгляд, везде царило запустение и разрушение, кроме Ватикана.

Память идущего наполняется отвратительными картинками, как раньше в этом сером районе были разбиты улицы, стихийные помойки на каждом шагу, разрушены многие дома, где среди руин жили нищие, наркоманы, бедные и нищие, а также и весь мелкий преступный криминалитет. В городе вечной славы, во время правления Римского Престола – сборища богатейших «священников» из Ватикана вкупе с крупным преступным синдикатом, возомнивших себя правителями этой территории, каждый день десятки, если людей умирали от голода, передозировки наркотиками, болезней или просто погибали в бесконечных стычках между бандами. Люди, по удачному стечению обстоятельств, жившие ближе к Ватикану, вели не столь жалкий образ жизни, как на окраинах, и даже могли себе позволить настоящее мясо или чистую, фильтрованную воду, ибо даже простейшие фильтры в городе были роскошью. Всё это отлично запечатлелось в сознании парня, несмотря на то, что он ещё тогда был ещё ребёнком, лет восьми, а с тем ужасом было покончено лет тридцать назад. Он отчётливо помнит, что его существование было жалким подобием жизни по сравнению с жителями Ватикана, именуемыми ещё «Золотым Кру-

гом». Там жительствова­ли только богатеи­шие «священни­ки», промышлявшие церковным бизнесом и самые авторитетные преступники, бесконечно обиравшие народ. Самые ярые и зажиточные из них составляли – Совет Лордов Римского Престола. Это было этакое собрание, провозгласивший себя органом государства, но на самом деле он оказался грабительно-вымогательным механизмом, по максимуму выжимавший все соки из простых людей и, придумывая, как ещё можно обирать население. Совет, полностью коррумпированный, состоявший из тридцати трёх участников, был не способен к здоровому управлению, ставший подобием раковой опухоли, убивающей тело. Солдаты и полиция только и занимались беспрестанным обиранием и показательными казнями, чтобы не поднялось бунта. Единственный шанс для простых родителей хоть как-то обеспечить нормальную жизнь ребёнку это отдать его в местную полицию. Это был самый настоящий ад, сошедший на землю. Тучи мух над городом, непре­кращающаяся бойня, жестокая тирания мздоимцев и лихо­деев. Казалось, что Господь оставил этот город, ибо это продолжалось долгие лета, однако всему приходит конец.

Пропаганда Рейха рисует следующие события, как великий подвиг первых воинов страны, как жестокое сражение и время величайших свершений, но мужчина был там, когда новая власть установилась. Тогда, тридцать лет назад первый Канцлер начал захват Рима, то народ, простые люди, в го-

роде его полностью поддержал. Часть городских войск перешла на сторону нового владыки, но так, же существенную поддержку оказало новое движение, раньше бывшее только в глубоком подполье – «Союз спасение души». Это было движение священников, которые не просто осуждали, а яростно презирали Папский образ жизни. И они развернули свою борьбу за город – в умах и сердцах людей, стараясь вдохновить народ повсюду. Как и в нищих районах, так и в более благополучных, стараясь всеми силами оказать поддержку возможному правителю, ибо каждому надоел этот кошмар и тогда, в тот момент, увидели шанс, луч света во тьме, надежду на лучшую жизнь. Они вели его воинов потаёнными дорогами и незаметными ходами, сквозь трущобы и руины. Люди канцлера быстро обошли позиции войск Рима и атаковали их с тыла. Соппротивление в Риме было сломлено уже через несколько часов, оставался Ватикан. Все улицы к нему были перекрыты колючей проволоками, блок постами и тяжёлым вооружением. Штурм Ватикана оказался самоубийственен, они бы потеряли всех своих людей раньше, чем прорвали бы оборону. Но тут решил помочь один выходец из трущоб. Он рассказал, что под здание Соборания Лордов ведёт канализационная ветвь, и он знает, как можно незаметно пройти в зал заседания лордов. И канцлер доверился человеку, которого не знал. Битва за Ватикан закончилась через два часа, когда все лорды были взяты в плен во время своего заседания. А армия, лишившись командования, решила

просто капитулировать. Народ Рима торжествовал и ликовал свержению тирании. Канцлер, в назидание и устрашение, а также ведомый мыслью о справедливости просто взял и перебил всех лордов с их военным командованием. А в градоначальники назначил того парня, который провёл в зал собрания. И началось восстановление из пепла города на семи холмах.

Первым делом новый повелитель вечного города восстановил в святости Папский престол и всю новую католическую церковь, просто назначив на должности священников из «Союза спасения души»... и теперь этот союз прекратил своё существование, но церковь переродилась, став действительно новым. Церковь отчистилась от старых пороков, встала по правую руку от Канцлера и предстала в новом ослепительном блеске, взяв новое название – Империял Экклезиас. А Ватикан правитель переименовал в «Канцлер Цидалис», полностью перестроив его. С началом долгого восстановления славного города, новый правитель, нарёкший себя Императором, объявил Рим новой столицей Рейха. Из развалин и нищеты возрождались множество районов. Строители пытались тщательно восстановить каждый дом, который возможно было отстроить, но были и наиболее разрушенные районы, которые не имело смысла восстанавливать. Их попросту сносили и строили новые дома, а вновь возведённые постройки стали огромными и серыми, безвкусными и простыми. Они резко контрастировали со старыми домами Ри-

ма. Тусклые бетонные нагромождения и стали новыми районами вечного города, что своей серостью могли отпугнуть любого ценителя прекрасного.

Мужчина внезапно оторвался от своих воспоминаний. Столько раз он прокручивал тот день у себя в голове, столько раз вспоминая каждую его деталь и всё затем, чтобы не забыть, что новый мир, сложившийся Рейх это не самое худшее, что получилось на исходе, несмотря на всю его сумасбродность. Он практически дошёл до своей цели, но в уме продолжал держать мысль, что если бы не эти министерства, со своими догмами и цифрами, до сегодня Рим вряд ли был славной столицей великого государства. Вдруг он почувствовал влагу на руке и понял, что его одежда безнадёжно промокла, до нитки, кроме содержимого сумки.

Хоть район и пребывает практически в безграничной бледности, как жизнь каменщика, в некоторых местах он не лишён своей эстетики. Люди часто отправляли просьбы о хоть каком-то благоустройстве дворов. Конечно, сначала их проверяли на идеологическую чистоту, ведь это прошение могло быть попыткой подрвать идейные основы Рейха. Проверялось множество факторов: как часто человек бывает в церкви, какой у него гражданский рейтинг, где он работает и ещё множество показателей сверялись, а потом составлялась общая картина. Если человек был идейно правильным, то на его прошение отвечали согласием и отправляли в отдел министерства Эстетического Уюта, где с ним обговари-

вались аспекты работы. А поэтому где-то были разноцветные балконы, цветные карнизы и подоконники. Попадались дома, у которых были пристройки в виде маленьких магазинов. На самих домах попадались, какие-либо рисунки тематики дозволенной Рейхом. Во дворах могли быть посажены кустарники и разукрашены лавки. Но не более этого.

Вдруг человек тревожно огляделся по сторонам, оторвавшись от размышлений о расцветке дворов. Где-то вдалеке заверещала сирена, что говорит о ещё одном выехавшем наряде Культа Государства, который охотится за теми, кто недостаточно любит свою страну, но это стало настолько обыденным явлением, что никто не обращает на это внимание.

Дорога предполагает длинную улицу, с где-то вмятыми бетонными плитами, которой и была умощена улица, поэтому вся улица была в маленьких и неглубоких лужицах. Мужчина уверенно, быстрым ходом, идёт по улице, под его сапогами раздаётся хлюпанье, и брызги разлетались во все стороны. Он знает, что из всех щелей за ним наблюдают тысячи глаз Управления по Наблюдению за Улицами Министерства Уличной Безопасности. Каждый шаг и движение отслеживаются сотнями человек, назначенных для полного контроля над гражданами, дабы они не позволили себе лишнего – хулиганства, акта неуважения к государству, или же аморально-распутное поведение. К этому трудно привыкнуть, а мысль, что слежка не заканчивается никогда подтачивает самообладание, но умелая пропаганда, подача, что

это идеальный механизм безопасности успокаивает людей. Однако проходящий по улицам человек настолько свыкся с мыслью, что его сейчас внимательно разглядывают, что попросту не обращает на это внимание, всё чувство неудобства в нём отсутствует, и он спокойно заканчивает долгий путь.

Парень быстро дошёл до одного примечательного колоссального здания, заметного издали, ибо оно отличается от других построек бетонных джунглей – оно не похоже на огромную бетонную коробку, немного приукрашенную, как большинство домов в окрестности. У здания чёрный фасад, две большие башни с торцов, изукрашенные рамы окон. Вместо стандартных входов у всего два: первый главный, парадный, представленный массивными деревянными дверями простой конструкции, но с красивой резьбой, а второй вход это скромная и короткая винтовая лестница, ведущая в подвал. В окнах неярко горит свет, просвечивая изнутри помещения, в которых то и дело мелькают фигуры.

Человек подошёл к короткой винтовой лестнице и спустился, прыгнув, прям в лужу и поэтому когда стопы приземлились, то во все стороны с плеском брызнули капли воды, скопившейся от дождя. Инстинктивно отряхнувшись, он отворил маленькую дверку и вошёл в небольшое помещение, пребывавшее в серой монохромности и уходившее в коридор. В нём становится тоскливо от мощного лунного свечения исходящего от старых диодных ламп, которой только усиливает общее нагнетание серости.

Пара взглядов и становится понятно, для чего это место существует. Всё помещение было заполнено бесчисленным количеством коробок, ящиками и контейнерами. Это обычный склад.

Человек прошёл в коридор, стараясь как можно скорее попасть в нужный кабинет, подошёл к следующей лестнице, ведущей вглубь здания, и поднялся выше. Внутри постройка отлично украшена, что идёт вразрез с этико-моральными нормами Рейха, которым подчиняются обычные граждане. Красные махровые ковры смягчают путь идущего, отделка стен из дорогой древесины, роскошнее люстры и лампы, играющие сиянием хрусталя, зелёные изумрудные обои, которые очень трудно увидеть на полках обычных магазинов. Всё это резко контрастирует с тем, что творится за порогом этого места.

Но всю эту роскошь человек не рассматривает, так как свыкся с ней. Он, верно и быстро, двигается к своей цели. Пока мужчина идёт, то по всему зданию разносился звук хлюпанья от промокших сапог, а на полу остаются мокрые следы на радость уборщикам.

Человек подошёл к одной из дверей на седьмом этаже и аккуратно, высунув из кулака согнутый указательный палец, стал тихонько постукивать, ожидая ответа. В такое вечернее время все держат кабинеты закрытыми, чтобы не мешали работать, поэтому парня пробирает лёгкое волнение. Он не знает, откроют ему или нет. Если дверь не отворится, то

ему придётся пройти целую чехарду действий в приёмной канцелярии, чтобы сдать документы.

– Заходите, – послышался спокойный, но сильный голос из-за двери, что не могло не вызвать облегчённого выдоха.

Мужчина отворил дверь и тихо прошёл в помещение, окинув его мимолётным взглядом. Кабинет не столь роскошен как остальные: скромная люстра, два непримечательных книжных шкафа, забитых старыми книгами с потёртыми корешками, простой рабочий стол с довольно архаичным компьютером, диван из кожи и небольшой коврик красного цвета.

У единственного окна стоит человек чуть выше среднего роста плотного телосложения, но не имевший лишней плоти с коротким чёрным волосом, в котором уже красуются пара блестящих серебристых волосков. Он сложил руки за спину и внимательно смотрит на улицу в большое раскрытое окно, через которое поступает свежесть и влага. На нём, как на вешалке, висит тёмная монотонная кофта, явно не подходящая по размеру, чёрные штаны, уходившие под ботинки с высоким берцем. Хозяин кабинета стоит и всматривается в дождь, словно что-то выискивая, как будто видит в нём нечто особенное. Его сосредоточение было настолько сильным, что он даже не обратил внимания на вошедшего человека, хотя сам его и пригласил.

– Командор, – начал вошедший человек.

«Командор» – шёпотом сорвалось с губ владельца каби-

нета. Его так часто зовут по званию, что оно стало подобно второму имени, постепенно заменив старое, засыпав его в песках прошлого. Так часто окликают не по имени, а по чину, что звание превратилось в кличку.

– Принёс? – спокойно, но, не теряя строгости в голосе, спросил человек, стоявший у окна.

– Да, – покорно ответил вошедший

– Так, пожалуйста, пройди и положи.

Человек в капюшоне, размашистым шагом, проследовал к рабочему столу, открыл сумку и вынул оттуда несколько белых листков и кинул их на стол. Командор, стоявший у окна, в тот же момент тяжело оторвался от дождя, обернув сухое лицо в сторону помещения, и подошёл к столу, сел, взял листки со стола и стал рассматривать их. Вошедший увидел на лице Командора морщинистые впадины под щеками и уставшими глазами, которые ещё и украшены беглой синевой. Очами, с нефритово-голубоватым оттенком, он стал водить по строчкам, вбирая суть изложенного.

Это оказались обычные отчёты с полей боя, кроме одного листа, который человек отложил в сторону. Хотя время великих войн в Европе минуло недавно, все были уверены, что кровопролитиям с момента становления Империи от Геркулесовых столбов до Константинополя пришёл конец. Но в этой стране назрел старый конфликт, с неожиданной жестокостью вспыхнувший и потревоживший власть и теперь частенько приходится полк-ордену разбирать про-

блемы войны и мира.

Но вряд ли война может удивить в мире, который пролил океаны крови. Пришедший с куда большим удивлением смотрит на старомодность Командора, истинно дивясь, как так можно работать. Хотя государство максимально переводит всю информацию в электронный вид, а их носители – тонкие гибкие планшеты были почти у каждого гражданина, Командор предпочитал некую архаичность, работая с бумагами. Он очень любил анахронизмы давно ушедших времён, что проявлялась в наличии на столе древних шариковых ручек вместо электронных перьев. Если все его знакомые и сослуживцы пользовались компьютерами и планшетами, обрабатывая электронную документацию, то порой стол Командора просто ломился от бумажных масс, потакая в стиле работы Имперор Магистратос.

Хозяин кабинета долго и пристально вглядывался в листы с бумагами, будто выискивая среди них что-то стоящее, но это всего лишь отчёт. Но потом через некоторое время он просто откинул их на стол

– Скажи мне, Теневик Антоний, каковы потери у правительственных войск? – неожиданно спросил хозяин кабинета.

– Более трёхсот человек убитыми, шестьсот восемьдесят три ранеными, четырнадцать броневиков и уничтожили два танка, Командор, – точно и бесстрастно последовал ответ.

– Нехорошо, – выдохнул хозяин кабинета. – А у нас поте-

рей разве, что подбитый танк, который на ремонте.

– О чём, вы, Командор?

– Будто ты сам не знаешь, – слегка возмутился парень. – Сейчас для нас наступили не лучшие времена... слишком много надуманных претензий со стороны высшей власти. Если для второго Канцлера так плохо началась война с Иберийской Федерацией, с треклятыми сепаратистами, пусть на странность и хорошо вооруженными, то на нас скоро вновь обрушатся жалобы и расследования.

– Мы знаем это, там уже приведены в состояние тревоги наши соединения, – Спокойно ответил Теневик. – Так, на всякий случай.

– Хорошо, – практически шепотом сказал Командор. – Очень хорошо.

Хозяин кабинета спрятал в столе листки, на котором стояла печатать гербового одноглавого орла и с подписью: «Строго для слуг полк-ордена».

– Сегодня пришлось давать ещё одну записку имперским архивариусам, – устало усмехнулся Командор. – Достали меня своими расспросами.

– Что они от вас хотели?

– Истории и структуры, – заприметив смущение на худом лице Антония, пояснил. – Они собирали информацию о полк-ордене, чтобы внести её в Единую Энциклопедию Организаций Рейха.

– И что же вы им рассказали?

– Отправил куда подальше... в наши Архивы.

– Это же в Афинах... далеко же вы их послали.

Сам Командор отлично помнил историю и состав таинственной организации, околосударственного статуса. Созданный для решения любой насущной проблемы он стал местом сбора всех возможных гвардий и специальных отрядов, которых во время становления Империи было неисчислимое множество. И из них первый Канцлер собрал единое подразделение, готовое пойти на всё ради спасения государства и родины, для которого нет преград и барьеров.

«Домината Директорис» – совет четырёх глав при председательстве Великого Консула, заседавший в Риме, единственный орган власти, который имеет право управления полк-орденом. Никто другой, кроме Канцлера не имеет возможности повлиять на деятельность закрытого подразделения, которое подчиняется напрямую верховному правителю.

Численность полк-ордена довольно невелика – четыре тысячи человек, не считая обслуживающего персонала, техники, совета и Консула, за что его и прозвали полком. Каждой тысячей, то есть когортой управляет лорд-командующий, отвечавший за всё в своём округе. Ротой, командует брат-капитан, ответственный за все аванпосты в его распоряжении, и имеющий в подчинении Командоров, заведующих аванпостами полк-ордена. Каждым отделением, командовал брат-лейтенант, а каждым звеном – тактический сержант. К каждому отделению приписывался свой обслужива-

ющий персонал и своя техника, от обычных машин до танков и вертолётот.

Этот орден получил большую автономию во время правления первого Канцлера, ибо для того, что бы искать и терзать отступников на всех уровнях, независимо от государства необходим был определённый уровень свободы.

– Как ты думаешь, Антоний, сколько мы ещё просуществоваем?

– То есть? – симитировав непонимание, спросил Теневик. – Вы о чём?

– Да не прикидывайся. Ты знаешь, что вводит нынешнего Канцлера в ярость. Он одержим властью, и его жажда контроля за всем нас погубит.

– Вы сейчас серьёзно? – смутился Антоний.

– Нет, что-ты... всего лишь предположение... только и всего. Истинная причина ненависть Канцлера к полк–ордену для меня тайна. Сколько было подано петиций в суды Рейха о рассмотрение дел, связанных с полк–орденом... он нас точно хочет задавить.

– Но пока в покорном парламенте остаются единицы сочувствующих и независимых людей, нам ничего не грозит, – пытается успокоить себя и Командора Антоний. – Хотя беспокоиться есть о чём.

– Ты действительно веришь в эту бутафорию, как парламент? – ехидно подметил Командор. – Церковь и Культ Государства – вот у кого сейчас истинная сила влияния на по-

корные массы. И правитель прислушивается к ним... пока что.

Хозяин помещения сделался грузным и усталым, уйдя в думы, но внезапный вопрос Теневика вырвал Командора из туманных размышлений:

– Как думаете, что делать остальным отделениям?

Командор привстал, согнулся, опёршись обеими руками на стол, и втянул немного воздуха.

– Эх, – послышался тяжкий вдох. – Я уже несколько раз говорил с нашим лорд-командующим, чтоб он перевел, хотя бы наши роты в его округе в чрезвычайное положение, но он отвечал, что бояться нечего, что всё в порядке.

– Да как бояться нечего, – неожиданно для Командора запротестовал Теневик. – В высший суд за этот месяц было отправлено на рассмотрение три сфабрикованного дела. Два в измене «великому Рейху» и одно о шпионаже. Это хорошо, что у нас в «Буле» есть покровители, а то бы все уже скрипели на виселицах.

Командор удивлённо посмотрел на своего подчинённого, ибо очень редко замечает в нём частые возмущения. Он решил постараться его успокоить:

– Спокойней, пока всё стабильно и это главное.

– Так не может быть вечно, – снова с неким бесстрашием проговорил Теневик. – Да и вы говорите, что парламентские фокусы нас не спасут.

– Ладно, сейчас не об этом, – стараясь увести тему, заго-

ворил Командор. – Как там наш проект «Новый Дом»?

– Всё в порядке, реализация будет точно в срок. В случае ситуации «Икс» он будет в большинстве своём функционален.

– Спасибо, Антоний, как видишь, для нас есть спасение в случае... беды. Кстати, ты можешь передать это нашим покровителям, что б они и оставались нашими «ангелами хранителями»?

После этих слов Командор вынул из стола тканевый свёрток, перевязанный бечёвкой, и передал его Теневику.

– Благородный металл никогда не переставал быть актуальным, – заявил едко Антоний и тут же добавил. – Хорошо, передам, – и как то нехотя ответил и взял этот свёрток, став ожидать дальнейших распоряжений.

Командор сильно постарался, чтобы найти это золото, ведь большим количеством денег было опасно расплачиваться, ибо министерство Денежных Потоков ревностно отслеживало каждую банкноту, или монетку, яро преследуя тех, кто использует «несанкционированные деньги».

Однако Командор не предал большого значения передачи оплаты, куда больше его интересует содержание второго сообщения. Хозяин кабинета кинул взгляд на первый отброшенный лист и стал вчитываться в содержимое и это его ничуть не удивляет.

– Одной рукой они пытаются опрокинуть Рейх, проклиная его за все беды, а другой дёргают за плечо и стремят-

ся добиться нашей помощи, – вполголоса сказал мужчина. – Чудны игры политики.

Командор кинул листок на стол и сложил руки на груди, обдумывая свои будущие действия. Прямоугольный кусок бумаги аккуратно прилетел на свет от монитора, и его содержимое оказалось на виду, по буквам которого быстро заплясал взгляд Антония:

«1. Мы партийные лидеры великой коммунистической державы с победившим равенством, просим вас проявить помощь нашему великому делу, по построению благополучного мира. Пусть нас разделяют и классы, и строй, мы просим вас и дальше сдерживать угрозу со стороны Африки и её эмигрантской нечисти, этих варваров, стремящихся разрушить наш справедливый порядок. Благодарим за ранее оказанную помощь, товарищи-враги».

« 2. Здравствуйте благородное руководство полк–ордена, мы салютуем вам и просим вас о помощи. Мы долго строили наш мир свобод и прав, наш мир демократии и свободы. Мы покорно просим помощи вас против грязного врага. Вы и сами знаете, кто пытается посягнуть на нашу стабильность. Да мы говорим об эмигрантских ордах, которые долгое время пытались отобрать у нас наш великий мир. Наше свободное руководство, наш Форум и Корпорации предлагают вам немного улучшить ваше благосостояние. Пусть и перед нами есть глубокие различия, думаю, мы можем продолжить наше сотрудничество в сфере сохранения нового чудного ми-

ра. Спасибо за понимание».

Командор посмотрел на Теневика. Он пару секунд размышлял над планом действий, хотя этого и не нужно было, ведь существовала специальная директива, связанная с противодействием напора мигрантов.

– Скажи, Антоний, почему мне поручено вести дела с этими маразматиками? А? Разве для них не нашлось человека более... терпеливого. Все же знают, как я не могу терпеть их.

– Приказ самого лорд-командующего. Ничего поделать не могу.

– Тогда слушай мой приказ, Теневик Антоний, ты вот эту бумагу с прошениями доставишь в кабинет пятьдесят два, оттуда её прикажешь факсом или электронным письмом отправить брат-капитану на Сицилии... мне всём равно как, главное, доставьте ему сообщение.

– Факсом?

– Ты ещё здесь? – скоротечно и грубо прозвучал вопрос. – Выполняй!

– Так точно, господин Командор, – хладно ответил Теневик, поморщив лицо, от того, что его Командор, вместо того, чтобы отправить прошение по электронной сети полк-ордена, гоняет его с бумагой к единственному факсу, который до сих пор держат из-за него.

– Подожди, Антоний, – резко воззвал Командор, протянув руку. – Не забудь и напомнить мне, что нужно будет заняться одним нашим... «другом». Думаю, его пора вытаскивать, а

то ведь пропадёт. Где он назначил встречу?

– В кофейне «Каффевиль»

– Да... хорошо. Можешь идти. Только после не забудь подготовиться.

После этого Антоний взял бумагу и быстро вышел из кабинета, а тем временем Командор подошёл к карте мира, которая висела на дальней стене, и стал в неё всматриваться, изучая новое положение стран в мире. Чётко ясны границы в Европе, а вот из Азии и Америки поступают противоречивые сведения, поэтому никто не решается составить точную политическую карту.

В кабинете с минуту стояла тишина, пока её не разорвали размышления Командора вслух:

– Ох, Африка, что с тобой стало, – тяжело произнёс Командор.

И действительно, за время эпохи Континентального Кризиса, когда вся система глобального взаимодействия рухнула, этот край мира сильно изменился. Там уже практически не было государств, в привычном понимании этого слова, скорее территории с номинальной властью, пережиток прежних времён. Вся Африка тянулась на север, снова в Европу. Миллионы, если не миллиарды беженцев убегали от болезней, голода, преступности и нищеты. Весь континент превратился в одну большую людскую мешанину, массу, объединённую одной идеей – убежать в более благополучные места. Вся Африка за пару сотен лет страшного кризиса утонула

в мусоре, нечистотах, гное и нищем населении, постепенно превращаясь в одни большие континентальные трущобы.

И, и Турецкий Султанат, и Объединенная Конфедерация Аравия, и Рейх оказались первой преградой на пути эмигрантских орд. Но всегда и везде с ними разбирались одинаково – безжалостное уничтожение тех, кто близко подобрался к границам, дабы не позволить проникнуть эху недавнего падения человечества в восстановленные страны, только отряхнувшиеся от пепла былой цивилизации.

Командор присел за с рабочий стол, активировал компьютер и тут же подключился к сети полк-ордена, сразу попав на передачу приказов сицилийского брат–капитана:

«Боевым баржам: «Средиземноморье», «Слава Рейха» и «Новый Ватикан» приступить к выполнению плана «Упреждение». Удар должен быть нанесён реактивными неядерными ракетами в течении двух минут. Приступайте».

Глава вторая. Миланское утро

Следующий день. Милан.

На часах около семи часов утра. Солнце начинает монотонный и медленный путь с востока, неспешно поднимаясь из-за горизонта, и заливая утренним заревом весь город, освещая небесным златом каждую улочку, каждый переулок. Старые эпохальные дома выходят из полуночного сумрака, являя миру своё древнее великолепие. Вместе с ними оковы ночного прохладного мрака скидывают и бетонные леса однообразных домов.

В комнату, которая помещена в один из множества однотипных имперских каменных монолитных бараков стали проникать первые лучи прохладного осеннего солнца, рассеивая в комнате ночной мрак, достигшие лица юноши, который лежит в кровати, ожидая пока прозвенит будильник.

Через минуту звон будильника мгновенно развеял и плотное беззвучие, царившее в комнате. Медленно худая, но жилистая, рука юноши потянулась к рядом стоящему будильнику. Дотянувшись, он наугад ткнул на пару кнопок, и режущее звучание электронного источника верещания резко смолкло.

Юноша, откинув белоснежное одеяло, нехотя встал с кровати, и тяжёлым сонным взглядом окинув свою комнату, в которой он не так давно живёт.

«Целый год, проклятье... триста шестьдесят пять дней», – подумал про себя парень и неохотно провалился в свои воспоминания.

– Габриель, поднимайся! – прокричал электронный голос из будильника – последнее напоминание о том, что необходимо вставать и собираться.

Юноша не стал осматриваться на устройство, выкрикнувшее его имя. Столько раз оно это делает, что всякий интерес к этому потерян и воспринимается как стандартная обыденность, неотделимый атрибут каждого дня. Но как бы парню хотелось, чтобы его окликнул живой родной голос, которого он слышал с шести лет. Живя в маленькой квартирке всего с восемнадцати лет, она уже успела надоесть и приесться, стать символом скорби и боли на сердце.

Все беды свалились двенадцать лет тому назад, и каждое утро начинается с тяжких воспоминаний и колючей печали, сдавливающей грудь. Ещё при правлении первого Канцлера те, кого он любил, были объявлены «Политически нестабильными» и его родителей отправили в трудовые исправительные лагеря, как ему сказали, а его самого отправили в воспитательный детский дом.

Тогда в Милане и его округе происходили чистки по политическим мотивам, и цепные псы нового господина миланских земель отлавливали каждого, кто косо посмотрит на атрибуты власти, не говоря уже об инакомыслии. После падения Альпийско–Северо–Итальянской Республики или

Лиги Севера [2] в этом регионе обстановка всегда оставалась нестабильной, постепенно накаляясь, ибо получив долгожданную свободу от распавшейся Италии народ Падании [3] хранил её на протяжении столетий великого кризиса и не собирался её отдавать после. Накануне тогда проводился несогласованный митинг в поддержку движения «Миланский дух», который требовал от Канцлера более независимого положения для города.

Габриель, в бытности ребёнком, не понимал политических мотивов сторон, ему просто по-детски нравилось, чем занимаются родители, подобно тому, как любое чадо гордится тем, где работают мать и отец. Хотя сейчас, по пришествии лет юноша проштудировав десятки книг, пропущенные Цензурой, понимает смысл происходящего, несмотря на то, что имперская пропаганда пыталась выставить это как подавление страшного акта неповиновения, угрожающего целостности страны и способного породить новый кризис. С обидой и беспомощностью парень читал страницы этих книг, зная, что люди просили обычного права свободы, и ещё больнее становилось оттого, что его родители попали под каток репрессий.

Они шли к площади, на которой была временная ставка Канцлера, но на улицах мгновенно выставили заграждение из солдат. Члены движения шли с флагами и транспарантами, чьи лозунги могли показаться опасными для фанатичного последователя Культа Государства. Но, ни смотря, ни на

что это была мирная демонстрация, которая требовала лишь толику свободы для города на их пути встали автоматчики. Люди в грубой военной форме, тяжёлыми берцами, бронежилетами и укреплёнными шлемами с автоматами АК-147 против мирных демонстрантов. Сквозь стройные ряды бойцов прошёл Канцлер. Его чёрное пальто касалось брусчатки, полуседые и чёрные волосы ложились на плечи, его обветренное и морщинистое лицо было гордо поднято, а голубые глаза с презрением взирали на толпу. Перед ним были люди без оружия, требующие мирной жизни, на их невинных лицах читалось доверие и ожидание. Люди чаяли надежду, что новый правитель пойдёт им навстречу, но у него были совершенно другие планы и понятия о преступлении против страны. Этот человек яро ненавидел, тех, кто думает не так как он, ибо как сам говорил: «Я суть истины. Я не могу ошибаться, а значит, те, кто думают иначе, совершают непростижительную ошибку».

Канцлер вздел руку, его ладонь была обтянута кожаной перчаткой, как у палача, который не хочет запачкать руки кровью на казни. Он махнул рукой в сторону толпы с сухим криком «Огонь». И жуткий звон автоматных очередей, и крики разорвали недолгое хрупкое спокойствие. Крики толпы заглушили автоматные очереди. Флаги свободы быстро упали на землю, вместе с наивными надеждами.

Очереди скосили первые ряды демонстрантов. На их лицах вечно остались непередаваемые непонимание и ужас. По

брусчатке быстро потекли реки крови. Толпа не могла быстро развернуться, но им дали фору – слышались звуки отстегивающихся рожков. Все быстро побежали обратно как можно быстрее, с криками и воплями, как подобает до смерти напуганной толпе. Звон затворов и новая очередь. И ещё одни ряды убегающих людей были скошены.

Родителям Габриеля невероятно повезло, они были в последних рядах и не попали под пламенное канцлерское правосудие, хотя их оно настигло немного позже и в иной форме. По всему городу начали искать участников кровавого митинга, ибо они запятнали себя преступлением против Рейха, а это подаётся как самый страшный грех. Родителей мальчика нашли буквально на следующий день, ибо уже тогда неусыпное око – тысячи, сотни тысяч глаз по городу способны отследить любого человека. Сначала в дверь просто стучали. Отец пытался найти какое-либо оружие, но нашёл всего лишь битую, и даже с этим убогим оружием он решил защищать свою семью. Поняв, что бойцам никто не откроет, они просто дверь выбили, щепки от которой разлетелись по всему коридору. В квартиру вломились трое солдат. Отец кинулся на них с битой, но солдат быстро среагировал, вытащил пистолет и прострелил ему ногу и запястье, и при этом фанатично крикнул – «За Рейх и Канцлера!». Двое других принялись разлучать мать и сына. Он навсегда запомнил её заплаканное лицо и тянущиеся к нему руки. Это были последние моменты, врезавшиеся в память на всю жизнь, когда

он видел своих родителей.

Потом он жил в детском доме, где годы его жизни были далеко не лёгкими, ибо программы воспитания, созданные министерством Детдомовского Образования, отвечали самым суровым стандартам Империи. Эти годы, который Рейх старательно стремился наполнить любовью к себе, вбивая постулаты верности к себе, подавая, что верность родине – идеал гражданина, Габриель старается не вспоминать по причине избыточности огромного количества впихиваемой пропаганды, которую ему пришлось проглотить, чтобы не отправиться в места похуже.

После жизни в детдоме, в восемнадцать лет, ему дали маленькую квартирку в Милане, всего одна комната, чтобы было, где существовать, и приписали к Академическому потоку «Схолум Культурик».

Габриель не разбирался ни в устройстве государства, а поэтому в «Схолум Политика» нему путь закрыт. Ни в финансовых потоках и экономики он ничего не мыслил, а это закрывало путь в «Схолум Экономика», и в сфере технических устройств мало что ведал, что обрывало возможность попадания в «Схолум Техника», но очень хорошо знал культурные аспекты Рейха, что и показал на дне своего распределения. Как он перед шестью членами Распределительной Комиссии – три представителей министерств, которых он не помнил, священник церкви, «монах» из Кюльта Государства и судья из Трибунала Рейха, рассказывал про становление

«Имперского неоренессанса» и обвинительно высказывался о культуре «Заката благоденствия и хрустального мира». После чего его и приписали к факультету «Культура нового Рейха и история её сложения».

Юноша, провертев тернистые, но дорогие ему воспоминания в голове и перестав размышлять про систему высшего образования, быстро встал и пошёл умываться, пролетев всю комнату за пару секунд, спеша на учёбу.

Он зашёл в крохотный туалет и взглянул на дверцу шкафчика. По правилам министерства Идеологической Чистоты в каждом доме должно быть минимум три вещи, присущие Культуре Государства. Это могла быть символика, плакаты или музыка. И на дверце шкафчика у Габриеля висит пожелтевший листок с гимном Рейха. В углу туалета, рядом с ванной, стоит маленькая статуя ястреба, терзающая крысу. Эта статуэтка олицетворяла правосудие Рейха, убивающее отступника. И третьим символом был плакат с изображением одного из министров. Юноша всегда помнил, что «монахи» из Куклы Государства или служители министерств могут в любое время нагрянуть к нему с проверкой. И Габриель их всегда отводил в туалет. Проверяющие люди сначала возмущались такому расположению священной символики, но парень, с едва уловимой язвительностью, им отвечал: «Да как так? Разве свет Рейха не должен светить повсюду? Разве такое место способно притушить яркое сияние истины?». Никто не мог ему возразить, лишь отмечая в своих бланках, что

эта квартира соответствует стандартам и её хозяина не нужно ставить в очередь на понижение Гражданского Рейтинга.

Усмехнувшись над вездесущими слугами режима, парень решил умыться. В зеркале престал помятый и сонный человек. Короткие белые волосы были немного растрёпаны, серо-зелёные глаза были сонными и туманными. Помятые острые черты лица выдают огромную усталость, несмотря на утро.

Парень открыл кран и налил в ладони воды, плеснув ею в лицо, умылся. Он неспешно почистил зубы и помыл голову. Потом он достал из холодильника немного еды – ломоть хлеба и кусок колбасы, и спешно перекусил, запив завтрак стаканом воды. Через полчаса он был уже одет и готов идти на учёбу. На нём красуются бесцветные штаны, туфли из кожзаменителя, тёмная кофта и серая лёгкая куртка, сумка через плечо, в которой лежит электронный планшет, перекинута на левый бок.

Перед выходом юноша презрительно взглянул на свою одежду. Своей серостью и мрачностью она ему очень не нравилась, но что можно было сделать, если по прошению Империял Экклесиас министерство Обеспечения Одеждой издало постановление, по которому, «в целях предотвращения морального разложения душ граждан», для того чтобы повысить свой Гражданский Рейтинг нужно было ходить в монотонной одежде. А если кого ни будь, застанут в разноцветных одеяниях, то сначала его могут допросить, а потом, если

будет нужда, человека просто арестуют за «Подрыв духовных идеалов Рейха и развращение душ».

Выразив в уме недовольство своему внешнему виду, Габриель открыл дверь и вышел в подъезд, где слабо веяло сыростью. Он закрыл дверь квартиры и спешно побежал по ступеням на улицу.

На часах около восьми часов утра это и так понятно по утреннему потоку свежести. Габриелю в лицо ударил лёгкий ветерок, немного проясняющий всё ещё мутное сознание. Юноша вышел на улицу из дома. Эта область очень близка к новым миланским районам, перестроенных по стандартам церкви, Культа Государства и ряда министерств. Ныне они полностью соответствовали идеалам равенства и единства, став равными в своей маловыразительности и едиными в стремлении продавить город массивностью тех идеалов, которые они в себе несут. Основываясь на эти стандарты пол Милана, были перестроены по новому лекалу. Габриель идёт и видит, как куда только можно Рейх пытается поместить идеи морали, сдержанности, послушания и пуританства.

На улице витает запах мокрого асфальта, смешавшись с ароматами машинного масла, сварки, а так же присутствует сладкое амбре из булочной, возле которой проходит юноша. Но всегда есть один-единственный запах, вечно стоящий на улицах и его ни с чем нельзя перепутать. Приторный и липкий, чуть колющий нос – так пахнут благовония Культа Государства, разжигаемые, дабы создать атмосферу церковно-

сти всюду.

Ветер слабо бьёт в лицо, хоть немного развевая пресловутую сонливость. Вдоль всех дорог города стоят колонны, которые наверху венчались неким подобием микрофона. Это были новые граммофоны, установленные министерством Идеологической Чистоты. Их предназначение весьма удивительно, ибо они не используются в целях донесения новостей, но уже Габриель готов закрыться, чтобы не слышать каждодневную порцию пресловутых настояний, но от этого нельзя скрыться.

Стоящие вдоль дороги граммофоны активировались. Оттуда полились сахарные похвалы и чуть ли не молитвы о втором Канцлере, захлестнувшие град одновременно шумовым потоком величайшей похвальбы, вроде: «Служи ему, как служил бы самому себе», «Он наш веет в мрачной тьме», «Его усилиями бережётся жизнь твоя», «Люби его как самого себя» и тому подобное. И так каждый день в восемь пятнадцать. Каждое утро граммофоны доносили до ушей людей, что их государство, их Рейх является единственным, ради чего следует жить, единственным, что может предотвратить разрушения и социальную энтропию.

Эти безмерные похвальбы длились до девяти часов. Сорок пять минут слащавой хвалы, которую, приходится выслушивать каждому жителю Рейха. И по закону было установлено, что если житель Империи встанет позже фантаasmогории хваления, естественного будильника, то его следова-

ло оштрафовать или отправить на исправительные работы. И за этим следит специальный комитет, приписанный министерству Идеологической Чистоты. Его сотрудники ходили по квартирам, и если открывший им человек был слишком сонным, то его могли наказать за «Презрение к государственной символике».

И вот юноша шёл, с презрением выслушивая эту жуткую сахарную какофонию, не зная, куда от неё скрыться, но впереди таилось более серьёзное явление. Уличный комиссар – человек, следивший за исполнением не догм режима, а мелких законов и ещё более незначительных подзаконных актов, и приказов неисчислимых министерств, практически не отличавшихся от тех же самых постулатов Церкви и Протоколов Трибунала, которых было ни счесть. По крайней мере, так видят ситуацию в Риме. Жители Милана, та горсть, которая ещё не впала в фанатичное почитание Рейха, смотрят на комиссаров, как на чуму. Но всё же даже они боятся открыть рот или криво оглянуться на «слуг государевых», предпочитая скрывать мысли неповиновения от себя, чтобы не стать презируемыми отступниками.

Юноша сейчас не думает о друзьях или годах прошлого. Он аккуратно идёт по небольшой серой улочке, чтобы не вызывать подозрений «Я просто парень, идущий на учёбу, что во мне такого? Я ничего не нарушаю» – пытается себя успокоить юноша исподлобья поглядывая на приближающегося комиссара.

Габриель знает, что жалование комиссаров выплачивалось Трибуналом Рейха и зависит от количества задержанных преступников или нарушителей «Идейного спокойствия», чтобы стимулировать государственную машину карать большее количество преступников. Но они не занимались подкладыванием улик или подтасовкой доказательств, им незачем было делать, ибо огромное количество мелких норм государства или малозначительные церковные настояния, приравнённые в Империи к источнику права, давали широкое поле для выявления нарушений, которые Габриель лихорадочно вспоминает, тихо ступая по асфальту, чтобы не попасть впросак.

Юноша понимает, что живя, создаются такие условия, чтобы граждане чувствовали себя всегда виноватыми, дабы оставаться в непреодолимом повиновении к государству. «Ибо человек виновный, всегда готов искупить вину в самопожертвовании своей родине» – так говорил первый Канцлер, так делает государство.

Глаза парня впились в образ комиссар. На нём выглаженные потёртые брюки, начищенные до блеска старые ботинки и скудное на цвет, порванное местами тканевое бежевое пальто. Он похож скорее на бедняка, чем на представителя судебно-силовой системы, но это не просто оборванцы, набранные с улиц. Они являются фанатичными последователями Рейха, верящие, что личное благосостояние ничто, по сравнению с преуспеванием родины.

Габриель ощутил, как суровый взгляд комиссара упал на него. Он сделал быстрый шаг и направился парню, отчего юноша едва не потерял, сознание. Ужас охватил его душу, сковывая даже ход мыслей, а представитель власти тем временем вынул удостоверение комиссара и начал разговор, сделав холодный и грубый голос:

– Гражданин. Назовите ваше имя.

Габриель понимал, что споры с этим человеком ничего не принесут, это может лишь усугубить и то не радужное положение.

– Я... я... Габриель, – коротко и с нотками дрожи в голосе ответил юноша.

– Так, Габриель, сейчас я проведу личный обыск. После этого, независимо, будут ли найдены вещи, запрещённые законодательством Рейха или нет, ты проедешь со мной в участок.

– А почему так?

– На основании Судебного Протокола-790 и Постановления Министерства Уличной Безопасности я имею право вас забрать в участок, – холодно проговорил мужчина. – Плохо вы знаете законы Рейха, гражданин, плохо.

До сердца Габриэля холодной рукой дотронулся испуг. Он, конечно, слышал истории об уличных комиссарах, едва не становился их «клиентом», но сам впервые сталкивается с подобной фанатичностью и беспредельной хладностью лично, помешанной на тоталитарном законодательстве государ-

ства.

– Мне необходимо на учёбу, – пытаюсь хоть как-то уйти от нависшего правосудия, с явной дрожью твердил парень. – Да и вообще, что вы делаете это незаконно. – Пытаюсь хоть как-то улучшить своё положение, вывалил Габриель.

Но эти слова подействовали на комиссара не так, как рассчитывал юноша. Глаза его должны были наполниться фанатичным пламенем, но в голубых очах отсвечивается лишь неумолимый бастион бездушия:

– Гражданин, вы хоть понимаете, кто я?

– Нет... – пролепетал Габриель. – Нет...

– Я не закон, но я тот, кто приводит его в исполнение. Вы препятствуете отправлению предправосудным процедурам, а это уже основание для задержания.

Потом уличный комиссар ухватился за воротник куртки и хорошо тряханул, опрокинув юношу, после чего попытался заковать его в наручники. Габриель уже готов разрыдаться, он уже представляет, как ему зачитают приговор за неподчинение власти. Уже готовился отправиться в тюремный блок Милана, но спасение пришло откуда не ждали.

– Эй, именем Рейха, что происходит?! – послышался со стороны возмущённый крик.

– Кто это? – спросил комиссар и, оставив парня, быстро поспешил к человеку, его позвавшему.

– Что здесь происходит? – Спросил подошедший невысокий человек.

– Гражданин. Кто вы? Я не обязан перед вами отчитываться, – строго ответил ему комиссар.

Стоявший напротив него усмехнулся, вытащил удостоверение и со словами показал его:

– Как раз-таки обязан.

– Простите, господин Надзиратель–Комиссар, не признал вас. – С еле уловимыми нотками извинениями проговорил уличный комиссар.

– Я спрошу ещё раз – Что тут происходит?

– Гражданин по имени Габриель сопротивляется правосудию Рейха. Это осуждается статьями...

– Я понял. – Внезапно прервав своего подчиненного, заговорил другой комиссар. – Отпустить его.

– Что? – с недоумением прозвучал вопрос.

– Подчиняйся, а то могу уже тебя привлечь по статье за «Иерархическое сопротивление» и «Неподчинение приказам». – Грозно ответил ему командир.

Уличный комиссар, так как даже не успел надеть на юношу наручники, просто развернулся и ушёл восвояси, в поисках другой жертвы, словно пребывал не в состоянии человечности, а механической необходимости.

Потом незнакомый спаситель подошёл к Габриелю. На комиссаре парень увидел потёртую кожаную куртку, чёрные туфли и джинсовые бесцветные брюки. Он протянул ему руку со словами:

– Давай поднимайся.

Парень, взявшись за ладонь, встал, отряхнулся, потёрся за щёку, по которой его саданули, и спросил с удивлением в голосе:

– Кто вы?

– Меня зовут Цирус. Я кто-то вроде надзирателя среди уличных комиссаров, поддерживаю порядок, что б они не пересажали всех вокруг, а потом и себя.

Габриель стоял ошарашенный от всей этой ситуации, не в состоянии понять, что сейчас произошло.

– Ох, спасибо вам, – вымолвил щеку, сказал юноша.

– Да не за что, прошу тебя, впредь будь осторожнее, не противься уличным комиссарам. Старайся обходить их стороной.

После чего они холодно друг другу пожали руки и разошлись в разные стороны. У парня не было времени, чтобы разбираться во всей ситуации. Габриель сделал свой шаг быстрее, чтобы не опоздать, направляясь в свою академию. Через пятнадцать минут он уже стоял у дверей нужного здания. Оно представляло обычную коробкообразную постройку четырёхугольного типа, с белыми стенами и обычными пластиковыми окнами старого типа. В этом здании было всего три этажа.

Парень отворил массивную деревянную дверь академии, украшенную гербом Рейха, и перешагнул порог. До занятий оставалось примерно пять минут. Холл здания представляет собой большое помещение с бежевой покраской стен. Там,

где-то в углу устроен гардероб, доска расписаний и место для объявлений, заваленная приглашения на молитвенные собрания и кружки почитания страны. Весь холл просто завален государственной символикой: плакаты с государственными деятелями, молитвы во имя Канцлера и Рейха и лозунги на веленовой бумаге. В пару углов стоят жаровни, в которых горели благовония, рекомендованные Культот Государства. По мнению органов государственно-духовной власти, любое учебное заведение было «храмом науки», а значит, даже воздух должен быть в них одинаковый с тем, что витает в церковных учреждениях. Империял Экклесиас никак не комментировала эту инициативу. На стенах так же свисали листки с бесконечными рекомендациями министерств, под которыми было написано: «Следуй им, ибо это идеал, прописанный Канцлером».

Осмотрев холл, и душевно поморщившись от всего этого государственного фанатизма, Габриель спешно сдал куртку в гардероб и направился к расписанию. Посмотрев, что первым занятием он направился в кабинет на втором этаже.

В коридорах так же висели не правила учёбы, а молитвенные гимны и идеологические установки. По просьбе Кукльтот Государства и Империял Экклесиас министерство Высшего Образования, для «Повешения моральной культуры, сохранения духовности и увеличения значимости идеалов государства» было принято решение щедро завалить все академии и учебные потки символикой Рейха и вещами, отражав-

шие его идеалы.

Габриель даже не обращал внимания на всё это. Парень, быстро поднявшись, спокойно зашёл в кабинет, где уже были его друзья. Кабинетное помещение не оказалось чем-либо примечательным. Обычная четырёхугольная комната с белыми одноцветными стенами. Там стояли несколько парт из дерева, были плакаты, как и связанные с культурой, так и связанные с восхвалением Рейха и Канцлера, три обычных окна, стол академика и обычная меловая доска с дорейховских времён, предложенная властью как развивающая моторику учащихся и соблюдающая преемственность поколений.

Когда Габриель, немного запыхавшись, забежал в кабинет, к нему сразу обратили свои приветствия его знакомые и друзья. Проходя к своим товарищам, он легко коснулся своим взглядом прекрасную девушку по имени Элен. Хотя полное её имя было Элеонора, товарищи называли её просто и по-дружески непринуждённо. Вечно весёлая и неповторимая девушка могла вызвать нескончаемую бурю эмоций у любого человека. Проходя, юноша заглянул ей в её глубокие карие глаза, и в его душе прошла лёгкая волна тепла, что можно назвать неважным увлечением, свойственное каждому подростку его годов.

– Ох, Габриель, как... что с тобой случилось, откуда у тебя эта ссадина на щеке, – с неповторимым удивлением спросила Камилла, вырвав парня из собственных душевных томлений.

– Да, так, – последовал короткий ответ.

Габриель всегда сохранял малословие и кротость, но замкнутым человеком он никогда не был. Он любил поговорить, но считал, если разговор пуст и не имел смысла, то просто предпочитал промолчать.

– Тебе лучше следует рассказать, – с явной требовательностью и нажимом заявил Давиан. – Может, сможем помочь.

– Вряд ли вы поможете, – сухо дал ответ Габриель. Я познакомился с уличным комиссаром.

– Хорошее утречко у тебя выдалось, – сдержанно, но с нотками внутреннего бунта, подалось со стороны от одного из друзей юноши.

После этих слов он кинул взгляд на Элен, не обратив внимания на глаза товарищей, полных сострадания, но она стояла без реакции, разговаривая с кем-то в паре метров, не обращая на Габриеля никого внимания.

– Ох, Господи, как ты? – С присущим только для этой девушки волнением спросила Камилла.

– Я? Да, нормально.

Неистовый звон звонка прервал их разговор, ознаменовав начало пары. Все разбежались по своим односторонним партам в ожидании дедушки Гюнтера, как студенты называли своего преподавателя. Но сегодня занятие проводил не он. Вошедший преподаватель был намного моложе и сразу призвал к тишине. На учителя были одноцветные серо-светлые брюки, такой же расцветки пиджак, на котором был прицеплен маленький значок в виде мальтийского креста, туфли и

круглые очки.

Академик окинул холодным взглядом сидящих учеников, будто упиваясь властью над ними. Осмотрев всех, он стал говорить:

– Уважаемые учащиеся, сегодня мы проведём только одно занятие, остальное пожелал вам сказать сам ректор.

По аудитории готовы были пробежаться торжественные вздохи и бодрые переговоры, но тут же они оборвались резким словом

– Прошу вас, прекратите, у нас есть ещё целых полтора часа на занятие, – нервно, не терпя беспорядка, сказал преподаватель.

После чего академик залез в портфель, достал оттуда тетрадь, положил на стол и открыл её.

– Кто ни будь, приготовил, что хотел Гюнтер Вериль. – Не отрываясь от тетради, спросил преподаватель, поглядывая на юношей и девушек, с непринуждённой колкостью добавив. – Можете поволноваться, он мне рассказал, что вам дал подготовить на дом.

В кабинете повисло молчание, которое прервал крайне недовольный голос академика:

– Что ж, я вижу, никто не соизволил подумать над темой. Ну, давайте, ... давайте сейчас её обсудим, если вы ничего не хотите делать дома.

– Простите, господин академик, меня не было, и я хотел спросить, а что за тема? – послышался голос из зала.

Учитель слабо выдохнул, помял ладони и, успокоившись, спокойно ответил:

– Я говорил вам, что бы вы мне нашли информацию по теме «Место миланской и поздне-италийского искусства в культуре великого Рейха», – и ещё раз, тщательно осмотрев зал, спросил. – Никто не хочет начать?

В аудитории продолжала стоять тишина.

– Тогда я начну. Больше двадцати лет тому назад наши территории были присоединены к великому Рейху, и перед нашим народом стоял выбор: найти своё место в лоне новой империи или бесславно погибнуть. Так вот, ради сохранения культуры и народа мы выбрали первое...

И тут академика перебил недовольный, переполненный наглостью, голос из аудитории:

– Сохранить? Мы ничего не сохранили. Культура рейха полностью поглотила культуру Милана, вобрала без остатка наш дух свободолобия, сделав из нас обычных рабов.

Это Алехандро, уроженец Милана и бунтарь по своей сути. Инакомыслие и диссидентство были его основными столпами в жизни. Однако в таком государстве как Рейх это было жестоко наказуемо, но его спасало только терпение других академиков и добродушие друзей. Алехандро часто спорил с дедушкой Гюнтером, и старый преподаватель прощал ему это неподчинение идеалам Рейха по своей доброте. Но этот академик, который сейчас его слушал, он относительно новый профессор в этом месте, и этот спор был весьма опасен,

но запал юноши ничего не могло остановить...

– То есть, по–вашему, Рейх только и подавляет свободу людей, то есть вы говорите, что Рейх – это тирания над людьми? – Спросил академик.

– Ну, а где наши свободы культуры и жизни, мы все под контролем, мы все рабы, все пленники этого несправедливого закона. – С напыщенностью, чуть ли не брызжа слюной, твердит Алехандро.

– Несправедливого? Почему? Я бы сказал, наши законы сдерживают разнузданность и похоть, а под контролем его величия Канцлера и людям стало жить спокойней.

– Канцлера? – недовольно переспросил юноша. – Да мы все на коротком поводке у его деспотичного величества.

– То есть, сейчас вы оскорбляете Канцлера?

Спор мог ещё долго продолжаться, но тут дверь со скрипом отворилась, и вошёл главный человек академии.

– Простите, – прокашлялся вошедший, – что прерываю ваше занятие.

– Здравствуйте, Господин Ректор, – одновременно встав в единый голос, поприветствовали главу академии, прервав того.

– Здравствуйте, ребята, – так же поприветствовал их светловолосый крупный мужчина. – Уже пора, фестиваль решили начать по раньше, поэтому все сейчас выходим, одеваемся и идём на площадь Великого Канцлера, пойдёте. – В tone отдачи приказа заявил вошедший хозяин академии.

Все встали и пошли за ректором. Алехандро проходя мимо нового преподавателя, кинул ему взгляд полный отвращения, но в это время на лице академика пробежала лёгкая и зловещая улыбка.

Учащиеся академии уже стояли у гардероба и одевались. В холле стоял некоторый гул, все кто учились в академии, здесь собрались и, постоянно переговариваясь, поспешно одевались.

Габриель, застёгивая молнию на куртке, в полголоса спросил у своих товарищей:

– А, что сегодня за фестиваль? – тихо, стараясь чтобы никто не услышал, спросил у своих друзей Габриель.

– Ты не в курсе? – с некоторой толикой удивления игриво возмутилась Элен и продолжила. – Сегодня фестиваль посвящённый годовщине восхождения второго Канцлера.

Габриель укорил себя за это незнание и зарёкся выучить эту дату, ибо даже при незнании одного государственного праздника можно было привлечь ненужное внимание со стороны некоторых министерств. После её ответа все из академии дружно вышли и зашагали к площади, на котором уже разоралось неистовое празднество.

...

Тем временем в кабинете:

Академик достал листок белой бумаги, достал ручку и стал судорожно писать. В нём горело фанатичное желание наказать отступника мысли, что сегодня посмел покуситься

на значимость культуры Рейха.

Под светом, падающим из окна, проявлялись роковые строчки:

Заявление.

Куда: Городской отдел министерства Идеологической Чистоты.

Кому: Городской представитель министра.

«Прошу провести расследование связанные с оскорблением личности канцлера и подрыве веры в идеологическую верность курса Рейха. Объект исследования – Алехандро Фальконе, обучающиеся в «Схолум Культурик», а так же добавлю...»

Преподаватель ещё несколько минут яростно и с большим блеском в глазах кропал что-то на бумаге, потом взял её и поспешно вышел из кабинета.

Глава третья. Железные Крылья

Тем временем.

Это всего лишь обычное мелкое кафе в центре города, коих разбросано по всему Риму не меньше десятка тысяч. За окном уже давно всюду светит солнце, а лёгкий ветер гуляет по улицам вечного города, поднимая мелкий мусор и немногочисленную пожелтевшую листву, кружа её вихрем в воздухе.

В помещении плотно стоит приятный запах настоящего кофе и различных душистых пряностей, которые липким ароматом наполняют заведение и местность вокруг него, отчего кофейня имеет некий мистический шарм, словно внутри неё человек переносится во времена, когда над этим городом ещё витал дух бывшей свободы в очень давние времена существования единой Италии.

Кофейня располагается на первом этаже большого жилого комплекса, возвышавшегося на шестьдесят этажей вверх, что было вдвое больше стандартных «коробчатых» жилых домов и поэтому посетителей в ней всегда предостаточно, несмотря на дороговизну самого кофе, и еды, которой в ней подают.

В помещении уютного заведения несколько тусклое освещение, усиливаемое закрытыми тёмно-бардовыми шторами,

едва угнетающие взгляд, отчего только создаётся приятная для души томность в этом месте. За стеклянными дверями сразу простирается пол, представленный мраморной плиткой, начищенной до зеркального блеска, в зале стоят удивительные круглые деревянные столики с плетёными стульями рядом. У стен, где и поставили двухместные столики, растут ещё и пара экзотических растений из чёрных гранёных горшков.

Хоть с первого взгляда и могло показаться, что это кафе по своему духу как бы противопоставлено нагнетающей атмосфере Рейха, но на самом деле всё обстояло иначе. У дверей кофейни свисают два стяга – флага Империи, на стенах поместили несколько плакатов, с изображением герба, политических деятелей Рейха, что своим каменным взглядом холодно смотрели на посетителей, будто бы надзирая за гражданами и как они соблюдают нормы, явно не способствуя созданию приятной атмосферы, а так же на стенах красуются несколько полотнищ с надписями, полными идеологической тематикой: «Власть Рейха – непоколебима», «Не забудь молитву вознести не только о вкушении пищи, но и о Канцлере», «Прибывай в вечной верности Рейху» или «Идти против Рейха и Канцлера – значит идти против Бога». На посуде можно было заметить государственную символику – герба различных министерств, простые профили политиков или же памятные даты. А где-то в сторонке, в глубинах кафе есть небольшое, миниатюрная комнатка, святилище, где

люди могут почтить Бога и Его святых, которое тут должно быть в обязательном порядке, согласно «Софиус Лекс Понтификс» – приказу главного Иерарха имперской Церкви. Так же есть ещё одна комнатка, только кресты сменены статуэтками Канцлера, а иконы поменены на портреты Канцлера и в ней, устроенной по требованию Культа Государства, люди воздают хвалу правителю.

Но посетители не бунтуют и не возмущаются, что заведение, в котором не должно быть резкого почитания государства, забито атрибутикой, и многие как дети радуются, что даже в это, с виду свободное и источающее дух былой свободы, место проник так называемый «Кульг государства».

Однако за одним из столиков восседает посетитель кофейни, который явно не испытывает благостного восторга от того, что здесь всё забито символикой Рейха, а само место похоже на монастырь, чем на заведение в котором можно расслабиться. Напряжённый взгляд мужчины рассматривает посетителей и видит, как люди тут веселятся и ликуют, что явно его не радует.

– «Нет, это не кофейня... это чёртов храм Рейха» – поругался внутри себя человек.

Мужчина опустил правую руку в карман длинного бежевого пальто и, проверив время на телефоне, метнул взгляд в сторону дверей, ожидая встречи, а другой рукой нервно потёр тонкий коричневый шарф у горла, поправляя его.

Гражданин был коротко подстрижен, черты лица были

несколько квадратными, довольно зрелыми и на вид ему было дать чуть больше сорока лет. Квадратные очки, надетые как дань старой моде, несколько искажают цвет глаз, делая их насыщенно-голубыми.

Через очки он смотрит на мир, который полностью увяз в почитании морали и силы государства, где полная, безраздельная и абсолютная праведность подаётся как нечто идеальное, а непрерывный и полный контроль державы преподносится как столп бесконечной стабильности.

– Как же мы дошли до этого? – тихо, шёпотом сорвались слова с губ мужчины.

– Вы что-то сказали? – спросил мимо проходящий официант.

– Да, – уверенно ему ответил гражданин. – Принесите мне чёрного кофе «Империялес-ля-глоре», пожалуйста, – после сего посетитель возмутился, думая – «был же эспрессо, так нет, названием новым обозвали».

Мысли наводят мужчину на то, что всё происходящее вокруг не что иное, как результат долгой и кропотливой работы, развернувшейся на территории Рейха после того, как воины Канцлера прошли огнём и мечом по непокорённым странам. Но кто же ответственен за построения мира абсолютной определённости? Кто стоит за созданием духа полной верности отечеству и почитанием, как второго после Небесных Сил? Кто дал обществу Рейху крылья из металла, которые вырвали его из цепких лап постапокалиптические

ской цивилизации и гнетущего образа жизни? «Кульٹ Госу- дарства» – сам себе, в мыслях проговорил мужчина, не же- лая проговаривать название этой организации.

Все знают, что он зародился ещё в начале правления пер- вого Канцлера, когда ему требовались идеи, чтобы скрепить всё общество будущей Империи, дать ему мотивацию к жиз- ни и поддерживать в нём стремление служить державе. Им- периал Экклесиас – церковь, давала лишь моральный хре- бет, оберегающий дух от растрения и впадения в «либераль- ные ереси». Но нужен был стержень, который держит чело- века в постоянной готовности жертвовать ради страны и об- ращал его взор к ценностям материального мира, к благопо- лучию государства, в противовес духовности и антиматери- ализма, идущего от проповедей церковников.

Рассматривая гербовую скатерть у себя на столе, посети- тель окунулся в воспоминания и, несмотря на преклонный возраст, он прекрасно помнит те дне, когда пробил час «Свя- того Дня» и первый верховный правитель добился власти у себя на родинке. Канцлер не принимал догмы коммунизма и ещё с большим презрением относился к либерализму, а по- этому они тут же были вычеркнуты из списка идей. И тогда он нашёл выход – создал собственную систему ценностей, мало похожую на полноценную идеологию, назвав её «Почи- тание родной державы» или Кульٹ Государства, а ей понадо- бились свои опоры.

– Треклятые заповеди, – усмехнулся шёпотом мужчина.

Её суть сводилась к одиннадцати простым заповедям, которые должны быть в памяти любого гражданина Империи, а посему мужчина повертел их памяти:

1. Я Канцлер, господин твой. Да не будет у тебя других правителей пред лицом Моим.

2. Не ищи себе правителя другого и никакого господина того, что за стеной может быть и что самопровозгласит себя правителем внутри Рейха.

3. Не поклоняйся им и не служи другим правителям, ибо я Канцлер твой, повелитель твой, наказывающий детей за вину отцов, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим догматы Мои.

4. Не произноси имени Канцлера, повелителя твоего, напрасно; ибо правосудие не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

5. Помни день субботний, чтобы святить Его и провести день в молитвах за Канцлера своего. Пять дней работай, и делай всякие дела твои; а день шестой – суббота Канцлеру. Ибо несколько лет создавал Канцлер великое государство. Посему благословил Господь день субботний и освятил его.

6. Почитай служащих государству как мать свою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Канцлер, повелитель твой, дает тебе.

7. Не убивай.

8. Не прелюбодействуй, ибо пойдёшь ты против морали.

9. Не кради у Рейха.

10. Не произноси ложного свидетельства на Рейх или государственного служащего.

11. Не желай богатств Канцлера своего или имущества себе от Рейха».

Эти догматы были очень похожи на те десять заповедей, что некогда Бог через Моисея дал своему народу. И действительно, первый Канцлер в своём стремлении сравняться чуть ли не с Создателем решил банально перефразировать десять священных заповедей.

Мысли посетителя кофейни мгновенно оборвались, когда официант поставил чашку исторгающего в пространство терпкие ароматы кофе.

– Ох, благодарю, – потирая сухие надутые губы, выговорил мужчина перед юнцом в чёрно-белых официантских одеждах, на груди которого наколот значок Государственного Управления Кафетериев – чашка с напитком на фоне орла.

– Да не за что. Главное, не забудьте оставить плату «за услугу государеву», как говорится в «Фолианте Гражданина»

«Как же я мог забыть про “Фолиант Гражданина”» – съехидничал в мыслях человек, посматривая в спину, уходящему наивному пареньку.

Парень помнит, что это небольшая карманная книжка, где трактуются в нужном смысле догматы, и рассказывалось, как нужно правильно служить своему государству. По своей сути

«Фолиант Гражданина» был культовым сборником, где рассказывались правила нужного поведения. Но в первую очередь Канцлер, создавая «Фолиант», стремился навязать почитание самого государства, как сакрального и священного института, по величию и возвышению сравнимого только с Царствием Небесным. Помимо всего он преследовал ещё одну цель – полное и тотальное подчинению государству на всех уровнях и на любом месте и это потакание должно быть повсеместным, не зависимо от региона. По «Фолианту» граждане получали множество обязанностей при взаимодействии друг с другом и государством, морально-этического и политического характера.

Неожиданный возглас с другого столика оборвал ход мыслей мужчины, Он увидел, как молодая дама трясётся над случайно опрокинутым стаканом, возле которого уже копошится уборщик, собирая осколки в мусорный контейнер.

– Вот девушка, – слышалась тихая усмешка. – Захотела себе снижение «рейтинга».

Большинство посетителей кафе сейчас вспомнили о статусе гражданина и его социальных баллах. За такую оплошность, как случайная порча мелкого имущества Рейха, следовало минимальный вычет баллов, что призовет гражданку в будущем быть осторожнее. И если какой-то человек или организация хотели более высокий, так называемый «Гражданский Рейтинг», то они должны были строго и полностью следовать Культуре Государства, не уклоняясь от его постула-

тов не на йоту. Министерства, которым нет числа, Культ Государства и Империял Экклесиас строго следили за тем, чтобы почитание государства не падало ни на десятую балла, и снижали «Рейтинг» за всё, даже за случайно разбитую посуду.

Но таинственному посетителю сейчас не до посуды. Лицо мужчины выражает крайнюю беспокойность. Одной рукой он постоянно стал тыкать в экран своего телефона, а другой беспорядочно мямсалфетку. На столе возле него стоит чашка недопитого напитка, от которой ещё исходил запах свежего кофе. На него никто не обращает внимания, он похож на невидимку, малозаметного клерка и хоть одежда и недорогой кофе человека могли сказать о невысоком социальном статусе, но действительность совершенно иная.

В кофейню зашёл человек, вызвавший оживление у гражданина в бежевом пальто. Вошедший одет в чёрные едва мешковатые одежды, с короткими сапогами и лихо подпрыгивающей сумкой через плечо.

Мужчина поднял голову и резко обратил свой взор на вошедшего человека, ожидая, когда новый посетитель займёт рядом с ним место.

– Здравствуйте, Лорд Ротмайр, – скупона эмоции произнес вошедший человек, подходя к столику. – Простите, задержался.

– Ты почему опаздываешь? Почему, когда я тебе пишу, ты не отвечаешь? У меня не столько много времени осталось,

чтобы с тобой здесь кофе гонять, – с толикой наглости и самомнения заявил Лорд.

– Простите, господин, но у меня ещё довольно много дел... касаясь вашей персоны, телефон просто сел.

– Заряжать надо чаще. Ладно, присаживайся, – немного укротив свой нрав, сказал Ротмайр. – Что ты мне готов рассказать интересного?

– Можно контрвопрос?

– Ну ладно, задавай, – нехотя согласился Лорд.

– И почему же вы решили, что всё настолько изменилось и пришлось поднять нас? Что заставило вас так беспокоиться и искать помощи у таких как мы?

Ротмайр сначала сморщил недовольную гримасу на лице, но всё же потом ответил:

– Боюсь, что ситуация выходит из-под контроля. Кажется, что в его раскисший мозг стали возвращаться сознание и рассудок. Он больше не пускает слюни при виде нас, а это очень плохо.

– И почему же вы так решили?

– Я видел его взгляд и поверь, он похож на то, как смотрит на тебя бешеный пёс.

Рядом сидящий человек от такого ответа опешил, и он тут же задал ещё один вопрос, давась от удивления:

– Все ваши предположения и беспокойства основываются всего лишь на взгляде?

У Роттмайра взгляд сделался весьма недовольным, но всё

же ответ последовал спокойным голосом:

– Знаешь, я помню тот взгляд, когда мы сломали его, помню его глаза после того, как он покинул место «отдыха». И я тебе скажу, что никогда в жизни не видел такой пустоты, и печали... аж холодно становилось, знаешь ли. И это несмотря на то, что я начинал с первым Канцлером в Южно-Аппенинском Ковенанте.

– И что же изменилось сейчас?

– А сейчас он иной. Он не наполнился светом и жизненной силой... безумием скорее, жестокостью и лисьей хитростью, за которой он всё это скрыл. Это сумасшествие не даёт мне покоя, – Ротмайр притих, глубоко задумавшись, а потом, выйдя из ступора, продолжил. – Я знаю, такие люди как вы привыкли доверять фактам и неопровержимым доказательствам, и я надеюсь, что вы мне их принесли. Пойми, я слишком долго был в политике и ещё дольше в грязной политике...

– А между ними есть разница? – оборвал на полуслове Роттмайра собеседник.

– Понимаю, но не об этом. Я знаю, что глаза могут о человеке сказать многое. Его речи могут лукавить, поступки сбивать с толку, но взгляд не подведёт никогда. Как бы это банально не звучало – очи это зеркала души.

– Вы сами виноваты, ибо это чудовище сотворили вы, – обвинительным тоном сказал рядом сидящий человек. – Вы в вашей жадности к власти, создали этого психопата. –

Упрекнул он Лорда.

– Да, мы хотели власти, – нагло и, исказив в грубый голос, заявил Ротмайр. – И мы её получили, взяли заслуженное, которое нам должен был отдать ещё первый Канцлер. И неважно, каким путём.

– А ваши собратья–Лорды не знают, что вы решили уйти от общего пути? Что решили проявить несвойственное для вас благородие? – с лёгкой улыбкой и с сарказмом в голосе сказал напротив сидящий человек. – Вы помните, как решили помиловать жертвенную козу, подменив её?

– Заткнись, – тихо прорычал Лорд. – Ты не знаешь, о чём говоришь. Сейчас идёт большая игра. Есть силы, что стремятся переделать всё по собственному усмотрению, в том числе и мою с тобой родину. Мы эти силы так и не узнали, хотя они нам изрядно попортили мне жизнь. И та спасённая жертва, возможно, сыграет решающую роль в будущем, разрешит конфликт, так сказать.

– А вы не хотите сообщить своим друзьям о надвигающейся угрозе?

– А зачем? – удивлённо чуть ли не восклицая, сказал Ротмайр. – Они послужат для утоления жажды мести того психа и пока он будет их резать, я смогу уйти... скрыться в ночи, – легко оскалился улыбкой Лорд и тут же заметил возмущение в глазах своего собеседника, что ему сильно не понравилось. – И не смотри на меня так, Антоний, слуга полк-ордена. Мне их не жалко...

Теневик знает, зачем он здесь и что сулит всё происходящее. Ничего хорошего в дальнейшем и сейчас он, Роттмаир и полк-орден пытаются предотвратить катастрофу, которой ещё не ощутили. Действительность такова, что своей наглостью, хитростью и неистовым желанием править Лорды Империи, аристократия первого Канцлера, его политические сподвижники, сумели «пододвинуть» второго правителя занять место единственного гегемона у власти, став вертеть Рейхом как игрушкой в собственных руках. Но единственный Роттмаир ощутил, что их правление подходит к концу, а ещё дальше надвигается буря, что сулит глобальные перемены.

– Позвольте, а кем для него вы вообще являлись?

– Мы должны были стать для него наставниками и опорой, нервно поминая салфетку, говорил Роттмаир. – Наш друг, взошедший к единоличной власти, хотел, чтобы мы его научили, как управляться с огромным государством, дали знания...

– А вместо этого вы превратились в его палачей, – упрекнул Лорда Антоний. – Я удивляюсь, почему вы вообще позволили ему *de-jure* оставаться у власти.

– Да, мы сохраняли святость фигуры второго Канцлера, отлично понимая, что народу легче любить только одного царька, присягать на верность только одному правителю, обвинять и взваливать ответственность на одного человека и просто верить можно только в одну сакральную личность.

Антоний понимает, что редко, когда народ примет «нужную» политическую святость несколько личностей у власти и не назовёт их ворами и мошенниками, которые ничего не делают. Люди никогда не теряли веры в «доброго царя», ни до великого кризиса, не после и Лорды воспользовались этим.

– Хоть бы послабления дали от государства, раз вы стали воротилами власти.

– Снять запреты? Убрать множественные ограничения? – недовольно стал перебирать вопросами Лорд. – Да ты безумец, каких ещё нужно искать.

– Почему? – резко выпалил Антоний. – Разве собратья-лорды были против?

– Мои «сотоварищи», оказались свиньями, которых нужно ещё искать. Они понимали, если они хотят остаться у власти и продолжить беспрепятственно кормиться, то ни о каких правах и свободах у людей не может быть и речи. Народ должен беспрекословно повиноваться своей власти, не задавая лишних и ненужных вопросов. И для этих целей, после смерти первого Канцлера, наигранно были сняты некоторые ограничения и запреты, всего лишь притворно показывая ослабление деспотизма личности.

– А какой ваш мотив?

– Мой... – опечаленно затанул Роттмаир. – Без них Рейх не может существовать, чтобы не говорила либерально-опозиционная гнусь, которая есть пища для адской мельницы Инквизиции. Тоталитарная модель – идеальная возмож-

ность избежать будущих кризисов и падений, пусть мы и заплатим за это кровью и рабством. Это наш щит от прошлого. Можешь посмотреть на Африку и понять, что нас ждёт без...

– Я понял. И как же вы этого добились?

– Были усилены тайные механизмы подавления воли и свободы. Но сначала многократно приумножили институты пропаганды идеологии – троекратно увеличили состав Империял Экклесиас, расширены полномочия Культа Государства. Но больше всего были напряжены отделы тайных шпионских агентурных сетей, Инспекторской Канцелярии и Трибунала Рейха.

Антоний видит результат этих действий. Сначала Канцлер, а затем и Лорды дали народу железные крылья, на которых он поднимется из пепла, но из-за их тяжести не улетит в полёт вольнодумства. Бегство от кошмаров постапокалиптического прошлого привело, что везде и всюду – от детских садов до городских мэрий читались молитвы и пелись молитвенные гимны во славу Бога, Канцлера и Рейха. Адепты Культа Государства во всех школах и на всех предприятиях читали лекции о пользе почитания Рейха. Везде где только можно было, людям вкладывали в умы и сознания, вписывали в подсознание одну простую установку – «Рейх – единственный абсолют в жизни, ради которого стоит жить». И если где-нибудь, будь то на заводе или во дворце губернатора человек начнёт сомневаться в постулатах Рейха, то, скорее всего через некоторое время он просто пропадал бесслед-

но. Начальство незамедлительно получало приказ сверху о его «необходимом» переводе на другое место, а самого «еретика мысли» можно было встретить на мунофакториатии – невообразимо огромной тюрьме–заводе, где люди работали до конца своей жизни. И из этой тюрьмы можно было выйти лишь по особому приказу. И таких приказа было всего три – Помилование от Великого Отца, Специальный Циркуляр Канцлера и Великое Распоряжение Трибунала Рейха.

И Верховные Лорды всё сильнее утягивали удавку репрессий на шее собственного народа, всё сильнее грабя собственных граждан. Им нужно было поддерживать легенду о сильном и независимом Канцлере, который любит свой народ и поэтому, к тем, кто начинал сомневаться в правильности курса государства вскоре приходили и читали специальную воспитательную лекцию. А на второй раз человек уже бесследно пропадал.

– Пусть ваши мотивы благородны, но вы же видите, к чему привело распутство ваших друзей, – вновь звучит упрёк.

– Конечно, понимаю, но сейчас мне до древней лампочки на это, – отмахнулся Лорд. – Я вижу, что под дурманные ум и душу молитвенные песнопения, под бесконечные поучительные лекции и под нескончаемый террор мои товарищи, которыми помыкает жадность, стараются как можно больше вытащить из карманов людей. Новые налоги вводились под сладкие песнопения о долге государству. Должен признаться, мы стали худшей пародией на правление первого Канц-

лера. За их правление было введено сорок два новых налога.

– И вот так вот в Рейхе была установлена деспотия олигархии, вместо диктатуры одной личности, – сухо подытожил Антоний вместо Роттмайра.

– Да, ты совершенно прав. И именно поэтому я отдаю на откуп одиннадцать жертвенных баранов. Пусть всё это безумие закончится.

– Но далеко не все так хотели жить и сейчас не пожелают, – стремясь подколоть собеседника, аккуратно поднял болезную тему Антоний. – Нашлись те, кто захотел скинуть ярмо тирании правящего олигархата, – и отметив смущение на лице Лорда, едва красуясь незаметной улыбкой на тонких губах живее продолжил говорить. – На далёком Иберийском полуострове, дети древней Испании подняли мятеж, стремясь скинуть ярмо власти Рима. Город за городом и вся территория бывшей Португалии оказалась под властью сепаратистов, как так получилось... не ваших рук проделка? Чтобы ещё сильнее «попросить затянуть пояса граждан»? Или решили устранить соперников в Иберии, похоронив их под волной мятежа?

– Ах, помню, мы сразу издали директивы, чтобы в Иберию никого не пускали, обосновывая это экологической катастрофой, – со сдержанной радостью отметил Лорд. – А в средства массовой информации, от газеты из киоска до Сети Рейха – подобия интернета, была дана информация, что в Иберии сейчас катастрофа и Рейх всеми силами будет её

устранять.

– Так это ваших рук проделка?

– Нет... обычный акт недовольства, но есть одна странная особенность в этом мятеже – отступники оказались хорошо вооружены и осведомлены обо всех действиях правительственных войск. А армия Рейха наоборот, почему-то оснащена старой техникой, да и её соединений оказалась очень мало в том регионе, чтобы отразить нападения треклятых мятежников.

– Согласен. Это оказались не обычные повстанцы, а люди, ведущую собственную пропаганду собственных ценностей и идеалов, вразрез отличавшихся от идеалов Рейха.

– Да, при расследовании оказалось, что пропаганды церкви и Культа Государства в этом регионе было критически мало, что и повлекло к распространению еретических и отступнических идей. Это всё привело к мыслям, что в высшем руководстве есть предатели, но разбираться с этим уже другим людям... я умываю руки. Инквизиция, инспекторы, конечно, занялись своей любимой работой – дознание информации и бесконечные пытки, во время расследования было показательно казнено свыше четырёх десятков чиновников и три десятка священников, ещё сотни отправились в тюрьмы, которых посчитали за еретиков, но этого будет чертовски мало. Хотя мне сейчас плевать на этот мятеж, – небрежно кинул Лорд. – Давай покончим с этим с этим.

– Да, простите за расспрос. Не каждый день удаётся по-

говорить с людьми вашей, как вы говорите масти. Что ж, я принёс вам некоторую информацию, которая подтверждает ваши догадки, – сказав собеседник, протянул несколько листов.

Взяв бумаги, Лорд стал в них внимательно вчитываться, но через несколько мгновений его лицо помрачнело, и он, откинув бумаги на стол, буквально подорвался с места и зашпешил к выходу. Его захотел остановить официант, требуя оплаты за кофе, но Ротмайр отмахнулся со словами:

– Вон тот мужчина уплатит – указывая на своего информатора.

Антоний в свою очередь достал удостоверение Теневика полк–ордена и показал его официанту, избавив себя от траты денег. С недовольным лицом и с расстроившимся взглядом официант, надевшийся на чаевые, которые были строго определены Министерством Заведений Культурного Досуга, взял чашку со стола и унёс.

Теневик полк–ордена, достал устройство, похожее на широкий телефон, но таковым не являлось. Это оказался обычный коммуникатор полк–ордена. Он переключился на индивидуальную связь с Командором и стал печатать в сеть закрытую текст:

– Стервятник решил покинуть гнездо.

– Что прости за чушь? – появился через полминуты вопрос, явно заданный Командором в возмущении. – Вы можете выражаться понятней? Наша сеть не просматривается

со стороны Имперор Магистратос.

Антоний улыбнулся и снова начал набирать текст:

– Простите Командор, я не удержался. Я сообщаю, что Верховный Лорд Ротмайр решил покинуть Рим.

– Отлично. Благодарю за информацию. Пора инициировать план по его перехвату. У нас есть свободная гражданско–тактическая группа в пределах Рима.

– Да, есть такая.

– Хорошо, иницируйте план по перехвату Лорда, а в цитадель–монастырь нашего полк–ордена пока ничего не сообщайте. Им не о чем знать, об этом.

– Слушаюсь, – напечатал Теневик, быстро сунул коммуникатор в карман и вышел из кофейни.

Глава четвёртая. Дела аванпоста

Спустя час.

В кабинете стоит непроницаемая тишина. Окна и двери плотно закрыты, а поэтому помимо тишины в помещении несколько душно. По крайней мере здешнему единственному цветку, увенчанному желтоватым колоском с белыми тонкими лепестками здесь плохо.

В кабинете присутствует единственный человек. Командор сидит за собственным столом и что-то высматривает в экране монитора компьютера, который являет собой ещё старую сборку, времён до Италийской Ночи Междоцарствий, став, ещё как-то работающим анахронизмом давно ушедших времён. Машина тихо постанывает, под тяжестью пережитого времени и оттого в кабинете стоял негромкий гул работающей техники.

Кто он такой, человек работающий день и ночь на полк-орден? Командор из своего кабинета беспрестанно день за днём управляет аванпостом, который ему вверили. С должности он мог лишь перевестись в другой аванпост, если таковой имелся или же его могут попросту снять со службы. В ином случае, с поста командора может снять только смерть.

Хоть главы аванпостов не участвуют в операциях полк-ордена, если не проявят личное желание, но и их жизнь не

была лёгкая. Ежедневно на командора аванпоста взваливалось масса задач, которые необходимо было решать. Это и обеспечение продовольствием, и снабжение инструментами и приборами разного рода для обслуживающего персонала, и техническая поддержка аванпоста, и коммунальные услуги, и канцелярские принадлежности... вплоть до стройматериалов для ремонта или строительства объектов. Проще сказать, что всё, что не касалось обеспечения оружием, амуницией, техникой и информацией солдат, командоры приобретали сами. Каждый аванпост максимально автономен, а это значит, что его экономико-хозяйственная сторона должна была обеспечиваться командорами без частого согласования с центром. Главам аванпостов всего лишь из штаба выделяли деньги, чтобы было на что всё приобретать, а где они возьмут всё им необходимое: купят у Рейха, у частного лица или достанут по-другому не так сильно волновало цитадель-монастырь – сердце полк-ордена.

Несмотря на то, что в кабинете стоит приятный компьютерный гул, его обрывает жужжание панельных ламп над головой, как вдруг и их брэнчание работы развеял звук скрипучей двери и в помещение прошёл мужчина в строгом костюме с листами в руках.

– Вам пришли прошения из четырёх министерств, на которые необходимо ответить в самое ближайшее время, – сказал вошедший человек.

– Хорошо, положите на стол и можете быть свободны, –

спокойно, сильным голосом, чуть оторвавшись от своего компьютера, сказал Командор.

Вошедший человек спешно положил четыре листка на стол и тут же удалился из кабинета. В помещении вновь воцарился тихий и спокойный звук неспешной работы старого компьютера.

Командор мысленно про себя проклял министерства, ведь почти каждую неделю ему, и командорам из других аванпостов, из бесчисленных структур Правительства Рейха слали запросы об отчётах разного рода. А какой направленности может быть прошение, это уже было в воле министерств и их структурных подразделений, которые его составляли. Они могли запросить всё, что придёт им на ум: от отчётов про количество мётел в подвале до лояльности персонала идеалам Рейха. И сейчас ему вновь придётся разбираться в бесконечных требованиях бесконечных министерств.

Командор решил с каждым прошением разобраться по очереди.

Он взял со стола первый листок. От того, что в его в его руках был слегка желтоватый лист, от этого простейшего ощущения особенности у Командора на лице проступила лёгкая улыбка, ведь он единственный, наверное, из всего командорского состава, кто пользовался бумажными носителями. Все остальные предпочитали использовать электронную почту, а приближённость к чему-то архаичному и старому повышает ощущение особенности, что является хоть какой-то попыт-

кой подчеркнуть свою уникальность в сером мире.

На первом листе оказалось прошение от Министерства Идеологической Чистоты.

– Проклятье, – выругался вслух Командор, но довольно тихо для того, чтобы его не слышали за дверью. – Чистоплюи моральные.

И причин не любить это министерство у любого руководителя было предостаточно. Вечно любят следить за лояльностью Культу Государства, и для этого они были уполномочены запросить любую информацию. Это министерство фанатично старалось следить за каждым человеком в Рейхе, практически еженедельно отслеживая его лояльность. И если характеристика не совпадёт с действиями гражданина, то руководитель мог быть арестован сразу по нескольким статьям Идеологического Кодекса: «Подрыв идеологических основ Рейха», «Соккрытие фактов, угрожающих идеологическому строю Рейха» и «Нанесение ущерба идеологическим устоям Рейха».

Было ясно, что любой руководитель яростно, тоже практически с фанатизмом поддерживал Культ Государства и верность Рейху в любом своём подчинённом, вплоть до увольнения, или даже хуже. Бывали случаи, когда руководители собственноручно писали доносы на своих работников в министерство или даже активно принимали участие в поимке нерадивого работника за самые мелкие нарушения – косой взгляд на символ власти, критика действий «Департа-

ментов» или, упаси Боже, обвинение в неправильности выбранного курса.

На волне контроля всех за всеми Культ Государства, в союзе с Империял Экклесиас разработала целую программу. Это оказалась целая система, носившая название «Сердечное отношение», по которой измеряли лояльность, состоявшая из двух вещей: во-первых, рейтинг лояльности работе, который определяли руководители или начальники. Конечно, были даны к ней директивные предписания, по которым «рекомендовалось» оценивать гражданина. Она предполагала собой список вопросов, по которым выводилась оценка. Оценивался в этом вопросе человек по четырём бальной шкале. Чем выше оценка, тем лучше. Если она была меньше трёх с половиной, то следовало уже сообщить в министерство или в Трибунал. И, во-вторых, эта система состояла ещё из одного аспекта – на каждом заводе, предприятии, военной части – везде рекомендовалось иметь небольшую внутреннюю часовню, которая будет посвящена Канцлеру и Богу. И чем больше человек посещал её, то тем большую лояльность он проявлял. За каждое посещение часовни человеку добавляли две десятых балла лояльности или несколько сотых в «Гражданский Рейтинг». Если такой часовни не имелось, то человек был обязан принести бумагу от священника, удостоверяющую, что данный гражданин молился за Канцлера в церкви. И если таких молитв за месяц, было свершено меньше пятидесяти, то такой человек зачастую арестовы-

вался Инквизицией, за подозрение в ереси.

Недаром на стяге этого министерства красуется гербовый всевидящий глаз с мечом, что довольно символично, ибо это министерство старается неустанно надзирать за каждым жителем Рейха, а при необходимости – беспощадно карать.

Командор взял листки и посмотрел на напечатанный текст. Глубокое негодование сменилось на лёгкую улыбку, и тут же в кабинете послышался лёгкий выдох. Министерство Идеологической Чистоты у аванпоста запрашивало написать оценку общей лояльности Канцлеру всего военного состава. Командор не стал сейчас заниматься делами министерства Идеологической Чистоты, зная, что написать эту оценку это дело менее двух минут.

Отбросив этот листок в сторону, он взял прошение из другого министерства.

На этот раз приказ из министерства Денежных Потоков и он гласил, чтобы все солдаты полк–ордена переписали номера своих монет и купюр и предоставили их списком в пределах ближайших двух дней.

– Что ж, не самая страшная просьба, – прокомментировал прошение Командор.

Это министерство занималось отслеживанием денежных потоков, траншей, переводов, покупок, сделок дарения денег – всего того, что касается операций с валютой Империи. И не важно, что за монеты – золотые империалы, серебряные лирицы, медные фиороны или же никелевые тирины – все бу-

дут отслежены. От их всевидящего ока не могла укрыться ни одна организация или частное лицо, ибо они имеют полный и безоговорочный контроль над всеми финансовыми потоками, точнее над движением денег в организации и для них нет преград вроде истошных и визгливых криков «Это моя собственность». Даже в законе чётко прописано, что деньги людям не принадлежат, ибо они собственность государства, а гражданам они даны на мудрое использование и не более того. Они обладают полный доступ к кошелькам граждан, зная, какое максимальное количество денег должно быть у гражданина. По закону, свои деньги нужно было держать строго в кошельке, который вмещал правильно определённое количество купюр и мелочи. Если же деньги найдут в кармане или пакете, то человека имели право арестовать или оштрафовать на месте.

Министерство полностью отслеживает каждое поступление в кошелёк человека: от его зарплаты, до уличной сдачи, для чего деньги, выдаваемые гражданину, пропускали через специальное устройство, которое записывало, что именно эта купюра ушла в «карман» этому жителю. От их всевидящего взора нельзя укрыться – ни единая монетка или заношенная купюра, которые годами могли лежать в кармане человека, были «на карандаше» у министерства.

Естественно, такие жёсткие меры тотального контроля министерство объясняло антитеррористическими мерами. Мол, отслеживание валюты поможет установить, кто и когда

сможет купить оружие, боеприпасы и амунисию и станет готовиться к теракту и откуда у него появились эти деньги. И никто не возмущается такому положению дел, ведь ударные силы Трибунала Рейха всегда были готовы привести канцлерское правосудие в исполнение, несмотря от источника возмущения.

На гербе этого министерства рисуется империал – основная монета Рейха, украшенная растительным орнаментом, а нём присутствует всевидящее око.

Командор вызвал к себе помощника, передал ему приказ министерства, и решил приступить к следующему прошению. Это бумага оказалась из министерства Мониторинга Средств Социальных Коммуникаций, что вызвало на лице Командора беглую неприязненную гримасу.

Сие правительственное ведомство занимается тотальной просушкой телефонных переговоров, вскрытием переписок в социальных сетях, отслеживанием почтовой деятельности и всем тем, что было связано с вторжением в личную жизнь. Вообще, в законах Рейха не было определения «личная жизнь», есть «Жизнь человека», в которую нельзя вторгаться только третьим сторонам, вроде иных простых граждан или юридических лиц. А государство было признано держателем жизни человека и поэтому имеет полное право на вторжение в личные дела человека, вплоть до интимных подробностей.

Служители этого министерства располагают полным до-

ступом ко всем телефонам, что имеются в Рейхе. В каждом устройстве устанавливается специальный жучок, который отправлял всё заслушанное в министерство и его бесчисленные службы. Раз в месяц этот жучок специальные работники меняли, а собранную жатву жучков отправляют на дополнительную обработку... вдруг там ещё что-нибудь обнаружится.

Министерство могло прослушивать любые разговоры, которые ему вздумается и, причём круглосуточно. Никто не был спасён от бесконечного мониторинга личных дел между гражданами, ибо этими жучками были оборудованы все телефоны, от богатых и развитых городов, до самых захолустных деревень.

Командор даже припомнил случай, как в труднодоступную деревню, которую случайно нашли на старой карте, решили привести фургон с жучками и оснастить ими телефоны. На всю кампанию, на, как казалось, великую цель, было потрачено неимоверно огромное количество денег, но по прибытию оказалось, что деревня как год уже заброшена... вымерла подчистую от «Холеры Острабэкера», страшной болезни, разразившейся во время Континентального Кризиса. Никто из высокопоставленных лиц ничего по этому поводу не сказал, лишь в Имперском Буле была поднята эта проблема, а в «Вестнике Рейха» – главном новостном канале, ничего не было сказано про этот случай. Лишь в структурах Император Магистратос было создано ещё одно министерство –

«по делам заброшенных деревень».

Так же министерство Мониторинга Средств Социальной Коммуникации занималось тотальной слежкой за всей перепиской граждан в социальных сетях. От их всевидящего взора не могла укрыться ни одна переписка, будь то общение старост деревень до диалога двух министров. Командор припомнил, что в таком государстве как Рейх существует всего три социальные сети: «Общение в Рейхе», «Имперское братство» и «Культурное обогащение». Первая сеть была ориентировано на простое общение, второе было объединением людей интересующихся политической сферой, а третье приспособлено для общения людей, глубоко увлекающихся музыкой, картиной и всему тому, что связано с культурой. И для каждой социальной сети было создано отдельное министерство, а над всеми ними стояло Министерство Социальных Сетей. И весь этот министерский каскад занимался полным сбором информации на каждого гражданина в Рейхе, независимо от его положения.

Помимо этого, они занимались полным отслеживанием за каждым сказанным в социальных сетях слов. Если вдруг в диалоге появлялась критика на Рейх, Канцлера или всем тем что связано с Департаментами Власти, то сама критика тщательно стиралась, а к самому «критику» выезжала полиция... или того хуже – представители Трибунала Рейха.

Министерство Мониторинга Средств Социальных Коммуникации было вольно собирать любую информацию, ко-

торуую оно сочтёт нужным. Там, где общались люди, им всегда в спину дышало это министерство, неустанно следя за каждым словом, что выйдет из уст человека.

Конечно, людям помпезными речами объяснили, что подобные меры были приняты для того, чтобы защитить их от возможных правонарушений и для установления полной безопасности. Что лучше во имя идеала стабильности отдать часть своих прав, нежели утонуть в царстве анархии и беспорядка. Но гражданам не сказали, что так легче определять и вылавливать преступников мысли, которые стали неуютны Рейху, что объяснили, что благодаря этим средствам диктатора легче пресекать любое вольнодумство. Если нужно было спрятать антигосударственную, аморальную изначально, мысль, то уж лучше её прятать и от себя, чтобы не повязали при первой возможности.

На гербе этого министерства было изображено ухо, с надписью на чёрной ленте под ним: «Канцлер всё видит, не следует обманывать нашего заботливого Отца».

Командор вчитался в прошение. Это министерство требовало от него предоставить длительность разговора каждого человека, что находится в обслуживающем персонале. Его лицо скривилось в отвращении, ибо он не любил рыться в личной жизни чужих людей. Но работа есть работа. Он вызвал к себе одного из помощников и дал ему определённые указания. После чего приступил к разбору последнего прошения.

Он взял листок, на котором нарисована очень редкая печать – песочные часы, на фоне клинка, а внизу, на геральдической ленте бардового цвета, красуется подпись: «Время было дано тебе Канцлером, используй его мудро». Лицо Командора помрачнело, в глазах пропал всякий огонь, а и рук выпал листок, мягко прилетевший на стол.

– Бюракрати Хронос... – Ошарашенно прошептал Командор.

Очень древнее и таинственное министерство – это всё, что о нём знает Командор. Про него редко, когда заводили разговоры, а само оно стало главным героем легенд, бытовавших в народе, вроде изменения хода времени или манипуляциями с датами, которые сводились к банальным переписываниям кипы бумаг и документов. Министерство Времени всегда пугает обычных людей полосой тайн и даже сегодняшнее обращение весьма удивительное явление.

Эта структура неимоверно стара, по сравнению с ныне существующими органами правительства Рейха. Если большинство министерств было создано к середине правления первого Канцлера, то «Бюрократи Хронос» существовало всегда. Говорят, что это министерство было создано ещё в самом начале существования Южно–Аппенинского Ковенанта, для поддержки собственной системы летоисчисления.

Крайне закрытое, практически тайное подразделение Имперор Магистратос не подчиняется обычным законам. Его возглавляет не один начальник, а министариум – совет из пя-

ти министров, которые руководят всем правительственным ведомством. И сам аппарат управления этой структурой не такой огромный, всего двести сотен человек, против пятисот тысяч в среднем в других министерствах. Потайное и покрытое мраком неизвестности отделение правительства не присутствовало в Совете Министров и не подчиняется Лорд-Магистрариусу, лишь напрямую Канцлеру. Путь в него был закрыт, потому что министариум назначался лично верховным правителем, а уже эти пять избранных лично выбирали тех, кто будет в министерстве.

Как ни странно, но это министерство не выступает с законодательной инициативой и не проводит в жизнь реформ Канцлера, ибо оно выторговало для себя полномочия проводить реформы без согласия парламента и правительства. О полномочиях этой структуры было ещё меньше известно. Говорят, что в круг возможностей этого министерства входит слежка за ходом времени в Рейхе, и устранение всех неточностей в датах. Именно оно определяет, как граждане должны использовать личное время. Но в то же время кто ещё займётся подлогами времени, когда нужно выкрутить ситуацию в пользу государства, чтобы выставить его праведным? Все нарушения по срокам так же заведует Министерством Времени, а это есть прямой контроль над непогрешимостью державы в плане контроля над выполнением определённых работ или услуг...

Именно министерство Времени установило единую систе-

му летоисчисления, жестоко преследуя всех несогласных с ней. Если остальные структуры полностью контролировали и регулировали жизнь гражданина Рейха, то это министерство целиком определяет её, составляя «желательный» распорядок его дня. Оно составляло, сколько человек должен был работать, сколько спать, сколько посвятить молитвам и досугу, когда принимать пищу. Это министерство было особенно тем, что оно было сильно связано с Империял Экклезиас, ибо свой распорядок оно составляло, основываясь на священном писании.

Но так, же стоит сказать, что распоряжения этого министерства были просто необязательны, нося лишь рекомендательный характер. Но тем, кто строго соблюдал распорядок, составленный министерством, давалось огромное преимущество в «Гражданском рейтинге» – показатели благонадёжности граждан. Командор был удивлён до глубины души, ведь это министерство практически не контактировало с внешним миром, а с полк–орденом практически никогда. В истории был известен случай, когда подобное прошение пришло Консулу полк–ордена и то, тогда последовал ряд реформ в изменении календарных дат. И никто не знает, какое соглашение было заключено между Консулом и министерством.

Командор подобрал этот листок и вчитался в прошение. Министерство Времени запрашивало полный распорядок аванпоста – от момента звонка первого будильника до того,

когда выключается последняя лампочка. А так же, на самом краю листа, содержится просьба доставить просьбу о встрече с Великим Консулом.

Хозяин кабинета был обескуражен и скривил лицо в гримасе удивления. Он отбросил листок, не желая дальше пытаться понять крайне необычные просьбы странного министерства, и вызвал к себе служителя аванпоста, дабы скинуть всю тягость данного на него и быстро дав ему распоряжения – написать распорядок аванпоста, отправить информацию о встрече Великому Консулу, Командор отпустил его.

Прежде чем приступить к прошению министерства Идеологической Чистоты хозяин кабинета облокотился на спинку, закрыл глаза и задумался.

– Господи, зачем нужна вся эта министерская фантазматика? – Уже не шепча, недовольно, в голос сказал Командор.

Людям всегда говорили, что чем больше министерств, тем эффективней управление, больше государственный аппарат, а значит, идеальней будет устроено общество, ибо держава обязывалась принести стальной порядок везде, а без вездесущего контроля это невозможно. С высоких трибун красивыми, сладкими посулами и сахарными речами рассказывали, что весь этот бюрократический скоб был создан для блага народа. Что именно вся эта система поддерживает жизнь государства и общества, а тотальная слежка и выхолащивание личной жизни существует для абсолютной безопас-

ности всего социума. Как сказал министр Средств Массовой Информации – «Чем больше будет создано министерств, то тем больше вырастет эффективность, следовательно, больше увеличится контроль Рейха, а значит, мы ещё на шаг приблизимся к идеалу. Ибо когда установится полнейший контроль над всем, то тогда мы вступим в новую эру процветания».

«Разделяй и властвуй» – подумал про себя Командор. Ведь чем больше министерств, то тем эффективней будет жестче, сильнее и полнее будет контроль над всеми сферами общества, которые только возможно.

Но внезапный стук в дверь отвлёк от своих мыслей Командора.

– Проходите, – сказал он и по старой привычке стал перебирать документы.

Дверь со скрипом открылась и в кабинет вошёл один из служителей аванпоста. В его руках был конверт.

– Вам пришло письмо, – сказал вошедший человек и передал его Командору. Тот в свою очередь слегка кивнул, поблагодарил принёсшего и символическим взмахом руки отпустил его.

Хозяин кабинета с энтузиазмом посмотрел на этот конверт. На нём стоит сургучная печать Империял Экклесиас, которой пользовался только самый примечательный иерарх – папский крест на фоне двух раскрытых крыльев.

Командор сломал печать и вынул оттуда письмо. Его содержание было довольно коротким: «Встретимся в месте

вознесения. Время будет указано позже по защищённому каналу. Скорее всего, вечером. Папа»

С недовольством Командор тяжело выдохнул, откинув письмо в сторону, тут же облокотившись на своё кресло, став проклинять тот день, когда он вступил на этот путь. И после того, как в голове были произнесены проклятья, он быстро приступил доделывать мелкие дела, потому что вечер обещал быть долгим.

Глава пятая. Апогей фанатизма

В это же время. Милан.

На часах по всему городу виднеется около десяти часов дня. На улице стоит прекрасная осенняя погода: солнце блистает на лазурном небе, но всё же осенняя атмосфера даёт о себе знать и солнце не так сильно греет землю, оставляя место прохладе. Лёгкий ветерок всё так же продолжает гулять по городу, даря простую свежесть, трепетная одежды прохожих и вздымая уличную пыль.

На улицах величественного древнего города, прошедшего сквозь кошмар десятков и сотен лет упадка, сегодня оживлённо и шумно. Все люди вышли на улицы праздновать фестиваль под названием «День сердечного соглашения» — праздник, отмечаемый исключительно в Милане в честь восшествия нового Императора на престол. Все кто можно в Милане: от верховных городских служителей Имперор Магистратос и Империял Экклесиас до студентов и школьников вышли на улицы славного города, чтобы отдать честь празднеству... и в то же время не стать обвиняемыми по делам о неуважении к праздникам местного характера.

Люди текут по улочкам подобно тому, как бурная река плескается в тесном ущелье, неся разбушевавшиеся воды к морю. Бурные и шумные потоки людей идут к одному един-

ственному месту – на городскую Канцлерскую Площадь – самое огромное и фанатично почитаемое место в городе.

Площадь действительно неимоверно огромна, она занимает место нескольких кварталов, которые ныне не более чем пыль на трупе истории города. Когда первый Канцлер занял город, он приказал сравнять с землей несколько десятков полуразрушенных домов и возвести площадь его имени. И это беспрекословно выполнили с должной бескомпромиссностью и фундаментализмом. Здания просто взрывали вместе с жителями, которые не хотели из них выезжать, а потом бульдозерами равняли землю, в конце заложив всё это массивными огромными бетонными плитами. А в самом центре площади возвели двухсот метровый мемориал–храм, посвященный первому Канцлеру, возле которого ежедневно происходят таинства церкви. На этой площади могли спокойно уместиться несколько тысяч человек без всякого стеснения, а их молитвенный гул временами становился настолько силен, что стёкла ближайших домов начинали дрожать.

И сейчас на этой площади развернулся концерт бесконечного почитания – начало празднования фестиваля, который, можно сказать является актом, фанатичного культа личности и бесконечной похвалы своему правителю. Никто не смеет во время праздника проявить неуважение к верховному правителю, а если нерадивый гражданин преступит дозволенную черту, определённую на усмотрение слуг государя, то нарушитель поплатится часами жестокой отработки.

Среди тех, кто старается не показывать внутреннего недовольства таким фантасмагорическим размахом любви к единственной личности немного людей. Все наоборот – улыбаются и радуются под надзором сотрудников Службы по Надзору за Ликованием, чтобы не стать пополнением к заключённым в камерах. А поэтому улыбаться приходится и Габриелю. Юноша вместе с товарищами пробирается сквозь народные массы, которые давят его со всех сторон.

– Алехандро! Давиан! ... Элен! – пытается он окликнуть кого-либо из товарищей, но его крики пропадают в дико орущей толпе.

Знакомых лиц он не видит, вокруг только мешанина из опьянённой толпы, которая потными одеждами и разгорячёнными телами сжимает его в людской реке, отчего становится трудно дышать.

Габриель ощущает, как его нос испытывает обонятельный катарсис – запах пота смешался с приторной вонью благоуханий, распыляемых Культom Государства, но юноша не сдаётся и в давке продолжает идти, подгоняемый тучами народа

Из всех граммофонов и колонок, расставленных по всему городу, льются нескончаемые волны похвалы и мантры Канцлеру, от которых у парня сейчас лопнут уши. Мало того дикий ор толпы, так и механические глашатаи взалёб заливаются рассказами о правителе в честь которого праздник. Парень тысячи раз слышал, как глава государства в бытность свою был далеко не примечательной политической фигурой,

но как показывает история только те и побеждают.

– Камилла! – отчаянно закричал Габриель, стараясь схватить кого-нибудь знакомого из одичавшей людской массы, продолжающей, прикрикивая девизы и молитвы, пробиваться на площадь.

Однако его крик затерялся среди сотни тысяч других, а затем накрылся очередным наставлением из электронных распространителей, вещающих о том, что человеку в Рейхе чтобы начать политическую карьеру в высших кругах ему необходимо приступить к работе сначала начал – поступить в «Политика Схолум», а потом пойти на службу имперскому правительству.

– Алехандро! Пауль! Вы где!?

И эти крики юноши, похожие на мольбу заглушились рассказами о том, как будущий правитель Империи был всего лишь заместителем одного человека из правящих кругов. Но на одном из выступлений первый Канцлер его заметил, потом частые разговоры, политические поручения, а заместителем его назначили заместителем первого, а после его смерти занял место владыки Рейха.

Габриель потерял всякую надежду отыскать друзей. Он слабосильно волочится вперёд не в силах противостать бурному фанатичному потоку, подавшись устремлением толпы. Всюду были вздеты стяги и плакаты с лицом императора, представляющим на них грозным владыкой, и изречениями, холодно озиравшие всех ликующих. Из всех звуко-

усиливающих средств без конца лились поздравительные речи, от которых болит голова, готовая лопнуть как арбуз. На площади играют песни, поются гимны, посвящённые Рейху и Канцлеру, отчего происходящее напоминает жуткий спектакль, устроенный чтобы народ Рейха получил ещё одну возможность проявить любовь к отечеству.

Юноша помимо толпы дико ликующих людей заметил слуг бессчётных министерств, что шныряли среди рядов и временами то и дело подламливали одного человека, у которого могла быть недостаточно широкая улыбка, и устраивая ему допрос. А после этого стандартно выписывали штраф и снижали «Гражданский Рейтинг» через электронные правительственные базы данных.

Все люди бесконечной вереницей тянулись к огромной сцене, на которой должны были объявить начало фестиваля. От всего этого концерта бесконечной похвалы и мистического вождизма у Габриеля начало не просто закладывать уши, но подступил ком к горлу, как символ внутреннего протеста. Возле парня собрались тысячи людей, что, будучи под действием некоего подобия религиозного экстаза вопят и гудят, чуть ли не молитвенным тоном выговаривая лозунги. Но на собранную сцену, что стояла почти посередине всей площади, окружённой фанатично настроенными людьми, вышел человек, что заставило народ остудить разгорячённый норов.

Глаза Юноши улавливает черты вышедшего и становится понятно – он выходец из структур Имперор Магистратос, а

именно представитель Министерства Праздников. К его чёрному тканевому пальто, трепещемся на ветру, приколот маленький, начищенный до золотого блеска, значок – салют на фоне раскрытого крыла.

Он медленно подступился к микрофону, который стоит на сцене и заговорил. Тут же из всех колонок и граммофонов полился его пламенный голос:

– Дорогие братья и сёстры, соотечественники. Сегодня мы празднуем день вступления нашего дорого, великого и всеми любимого Канцлера, да будет имя его восславлено всеми. Но кто он для нас? – прозвучал риторический вопрос, на который Габриэлю так и хотелось прокричать «убийца». – Кто-то скажет, что он великий вождь, кто-то, что он гений управления нашим великим Рейхом, а кто-то, что он великий отец своего народа! И все вы будете правы! Все до единого! – радостно, как ребёнок, которому подарили дорогую игрушку, закричал ведущий. – Ведь, если один единственный человек держит в своих руках несколько тысяч городов, если его дети населяют все эти города, если он почти силой мысли повелевает столь огромной империей и держит её в полном порядке, если он лишь одним своим видом устрашает врагов за стеной, то кто он? Он наш великий отец и пророк, посланник Божий, которого мы должны славить. Да хранит его и страну Господь наш Христос!

Эффект был такой, будто у ушей Габриеля выстрелили из акустического ружья. Толпа просто взревела и дикий оглу-

шающий рёв, людей, впавших в фанатичный раж, полностью накрыл площадь. Ор оказался настолько силён, что многих стоящих на площади резко оглушило, послышался гул и писк в ушах, будто рядом ещё один залп дала артиллерийская батарея.

Через некоторое время многие люди начали впадать в какое-то подобие экстаза, они начали качаться, плакать, смеяться и наконец, вся толпа стала с дикостью скандировать имя канцлера, которое без синхронного произношения превратилось в монотонный неразборчивый гул.

Габриель стоит в полнейшем смятении, приложив ладонь к левому уху, которое стремился скрыть от слуг министерств и последователей Культа Государства.

«Как»? – Это его единственный вопрос, пронёсшийся в сознании, а за ним последовали и следующие. – «Как человек, унаследовавший место убийцы, человек, который был сам как палач столь любим своими гражданами? Нет, не любим. Толпа и люди одержимы им до мозга костей. Люди его считают, чуть ли не Богом».

Габриель оглянулся, но далось ему это трудно, ибо он ощущает себя как пьяный, хотя чувства подобного не испытывал никогда, – руки и ноги не слушаются, голова идёт кругом, и вот-вот стошнит, но всё же юноша пытается сохранять самообладание над собой до конца.

Парень всё же смог оглянуться. Его покачивает как хмельного, а всё вокруг кажется несколько размывающимся,

как будто он видит перед собой не явь. Убрав свой взгляд от плакатов, он заглянул в лица людей. Парень посмотрел в лик рядом стоящей женщины. И там он увидел образ, искажённый в гримасе смеха и дикого слезливого рёва. Она потеряла всякое человеческое достоинство, осталась лишь рожа одержимости и безумного подобострастия. Потом он заглянул в образ рядом стоящего мужчины. У него вместо лица была маска безумного ликования и полностью рабского подражания.

Он снова попытался найти своих друзей, беспокойно начав осматриваться по сторонам, но он не мог найти лица своих товарищей, как, ни стараясь выискать их среди этого всего одержимого каскада искажённых гримас. Однако к его великой радости он обнаружил Элен среди тысячи перекошенных безумством ликов. И, не способный удержать от того, чтобы посмотреть на лице девушки, юноша буквально впился в него пристальным взглядом, пытаясь запечатлеть всё. Овальные черты, но полной она не была, совсем наоборот, очень стройной, и глубокие карие глаза, длинные орехово-тёмные волосы, которые ниспадают, чуть ли не до пояса, да и вместе с этим он заметил, что прекрасная дама лишена рвения толпы и её слепой любви.

Память юноши неожиданно выдала момент, как рассказывая своему другу Алехандро про Элен, то слушатель всегда демонстративно заявлял, что от подобной слащавости его просто стошнит. «Как можно быть таким мягким?» – Але-

хандро заявлял Габриелю.

Как ни странно, но жители Рейха, так же как и Габриель знали, что на празднествах просто необходимо радоваться во имя Канцлера, а посему такое ледяное спокойствие девушки обеспокоило парня. На каждом празднике, посвящённом Рейху, присутствовало, незримо или явно, министерство Ликования и Радости, которое неустанно надзирает за тем, как люди веселятся и какую силу эмоций они испытывают на празднике. Если же веселья будет мало, а эмоции не столь сильные, то в этом регионе усиливалась пропаганда Культа Государства, учащаются проповеди Империял Экклесиас во имя Канцлера и увеличиваются комиссарские проверки и политические аресты с показательными казнями. И сердце Габриеля кольнуло от одной мысли, что всё это случится с Элен, что она станет ещё одной жертвой адского маховика репрессий.

Но тут на сценку вышел ещё один человек, на котором трясётся серый пиджак, бесцветные брюки и чёрные туфли. Он стремглав подошёл к микрофону и резким жестом руки призвал к молчанию. Толпа ещё минуту неистово ликовала, и только потом гул, подобный молитвенному шёпоту, начал стихать. Через пять минут на площади наступила полнейшая густая тишина, ничем не прерываемая. Человек сглотнул, подошёл к микрофону и заговорил:

– Славные жители прекрасного города Милана, укрытого светом Канцлера, вот и подходит к концу наш момент ис-

креннейшего и чистого ликования на этой площади. Фестиваль ещё будет продолжаться целый день, так что веселитесь и восхваляйте Канцлера, ибо завтра он нам дал день выходной. А перед тем как вы уйдёте, прозвучит гимн нашего славного и великого государства, что вселяет в нас надежду и дарует защиту, кров, еду и жизнь каждый день.

После того как диктор сказал, на площади воцарилась полнейшая тишина. Люди сложили обе руки на сердце и склонили головы. Габриель поступил так, же, чтобы не привлекать ненужное внимание. Музыка заиграла, и зазвучали слова гимна:

Сотни лет мрака минули, за вуалью тайн сокрыты года,
Былых времён, что должны быть вспомнены теперь навсегда.

И тогда средь громкого плача, стона и боли в ночи,
Свет человечества гас, словно свет от свечи!

Но не затухли тогда надежды рода людского,
Никто не забыл предназначенья земного.
И мир, ликуя, встретил Рейха славный восход,
Эпоху междуцарствия мы празднуем заход!

Мир захлебнётся в праведном огне,
Рейх скуёт новый мир в святой войне.
Огнем вновь вспыхнет небосвод,

Канцлер поведет нас на войну вперёд!

Рейх на ангельских крыльях несёт новый закон,
И момент славы великих дней будет нам возвращён.
Истину Веры Господь в нас сохранит,
Бред свободолюбивых глупцов давно позабыт.

Слуги лживых богов, растления верные псы,
И все те, кто не смог сохранить себя от пакостной лжи,
Только огнём глаза им можно на правду открыть,
Мы крестоносцы, готовы Рейха свет истины святой им
пролить.

Мир захлебнётся в праведном огне,
Рейх скуёт новый мир в святой войне.
Огнем вновь вспыхнет небосвод,
Канцлер поведет нас на войну вперёд!

И не нужно нам ничего, кроме державы великой судьбы,
Не устанем мы ради Рейха от непрестанной борьбы.
И пускай путь дальнейший скрывает могильная мгла,
Но нам путь укажут Крест и Рейха два чёрных крыла!

Мир захлебнётся в праведном огне,
Рейх скуёт новый мир в святой войне.
Огнем вновь вспыхнет небосвод,

Канцлер поведет нас на войну вперёд!

Габриель выслушал гимн до последней строчки. Сотни и сотни раз он его слышал и каждый раз видел в нём не более чем песенку о величии державы, но ничего о страданиях и репрессиях. Там ни слова о самопожертвовании граждан Империи.... Ничего.

Когда гимн стих, юноша ощутил, что толпа ещё раз попыталась зализывать, пытаясь как можно больше усладить взор министерства Ликования и Радости, но веселье уже оказалось слабым, постэкстазным, оно было несравнимо с первой волной, захлестнувшей разум и вывернувшей душу, это было всё равно, что сравнивать свет пламени свечи с горением маяка. Но министерству было и этого достаточно.

Постепенно ликования толпы стали стихать, из граммофонов вновь полились мантры и религиозно-государственные гимны. Габриель стоит и раздумывает над тем, что сейчас произошло, его сознание немного затуманено, как к нему подошли его товарищи и так же ощутил всю тяжесть, которую они на себе понесли – так же имеют разбитый и опустошённый вид, как у людей с похмелья.

– Габриель, мы собираемся пройтись, ты с нами? – с тяжёлой подачей спросил Давиан, чему юноша обрадовался – услышать знакомый голос.

– Да, с вами, – сухо, и смотрев печальными глазами в одну сторону, ответил Габриель. – А вы где были? Я вас не уви-

дел... хотя осматривался и звал вас.

– Стояли тут неподалёку, – отчеканил сухо Давиан. – Увидели тебя, когда толпа стала рассеиваться.

– Ребят, никто не видел Элен? – задала вопрос Камилла.

– А она пошла с отцом домой, – тут же ответила Понтия, и в памяти Габриэля на секунду возник образ высокого подтянутого мужчины, с добродушным лицом и прищуренным взглядом, который очень сильно любит свою дочь.

– Ладно, пойдёмте уже, – буркнул Давиан, с небольшой ноткой требовательности в голосе.

– Ох, – сокрушённо начала одна из знакомых. – Так, а куда мы пойдём?

– О, ребят, давайте сходим в «Канцлер Плаза»? – предложила Камилла.

– Ой, – с неким отвращением, исказив лицо в гримасе начала Понтия. – Да там народу сегодня. – Недовольно закончила девушка.

– А давайте пройдемся просто по городу, – предложил Габриель, не особо хотя посещать сегодня разные заведения, которые по праздникам непреклонно стараются следовать Культуре Государства и максимально ублажить министерство Ликования и Радости.

Так как все варианты казались менее привлекательными, то все приняли предложение Габриэля и пошли гулять по городу, который медленно, но всё же потонул в фестивале.

Милан в это время предстал в новом амплуа. На улицах

снуют тысячи людей, которые, не снимая улыбок с лиц, и фальшивого ликования в душе, бесконечно ходят и радуются происходящему, чуть ли, не хлопая в ладоши. Ведь если не радоваться в этот день, то к человеку могли запросто подойти не только слуги министерств, но полиция и спросить, почему он не радуется. Если причина окажется не столь значимой, то его могли оштрафовать или арестовать на пять суток за «Акт неуважения к Рейху».

Дома богато украшены плакатами и флагами, посвящённые хвалению государства и Канцлера. На улицах разворачивались различные выставки и красочные выступления, и всё это было посвящено Императору. Все выставки – его имени, плакаты – с его лицами и афоризмами, выступления – главный герой – это Канцлер. Если и была другая тематика, то она посвящалась славе Рейха, восхвалению государства и ничему более.

И друзья, не найдя более лучшего выхода, стали просто гулять по городу. Они ходят, болтают, рассуждают, смеются и просто идут, куда глаза глядят. Заходят в несколько магазинов и галантерей, но там продавались вещи, сувениры, мелочи, посвящённые этому культу личности и государства.

То и дело на их пути встречаются бесконечные чиновники, ведущие за собой скоп более незначительных служащих. Временами, бюрократ указывал на человека и слуги министерств начинали роиться вокруг жертвы, задавая ему россыпь вопросов. Если гражданин хоть где-нибудь проколет-

ся или ошибётся, то его ставили в очередь на «понижение Гражданского Рейтинга» или сразу же снимали пару десятков баллов.

Ребята встретили несколько человек в длинных рясах из мешковины, выкрашенной в коричневый цвет, что делали странное действие. Они возле статуи, символизирующей Рейх – двуглавого орла, встали кругом и читали что-то схожее с молитвой, а один из них ходил и размахивал кадиллом, от которого густой массой валил дым со смердящими «благовониями». И тут же начали монотонно скандировать:

– Сила в праведности... сила в сдержанности... отриньте похоть, и развращение... отдайте всё государству... сила в Рейхе.

Друзьям стало понятно, что это фанатичные служители Культа Государства, проводящие своё немудрёное таинство. Ребята поспешили как можно дальше от этой картины, стараясь так же уйти от роя бюрократов, стоявших возле таинства с благоговением наблюдавших за этим.

– Ох, ребят! – внезапно воскликнула Камилла. – Я знаю одну книжную лавку. Нам следует зайти туда? – Спросила девушка, обратив свой взгляд на Давиана, в глазах которого вспыхнуло лёгкое недовольство.

И не долго колебавшись, друзья решили зайти в эту книжную лавку, потому что в этом городе сегодня не было места, куда можно было пойти.

Проходя сквозь Милан, полностью утонувший в фести-

вале и бесконечном почитании всего «сакрального» ребята медленно, но верно продвигались к старому книжному магазину. Он не был чем-либо примечательным, обычная старая книжная лавка, каких было сотни в Милане. Лавочный магазин располагается в одном из немногих старых домов, сохранившихся во время Эпохи Италийского Междуцарствия, когда Апенинский полуостров рассыпался на несколько независимых стран и великой перестройки самого города.

Старая деревянная дверь, которую со скрипом открыли ребята, напомнила всем о тех временах, когда Милан был поистине свободным городом, не зная железного хлыста Рейха. Внутри лавка оказалась самой обычной: стены, сделанные из дерева, эпохальные полки с массой книг, второй этаж отсутствовал, помещение было прямоугольного типа, а в углу, перед дверью, наверное, в подвал, стоял стол, за которым и находился продавец.

Навстречу друзьям вышел владелец лавки. Белая шерстяная рубашка, с синими клетками показывает сдержанность мужчины в одежде, как и обычные серые брюки с коричневыми чёрными и коричневая жилетка. Продавец был довольно пожилым человеком: седые кучерявые волосы, белая короткая борода, добродушное морщинистое лицо и уставшие синие глаза.

– Приветствую Да...

– Здравствуйте, а какие книги у вас есть? – Давиан резко перебил продавца, подавляюще задав вопрос.

Владелец книжной лавки оглянулся и увидел Габриеля, и в тот же момент лицо хозяина выразило лёгкое удивление.

– Здравствуйте ребята – я хотел сказать, – спокойно, несколько с темпераментом машины, сказал продавец.

Несколько мгновений подумав и осмотрев ребят, причём пристально разглядывая Габриеля, он продолжил:

– Книги... мне привезли пару новых книг, не хотели бы вы взглянуть, молодой человек? – С практически неуловимо наигранностью сказал продавец.

– Да, было бы отлично, – скоротечно вымолвил Давиан.

Продавец и Давиан вместе отошли в сторону и продолжили не слышимую беседу, будто стараясь, чтобы суть беседы не была уловлена.

Габриель со своими друзьями стали разглядывать стеллажи с рядами самых различных книг. Он прильнул к полке, с наименованием «Политика», и принялся рассматривать их названия: «Возвышение Канцлера или путь к процветанию народа», «Главный праведник государства», «Правильный курс для страны» и тому подобное. Вся полка изобилировала книгами с подобными названиями. Юноша, испытав отторжение, решил подойти к полке с названием «Наука». Там тоже книги не особо отличались идеологическим изобилием: «Основы науки Рейха», «История империи» и ничего идейно отличающегося. Парень отринул от стеллажа с книгами, как чёрт от распятия, и ушёл к полке с наименованием «Драмы и любовные истории»: «Имперская любовь», «Ромео и Джу-

льетта в новой версии или любовь сына министра Обороны и дочери министра Нападения», «Драма в политических тонах или в кого не следует влюбляться». Парень с потерей надежды в глазах и ощущением кома в горле развернулся к полке «Для малышей» и приумножил печаль, увидев идеологически верные книги: «Учим азбуку вместе с Канцлером», «Папа Канцлер рекомендует». Все тут оказались забиты политическими «верными» книгами, которые пропускало министерство Идеологической Чистоты, Культ Государства и министерство Книжных Товаров.

«Как это мог допустить народ, его запугали. Как некогда свободный город стал оплотом Рейха? А может Министерство Агитации и Пропаганды даёт плоды?» – задал себе вопрос Габриель.

Внезапно рассуждение и осмотр полок парнем прервал приятный голос лавочника, который уже поговорил с Давианом:

– Ну, ребят, выбрали, что-нибудь?

Друзья переглянулись меж собой.

– О-у, к сожалению, нет, – сдержанно ответила Камилла.

– Ну, тогда пошли отсюда, – в своей любимой возмущённой манере сказала Понтия. – Думаю, пора разбредаться.

Все тут же засобирались и пошли к выходу, как на плечо Габриеля легко и мягко легла рука лавочника.

– Постой, парень, у меня для тебя кое-что есть, вот держи, – добродушно сказал продавец и протянул парню книгу

в чёрной, кожаной обложке.

– Эта очень хорошая книга, пришедшая ещё с доканцлн-ровских времён, и лучше тебе не говорить о ней с кем либо, – похлопывая по плечу парня, тихо сказал хозяин лавки, дабы не привлечь внимания пары вошедших покупателей. – Мы же не хотим оказаться в одной прохладной камере.

Габриель немного засмутился такого подарка, но все, же чувство любопытства взяло верх над страхом, и он решил взять её с собой.

– Да, спасибо вам, – вымолвил он владельцу книжной лавки.

– Да не за что, ну а теперь ступай, – последний раз, хлопнув по плечу парня, добрым приятным голосом произнёс лавочник.

Габриель вышел из магазина, будучи в некотором смятении от такого подарка, но обнаружив знакомые лица, подошёл к своим товарищам.

– Ребят, уже около двух часов дня, может по домам? – с усталостью в голосе спросила Камилла.

– Знаете, было бы хорошо, – поддержал девушку Давиан.

– Ну, тогда пойдемте, до остановки, – вставил своё слово Габриель.

И друзья пошли, бурно разговаривая, прямо к остановке. У остановки они ещё долго разговаривали, обсуждая самые разные темы, но вот настал момент расставания – подъехал автобус – чёрная прямоугольная коробка, блестящая от со-

стояния гладкости. И друзья, нежно попрощавшись, сели в машину. Все, кроме одного. Давиан остался на остановке.

– Мне тут не далеко, проводишь? – несколько с вызовом в голосе спросил юноша, смотря вдаль на уезжающий автобус.

– Да, давай, – ответил Габриель и оба друзей устремились прочь от остановки.

Город постепенно собирался ко сну, а поэтому людей на улице становилось всё меньше. Уже не шныряли тучи проверяющих, в поисках слабо радующихся граждан. Совсем не попадались «монахи» из Культа Государства. Но так же, как ночь сменяет ночь, также стражи порядка и режима меняли друг друга. На улице появлялось всё больше полицейских и комиссаров. По углам могли ожидать банды комиссаров. А свой праведный гнев любому нарушителю ночного спокойствия могли вознести храмовники – боевые соединения Империи Экклесиас. Славный город Милан ни на секунду не уходил от всевидящего взора Рейха. Каждый день, час или минуту соблюдался извечный идеал – тотальный контроль и стабильность. Однако мало кто понимает, что такая «опека» вызвана бурным прошлым мира, который только-только стал сбрасывать пепел былого мироустройства с себя.

Оба друга идут по улице. На них холодно с плакатов взирали взгляды знаменитых и видных государственных служащих. Под каждым лицом были однотипные по смыслу лозунги, ни на йоту не отличавшиеся друг от друга. Воздух переполнял постепенно слабеющий запах благовоний, что сего-

дня разжигались целыми тоннами. Они долгое время шли, просто молча, но все, же Давиан начал разговор:

– Послушай, а как тебе сегодняшнее шествие? – аккуратно начал Давиан. – Мне оно показалось несколько... несдержанным.

– О—о—о, не знаю даже, что сказать, оно было довольно...

– Безумно, – как бы угадывая, добавил парень.

– Да, может и так, но будь осторожнее с этим словом.

– Да, а то, что? – напористо и откровенно мятежно спросил Давиан.

– Просто, осторожнее.

Они зашли в безлюдную улочку, которая по какому-то недоразумению осталась без своего комиссара, полицейского, чиновника или храмовника. Давиан с опаской и осторожностью оглянулся по сторонам и заговорил:

– Я хочу спросить тебя об очень важной вещи, которую надеюсь, останется между нами. Как тебе правление Канцлера?

Этот вопрос очень сильно смутил Габриеля. Сердце в его груди забилось сильнее, а дыхание участилось. Парень глубоко в душе ненавидел всё, что связано с Рейхом и тем более с Канцлером, но эту пламенную ненависть он тщательно скрывал, ибо даже если человек без должного почтения и благоговения смотрит на портрет правителя, обычно выполнявшийся в стиле иконы, то гражданина могли оштрафовать, понизить в «гражданском рейтинге» или приговорить к

общественным работам, которые, по мнению министерства Наказания, повышали в человеке духовность и смирение.

– Даже не знаю, что ответить, – растеряно начал Габриель.

После сказанного другом Давиан изрядно напрягся, явно пожалев, что начал этот разговор.

– Не нахожу его правление отвечающим запросом всего общества, – пытаюсь сгладить напряжение, сказал Габриель, в тоже время стараясь не компрометировать себя.

«Если словят, скажу что той части общества, где обитают отступники и предатели» – продумал путь отхода Габриель. – «Может даже похвалят за это».

Послышался лёгкий выдох Давиана, выдавая явное облегчение, после чего уже более невесомым тоном он продолжил:

– Слушай, мы уже почти пришли. Дальше я думаю сам дойду до дома, и, кстати, – неожиданно оборвалась дрожащая речь Давиана. Но внезапно он направил свой взгляд в глаза Габриеля, и он высказал последнее предложение, стараясь как можно быстрее его выдать. – Габриель, приходи, завтра, в десять, к книжной лавке, у которой мы сегодня были, тебе будет интересно.

– Хорошо. – Спокойно промолвил Габриель.

Друзья пожали друг другу руки и разошлись. Габриель быстро, стараясь не попасться в лапы какому-нибудь комиссару, пошёл к ближайшей остановке. И встретив автобус, уже через полчаса юноша был дома.

Он зашёл в свою квартиру, кинул сумку в ближайший удобный угол, включил телевизор и улёгся на диван. В его руках оказалась та самая чёрная книга. Так как по телевизору, в связи с фестивалем, ничего интересного не шло, любое юмористическое шоу во время праздников строго запрещалось, а любые новости не выходившее за рамки цензуры, то Габриель открыл эту книгу и стал в неё вчитываться читать, в буквальном смысле слова исследуя каждую строчку.

Через пять минут чтения парень провалился в удивительный мир справедливых режимов и милосердных правителей, беспристрастных судов и свободных государств. Рассмотрение трудов Маркса и Локка, обзор программ либеральных европейских партий многолетней давности, которые существовали неисчислимые сотни лет тому назад, рассказ о самых древних, так называемых демократиях – союза греческих городов и римской республики: всё это и многое другое уносило Габриеля в далёкий и эфемерный мир нерассказанной справедливости. И он стал страстно поедать эти самые знания и рассказы. Поедать их без остатка, провалившись в мир мечтаний с головой и оставив Рейх, ставший цитаделью фанатичного «себявозвеличивания».

За несколько кварталов отсюда.

Это была самая обычная квартира, каких было миллионы в новых городских районах. Обычная ничем непримечательная серая жутко прямоугольная двух комнатная кварти-

ра, построенная по идеологическим лекалам Рейха.

Женщина что-то готовит на кухне, отчего по всей квартире разносился приятный мясной запах, мужчина лежал на диване и смотрел документальный фильм, а молодой парень сидел за компьютером и переписывался с кем-то в социальной сети «Общение в Рейхе». Он сидит и что-то лихорадочно строчил на старой клавиатуре – гибкая доска с сенсорными клавишами. Ничего не предвещает беды.

Но никто не услышал, как в подъезде раздавался звук тяжёлых военных берец, сопровождаемый бряцаньем оружия. Прозвучал короткий звонок в дверь. Мужчина встал с дивана и направился к двери. Открыв, её, он обомлел от увиденного.

В двери появились три человека: Квартальный Комиссар, облачённый в кожаное пальто, тычущий в лицо своим удостоверением, и два бойца спецназа в полной боевой форме.

– Что вам нужно? – со страхом в глазах и дрожащим голосом спросил мужчина.

– Я квартальный комиссар Маркус, здесь проживает Александро Фальконе, я пришёл за ним.

– Что он натворил? – уже еле шевеля языком, говорил мужчина.

На что комиссар надменным голосом ответил:

– Ему вменяются статьи: «Оскорбление Канцлера», «Усомнение в курсе Рейха», что ведёт к государственной измене. У нас в доказательство имеются: распечатки переписок в се-

ти и анонимное письмо. А теперь вы пропустите нас, – требовательно заявил комиссар.

– Нет, – Тихо, как бы неуверенно, ответил отец.

В глазах матери, которая стояла в проходе, схватившись за стену худощавыми руками, на кухню, читался ужас.

– Что ж вы все такие тупые, – грубо сплюнул комиссар и началось.

Стоявший Комиссар ударил по печени отца семейства. Тот, жутко постанывая и задыхаясь, загнулся, держась за место удара. Потом последовал удар коленом в лицо и мужчина упал. Женщина неистово закричала, но быстрая оплеуха от спецназовца заставила её замолчать. Комиссар ворвался в комнату и направился к парню, но тот попытался убежать. Праведным слугитель Рейха быстрым ударом ногой в живот заставил остановиться Алехандро. Юноша от боли упал и один из спецназовцев его повязал и повёл к выходу. Женщина стояла у стены и тихо всхлипывала, держась за щёку, а неугомонный отец тем временем сумел очнуться и прокрасться на кухню за ножом. Он выбежал из кухни с тупым кухонным ножом и, крича, ринулся на обидчиков, в надежде хоть что-то сделать. Один из бойцов быстро вынул пистолет и выстрелил. Пуля попала в голову, смерть была мгновенная, его безжизненное тело упало на пол, распластав конечности.

Женщина просто заревела, из её глаз градом потекли слёзы. Она медленно сползла по стене, захлёбываясь собственными слезами. Юный парень потерял к этому времени со-

знание.

– Вызовите уборную команду! – громким голосом приказал комиссар.

– Да, господин, – ответил спецназовец и активировал рацию.

Устройство на шее заработало, и прихожая наполнилась статическим треском. Сказав пару слов в неё, передав приказ, он дезактивировал её и характерный треск спал.

Комиссар, глядя на женщину, жестоко ухмыльнувшись, подошёл к матери.

– Ты хочешь остаться с сыном? – со зловещей улыбкой задал он свой вопрос.

Женщина, будучи полностью в слезах, покорно кивнула головой.

– Хорошо, вяжите и её, – надменно приказал он, а потом добавил. – Впишем ей: «Препятствие аресту политического преступника».

Плачущую и всхлипывающую женщину быстро заковали в стальные наручники и вывели из квартиры.

Комиссар, перед тем как выйти из квартиры, оглянулся и сказал:

– Ох, славный сегодня день, ещё одно убийство и арест для нашего славного будущего. Никто не смеет думать иначе, чем наше идеальное государство.

Потом он вытащил пару купюр, заплаченных за арест, сложил их вдвое, положил во внутренний карман, затем подо-

шёл к мёртвому отцу и снял с его руки золотой обручальное кольцо и сунул в карман.

– Преступникам собственность не нужна... эх, славный день, – с кривой улыбкой на довольном лице изрёк комиссар и вышел прочь из комнаты.

Глава шестая. Коршун расправляет крылья

Примерно к половине одиннадцати вечера.

В Риме стихли все улицы, скверы и дороги, только извечные ночные стражи бдели и следили за порядком в великой столице, а ночь опустилась на землю своим чёрным холодным покровом, но только вокруг Великого Капитолия, величественного здания, что являлось сосредоточением всей силы в Рейхе, бурно кипела жизнь. Великий Капитолий был похож на покрытый куполом Колизей, только украшенный статуями и флагами, посвящёнными Империи.

Огромное исполинское здание, напоминающее своим антуражем величественный, но в то же время простой дворец, цитадель власти Рейха на северном побережье средиземного моря являет собой огромную цилиндрическую многоэтажную постройку, окружённую целым многокилометровым комплексом более мелких строений – базилик, террас, садов, фонтанов и укреплений, за которыми спрятались целые гарнизоны. Но внутри Великий Капитолий показывает аскетизм и сдержанность и именно поэтому он отделан из обычного обработанного камня серого цвета, отчего и получил своё второе название – Каменные Палаты.

К его входу, похожим на царственные ворота, постоянно

подходят всё новые люди, у которых бесчисленное количество военных проверяет документы, удостовераясь, чтобы ни одного лишнего человека не было на собрании.

– Ваше удостоверение! – звучит требование от одного из воинов, в чёрных, немного мешковатых одеждах, которых тут как рои бешенных мух.

Стоящий посреди огромных ворот, в строгой очереди, мужчина в строгом, чёрном классическом костюме Империи – высокие кожаные сапоги под колено, белая рубашка с высоким воротником и фрак, достал небольшое удостоверение, обтянутое в чёрную кожу. Черноволосый опрятный мужчина, с небольшой бородкой, посматривая на длинное вытянутое белое ружьё, готовое любого нарушителя испепелить ударом энергии.

– А-а-а, парламентёр... – небрежно выговорил солдат. – Проходите.

– Подожди... пройдёт он, – в дело обследования ввязался ещё один воин. – Нужно занести вас в бланк посещений от Буле, – после сказанного в руках солдата оказывается электронный планшет, отстёгнутый с пояса. – Кто и вы и откуда?

Несмотря на очередь, столпившуюся позади мужчины, все готовы часами стоять и не пикнуть, лишь бы соблюсти порядок, иначе кара за «Нарушение священного порядка в местах сосредоточения власти» настигнет моментально.

– Я Исайя Роними из Иллирии.

– А это кто? – согнутым, как тетрадка, планшетом указал

боец на молодого паренька, который стоит позади мужчины и пробивается вперёд.

– Я его помощник, – молвит парень, но охранник не обращает на молодого человека никакого внимания.

– Вот его Удостоверяющий Лист, – протянул в дрожащей ладони Исаяя двое сложенную бумажку.

– Хорошо, проходите дальше, посмотрев документ, небрежно выговорил солдат.

Два человека продолжили путь, идя по мраморному полу, в котором можно увидеть собственное отражение, так как он наполирован до состояния зеркала. Постукивая каблуками, разнося эхо по исполинской колоссальной зале, Исаяя дошёл до следующего проверочного пункта, на котором уже не воины, а скорее монахи в серых тяжёлых рясах и сандалиях.

– Интересно, а нас на оружие будут проверять? – прозвучал вопрос от светловолосого паренька с водянистыми кари-ми глазами. – Или избыточное содержание металла.

– Что ж, если мы прошли до «Идейного Контроля Благости и Ума» то ты уже чист, – вода строгим взглядом по холодным серым стенам взглядом бурых глаз, ответил Исаяя и ощутил некоторое непонимание со стороны помощника. – Суть в том, что по всему прилежащему району спрятаны «скану-мы».

– Это...

– Да, маленькие устройства, сканирующие нас на наличие оружия.

– А почему...

– Гвардия Капитолия уже прочипирована таким образом, чтобы «сканумы» на них внимания не обращали. А теперь приготовься.

На несколько сот метров растянулись столики, и плетёные рамки из стали у которых стоят десятки и десятки мужчин и женщин в пропитанных потом одеждах, напоминая чем-то монахов аскетов. Но это всего лишь служащие Культа Государства, поставленные, чтобы удостовериться в идейной чистоте работников парламента.

– Именем Рейха, стойте, – потребовала старая почти полностью сгорбленная женщина, с копной седых волос и морщинистым лицом, укутавшись в серые полотна ткани, как в одеяло.

Помощник и Исайя разошлись в разные стороны – по разным столам, чтобы не скапливать народ в единой очереди. Парламентёр не испытывает волнений, ибо такую процедуру проходит незнамо какой раз, а вот молодой паренёк готов покрыться холодным потом – его колени подкашиваются, и вязнет язык.

– Скажи-ка сынок, – добродушно заговорила женщина. – Что для нас важнее всего?

– Господь, Канцлер... и Рейх, – неуверенно ответил парень.

– А почему именно в такой последовательности? С чей-то у тебя Бог поставлен до Канцлера? Разве Творец дал

тебе всё это? – спросила старушка обведя дугу рукой, указывая на Капитолий.

– Потому что Канцлер сам так говорил, – утвердительно парирует молодой человек. – «Нет ничего важнее для нас чем Отец Небесный и его учение».

– Ну ладно... а вот, скажи, как ты относишься к позднему постапокалиптическому либеральному модернизму [4].

– Сугубо отрицательно.

– А почему?!

– Он же либеральный.

– Ладно... проходи.

Парень прошмыгнул через ряды столов и вынырнул через одну из плетёных рамок, олицетворяющих «боковые ворота» – противовес «парадным воротам». Слуги Культа Государства придали столько усилий, чтобы переделать слова Христа об этих вещах и сотворить новый символ, олицетворяющий, что государевы люди не имеют особого статуса или особого влияния у отца государства – Канцлера, ибо входят не через ворота избранных, а как все – через скромные рамочные проходы.

– Что-то ты долго. Я уж было стал волноваться... и кого только не пришлёт полк-орден, – последние слова были сказаны с особой томностью и шёпотом. – Что-то они совсем теряют хватку.

– Я не состою в нём... пока, – вознамерился оправдываться парень, потирая карман чёрного пиджака и поправляя ле-

вую туфлю. – Только готовлюсь поступить к ним младшим скаутом.

– Тебе же нужна от меня рекомендация? – театрально смутился Исайя и покойно продолжил. – Так и веди себя подобающе. А то отправлю жалобу твоему мастер-наставнику, а Антоний не любит такого. Он ныне работает на не самого лучшего командора, поэтому нервы у него плохие стали. Ты хоть помнишь, зачем приставлен?

– Оказать поддержку вам по приказу своего командора и лорд-командира, которые хотят убедиться, что вы полностью выполняете свои обязанности по их охране, – отчеканил заученно по-солдатски молодой парень и перешёл к вопросу. – Да, кстати, а что это за «модернизм», про который меня спросили?

– Не до этого сейчас. Идём скорее.

Два человека – парламентёр и его помощник, смешавшись с толпой сотен других продолжили путь, пройдя в самое сокровенное место Капитолия – Ложу Департаментов. Внутри эта часть здания устроена по типу амфитеатра, разделённого на несколько секций, где каждая доля отдана представителям определённого Департамента Власти. В самом центре зала возвышается на десяток метров высокая трибуна, с которой говорили ораторы и сам Канцлер. Тут повсюду, куда не кинь взгляд, стены обработаны фресками и резьбой, посвящённые становлению Рейха и величию первого Канцлера – сцены баталий и мира, изображения восхождения к трону

и падение нечестивых... это место пропитано историческими мотивами, нашедшими отражение в грубом камне. Воля и дух в этом месте возносятся едва ли не до небес от ощущения сопричастности к великим деяниям.

Внутри с серых стен свисает множество огромных штандартов Рейха, на которых изображён «максима-герб» Империи – трёхглавая птица, стилизованная под орла из древней партии НСДАП. У страны два герба – обычный, который используется в повседневной жизни и «максима», который предназначен для великих торжеств или значимых событий.

Пройдя внутрь «Ложи» Исайя и его помощник ощутили себя невообразимо жалкими, так как размеры этого места внушительны – они приближаются к размерам великого Коллизея, превосходя того в полтора раза. А такая удалённость стен друг от друга только создаёт прекрасную акустику, а посему религиозные гимны и хоралы тут усиливаются многократно.

– Сколько же тут людей собралось... – констатирует Исайя, рассматривая сотни или даже тысячи людей в разных костюмах. – А Антоний не прогадал, говоря, что тут сегодня случится нечто величественное и важное для Рейха.

– Не думаю, что он вообще ошибается, – напомнил о себе помощник. – Это же полк-орден.

– Вон наши места – указав на кресла, обтянутые алой тканью, зашагал Исайя. – Пойдём, займём их.

Все, кто собрались, понимают, что сегодняшнее заседа-

ние было очень важным, ибо пришли по требованию самого Канцлера, но чтобы пришли все представители Департаментов Власти... такого на памяти не было очень давно. Однако не прийти на это заседание, значит подвергнуть себя жестокому преследованию и позволить себе выпасть из вертикали власти Империи, а она в таком государстве как Рейх была жёстко определена, структурирована и проработана, как нельзя лучше. И вся эта структура, и иерархия отвечают таким идеалам как незыблемое повиновение, почитание старших по иерархии, любовь к начальникам, ибо считалось, что только когда наступит полная и покорная соподчинённость, то и придёт истинный порядок, когда все станут служить выше стоящим.

– Много же в Риме собралось народу от Департаментов, – присаживаясь на кресло, проговорил паренёк. – Тысяч десять... или двадцать?

– На сегодняшнем заседании участвуют главы ветвей имперской власти, которые именовали Департаментами Власти со своей многочисленной свитой и другими высшими чинами, которых очень много.

– Ага, а мы получается на месте парламента и парламентариев?

– Имперского Буле будет правильно.

– Простите, не знал этого. Как и об остальных ветвях, честно признаться.

– Ты не знаешь о них ничего?

– Антоний сказал, что вы всё расскажите мне. Он мне кроме задания о присутствии и наблюдении за происходящим тут сказал, чтобы я узнал о структуре государства.

– Вот зараза, – гневно выругался Исайя. – Вообще ничего?

– Только в общих чертах... лишь то, что дают в «Схолум Техник», чтобы было достаточно для любви к государственным символам и власти. Я же не из «Схолум Политика», как вы.

– Ну ладно. Давай я тебя просвещу немного, – недовольство промелькнуло в голосе Исайи, которое его помощником осталось незамеченным. – В центре всей вертикали стоит «Имперское Буле». Это четырёх палатный парламент, со строго определённым количеством людей в 204 человека.

– А какие в нём есть палаты?

– Первая палата – «Региональный Совет». Он является представителем интересов каждого региона, и именно он должен был отстаивать в государстве и перед самим Канцлером свои интересы, рассказывая о своих животрепещущих проблемах.

Однако намеренно Исайя умолчал, что если вдруг представители региона начинали жаловаться о насилии Культа Государства или Церкви, возмущались глупости действия министерств или высказывались против репрессий в регионах, ссылаясь, что практически не остаётся рабочих рук, то этих людей просто убирали с должности и брали под арест, ибо они нарушают «святость отечества в глазах людей слу-

живых». Что с ними было дальше, мало кто знал... разве что палачи.

– Вся страна была разделена на несколько огромных Провинций, а та в свою очередь дробится на Территории, разделённые на городские области. В Рейхе имеется четыре провинций и больше двадцати территорий, с которых выбирают людей.

– А как происходят выборы в палату?

– Каждого из трёх человек избирает, так называемый «Губернаторский Совет Территории», где естественно председательствовал сам губернатор. А в совете были лишь доверенные лица управителя целой Территории. И прежде чем быть выбранным на заседание совета, человек проходил специальные тесты, где было триста вопросов, составленные Император Магистратос, Империял Экклесиас и Культ Государства. Если претендент допустил не единой ошибки, то его пропускали на собеседование со священником, представителем Кюльта и человеком от министерства Идеологической Чистоты. И только когда человек прошёл собеседование, то тогда его допускали на встречу с губернатором.

– Хорошо, а что о второй палате?

– «Народный Сенат». Она является представителем наболевших нужд обычного народа, интересов простой многочисленной рабочей массы, неискушённой в политике или религии. Представителей выбирают на «Народных Куриях», этаких контролируемых референдумах, где за два месяца по-

давались кандидатуры на выборы.

— А что бывает с теми, кто недостаточно подходит для этой должности?

— Да... тех, кто был «идеологически нестабилен» и вызывал подозрения у любого представителя власти, отсевали на вступительных этапах, естественно во имя сохранения установленной стабильности и порядка. С ними проводят воспитательные беседы, но к выборам больше не допускают, дабы не осквернить органы власти.

— А что тогда с остальными?

— Остальные кандидаты проходили тяжёлые тестирования и опросы на «идеологическую годность», проводимые знаменитой триадой: церковью, Культom Государства и министерством Идеологической Чистоты. С каждой Территории была своя квота, которая перед выборами постоянная изменялась, но на исходе всегда должно получиться сто человек.

— Что со следящим механизмом?

— Третьей палатой является Законодательное Собрание. Оно занимается профессиональным составлением новых законов для государства, их разработкой и представлением перед Канцлером.

— Как так можно? Чтобы кто-то диктовал свою волю Канцлеру?

— Не беспокойся ты так, на деле верховным законопринимателем есть именно Император, который имеет право принять или отклонить тот или иной закон и если проект оказы-

вался противоречащим догматам и постулатам Рейха, то всё собрание могли спокойно распустить и собрать новое. Поэтому законы составлялись особо прилежно, с постоянной оглядкой на Империял Экклесиас и Культ Государства.

– А как собираются законотворцы?

– Это собрание набирает сам Канцлер из «идеологически чистых» людей, кандидатуры которых ему предоставляли члены Высшего Капитула. Причём человек мог быть кем угодно, лишь бы он был связан с властными структурами в Рейхе

– Кстати, а что вы можете рассказать об этой палате?

– А-а-а, о нашей «четвёртой». Он же Высший Капитул, состоявший из двенадцати человек, именуемыми верховными лордами, составляющие «парламент над парламентом», – мужчина призадумался, а затем, с нотой извинений продолжил. – Вот о нём я мало что знаю, прости. Знаешь, самое удивительное, что сформированный при первом Канцлере из ближайших и доверенных лиц, при нынешнем правителе сумел продвинуть закон о том, что Канцлер теперь не выбирает членов Капитула, они сами оставляли на местах своих приемников.

Исайя решил не говорить, что власть каждого Лорда была почти неограниченна, она имеет полный деспотичный характер. Они яростно плевали на все постулаты церкви и идеалы Культа Государства, творя жизнь в Рейхе по своему усмотрению. Канцлера просто завалили письмами о посто-

янных нарушениях Верховных Лордов, но правитель огромной империи почему-то бездействовал. Все особенности их правления оставались за кулисами политики, известно было одно, что членом Капитула мог стать любой, кто закончил «Политика Схолум».

– Понятно, а это что за люди в секции с фиолетовыми креслами... и в фиолетовых одеждах? Они похожи на людей из правительства. Из какого они Департамента Власти? – максимально тихо проронил вопрос парень, чтобы не показать своей неосведомлённости перед другими парламентариями.

– Имперор Магистратос – нерушимый и монолитный стержень всей государственной бюрократии. Как было сказано в Кодексе Слуги Государства: «Имперор Магистратос – непоколебимый молот Рейха, готовый своей массой обрушиться на любого, кто отринул ласковый свет Канцлера».

Этот Департамент Власти является административной и бюрократической структурой государства, состоящей из бессчётных десятков миллионов государственных служащих, от чиновников всех рангов и до простого административного персонала. Эти люди, подобно проклятым беспрестанно работают, практически на всех уровнях государства, не оставляя ни один самый порайонный уголок в тени. Как было записано в «Кодексе Имперор Магистратос»: «Хоть все являются слугами государства, но они нечто больше. Они имперская бюрократия, живущая только для управления Рейхом

во всех его аспектах. Будь это составление простых списков, тотальное управления всеми Провинциями или осуществление полного контроля над населением, эти люди живут ради своей работы».

Следуя идеалам Рейха, от каждого служащего государству требовали неимоверной отдачи, для того, чтобы вся имперская машина работала исправно. Если человек не укладывался в требования, то его освобождали от должности, а «рейтинг» понижали. А чем выше должность, то тем больше была ответственность и нагрузка. И за исполнением порученного неустанно следил Трибунал Рейха, способный убедительно оружием напомнить о долге служащего государству.

– Да, я немножко знаю, – эфемерно радуясь, решил поделиться званием парень. – Именно в этом Департаменте Власти рассчитывают «Рейтинг Гражданина» и по сути определяют судьбу и участь человека, жившего в нашей великой родине.

– Верно. Но скажу тебе, что за исправность всего этого исполинского механизма отвечает один человек, стоящий на самом верху этой неистово длинной бюрократической лестницы – Лорд–Магистрариус или «Главный Лорд».

Исайя не решил говорить о том, что знают все, посчитав это глупым. Ведь каждая блоха в Империи помнит – глава правительства является ответственным за всё функционирование бюрократического аппарата, став его главой и лицом,

абсолютным и неоспоримым управленцем, который назначался только Канцлером и ему одному лишь подчинялся. Его слово или указ не оспаривались, а принимались на уровне закона, если он не противоречил моральным догмам Рейха, который необходимо исполнить любой ценой.

– У него, наверное, огромный аппарат управления? – посмотрев на тучи людей, роящихся в фиолетовой секции, спросил помощник. – Вон-а, сколько народу.

– Да, ты прав. В Имперор Магистратос есть бесконечная лестница чинов, начинающаяся с Министерского Консула – заместителя Лорд-Магистрариуса и председателя Совета Министров, который обслуживается аппаратом в тысячи человек, а в сам «Совет» входят более ста пятидесяти глав из самых разных министерств. У каждого министра так же есть целый корпус своих заместителей и ещё больше подчинённых. Сама структура министерств была просто огромна и неимоверна разветвлена, что мне трудно об этом говорить.

Помощник Исайи не стал спрашивать, зачем всё это. Он и сам понимает – в Рейхе вся суть такой системы сводилась к одному – установить максимально полную и непрерывную слежку за собственными гражданами со стороны раздутого до грандиозных форм аппарата власти. Министерства и управления, службы и бюро собирают данные по каждому человеку, оказавшемуся в их сфере деятельности не упуская не секунды из жизни. По отношению к гражданам им давались немаленькие полномочия и неважно, зачем пришёл

человек к власти. Гражданин обязан ответить на любой вопрос, который задаст служащий министерства, вплоть до интимной жизни. И если ответ не понравится бюрократу, то гражданину могли запросто понизить «рейтинг», а может, что и хуже, ибо методам воздействия у Имперор Магистратос несть числа.

– А как же они управляются с властью в регионах? Правительство же как-то справляется с массивностью Империи? Губернаторы?

– Хорошие вопросы... я уж действительно подумал, что ты ничего не знаешь. Они ведают полным управлением всей региональной структурой Рейха, от мелких сёл, до крупнейших городов и именно для этих нужд был создан весь губернаторский корпус. Выше всех стоят Гранд-Губернаторы, управлявшие Провинциями. Сразу после них идут Губернаторы, заведовавшие всеми делами на определённой Территории, а ниже них только обычные Градоначальники, да Старосты деревень и сёл. И это не говоря об Распорядителях в Особых Зонах Империи.

И каждый слуга Рейха будь это управитель вверенной ему земли, министр и простой проверяющий, чтобы добиться своей должности просто обязан пройти самые сложные экзамены на идейную годность и соответствие идеалам государства. За каждого претендента на должность должен был поручиться священник, и заявить, что этот человек строго соблюдает заветы, оставленные ещё первым Канцлером. И осо-

бо ревностное наблюдение за всем министерским и управленческим каскадом осуществляет церковь.

– Ясно... о! – громко подметил парень странный аромат. – Чувствуете... чем это пахнет. У меня нос пощипывает...

– Это оттуда, – указал противоположную сторону Исая, где на белоснежных креслах, рассаживаются люди в молочных балахонах, кидая пряности в жаровни, горящие среди стройных рядов. – Разожгли благовония.

– Священники?

– Да, Империял Экклесиас. Поистине, она стала славным перерождением старой католической церкви, поддерживая, и насаждая словом и огнём веру в Бога, просто вдавливая в умы догмы пуританской морали. Никто не должен был преступить священные заветы главной христианской книги. И любые отступления, вплоть до неправильного толкования священных текстов, сурово наказываются и преследуются по всему Рейху.

– И правильно, – поддержал молодой парень. – Единство и равенство и таинствах – залог абсолютной стабильности и моральной святости.

– Конечно, но ты должен знать, что помимо моральной муштры все церковные иерархи яро и пламенными речами убеждают мирян в святости и избранности Канцлера. Во славу Императора проводят таинства, святость его имени воспевали всюду, от огромных соборов до мизерных часовен, а в проповедях священники убеждали мирян в том, что курс

Канцлера единственно верный.

Однако никто из парламентариев не скажет прямо, что Имperiал Экклесиас постоянно получает огромные суммы на свои нужды, которые от года в год всё растут. Когда обычные граждане Рейха живут в серых бетонных коробках, кафедральные соборы в это время слепили ярым великолепием, ибо, как сказано в Кодексе Имperiал Экклесиас: «Пусть же народ лучше будет пребывать в нищете и недостатке средств, чем умалится величие церкви нашей святой и, тем более Канцлера. Пускай наш быт будет скуден, но догматы великого Рейха, ведущие нас к процветанию и ограждающие от разнузданности и похоти, должны быть соблюдены любой ценой».

И священная мораль распространялась и насаждалась везде где только можно было. В Рейхе стать атеистом, значит стать еретиком. Однако большинство понимает, что такая линия поведения государства оправдана, ибо вера стала одним из столпов, возле которых получилось объединить Империю. Люди прошлого, живущие в достатке и роскоши, предающиеся разным материальным благам и предающие ближнего, отвергли своим поведением Его любовь, решили, что идеи свободного мироустройства важнее души. Всё кончилось страшным падением и Великим Кризисом, после которого искалеченные души людей, возможно, держать только силой и крепкой рукой. Все помнят слова, которые стали суровым предостережением для народа Рейха на будущее: «Я

накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей».

Исайя подумал об иерархии в церкви. На самом верху церковной иерархии был Верховный Отец. Этот человек был подобием древнего папы римского. Он полностью контролировал свою церковь и в своих решениях опирался лишь на Библию, Фолиант Гражданина и законы Рейха. В его бессменном владении находилась вся структура Империял Экклесиас.

– Я так понимаю, у церкви есть своё деление?

– Да, вся церковь Рейха делилась на три «Ордиума» или отдела: Миссианерос Темпле, Корпус Веры и Инквизиция.

– А можно поподробнее? – почёсывая затылок, спросил помощник.

– Миссианерос Темпле или Имперская Церковь – основной проводником идейно-политико-религиозной линии государства. Его возглавляет Круг Кардиналов, орган коллегиального управления, находящийся в полной отчётности перед Верховным Отцом.

Ниже них располагаются чины соответственно старой католической иерархии, но есть ещё одна должность – Первый Пастор, представитель монашеских общин и крайних захолустных, поместных церквей.

Имперская Церковь с фундаментальной и фанатичной ревностью насаждала веру в Бога и Канцлера, нетерпимо относясь к культам, которые говорили обратное христианству,

обвиняя их в ереси и призывая к уничтожению. Так во время преследований «еретических» учений на территории Рейха были в дословном смысле сожжены все остальные конфессии вроде буддизма или ислама, а также ещё более двадцати тысяч сторонних культов, хоть схожим с католичеством, но говорящих о ложном правлении Канцлера. Так наряду с сектами, выкошенными оказались: церковь «Всех Святых» в Милане, почитавшая людей, которых во времена кризиса венчали влюблённых одного пола. Община «Братство Пророка» явно буддийско-мусульманского характера в Неаполе, движение «Лунное Гетто» в Мадриде, заявлявшее о том, что есть некая высшая сущность, а все религии – это путь к ней, и ещё более двух десятков духовных течений, общин и культов, расходившихся во мнениях с официальной церковью. Но ещё пострадали и те, кто к религии не имеют никого отношения. Верховный Отец обратил свои гневные речи против движения «Зелёных», вегетарианцев, обвиняя их в нарушении постулатов веры, но больше всего пострадали те, кто ходит под стягом радуги, призывая к свободе в любви. За ними объявили самую настоящую охоту, ведомую Инквизицией. Их вылавливали как зверей и сжигали на главных площадях или где придётся, как-то было в Сан-Марино, когда движение в защиту их прав загнали в огромную «недостройку» и подожгли. Запах палёного мяса в городе витал ещё неделю. Их загоняли под асфальт и топили в нечистотах, как-то произошло в Афинах, где сначала люди от страха спрятались в

канализации, а потом агенты Инквизиции спровоцировали в городе коммунальную катастрофу, повредив трубы с горячей водой и отвечающие за биологические отходы. Люди просто сварились заживо в кипящих нечистотах, но все гонения и преследования санкционировались строго с санкции Миссианерос Темпле, так как без последнего слова от священника ничего не будет делаться.

– Ага, а воины в чёрной броне, с автоматами в руках, которые присутствуют на службах в церквах их охрана?

– Почти. Это Следующий «Ордиум» – Корпус Веры или идеологически-фанатическое боевое подразделение церкви, используемое для решения глобальных проблем с еретиками и противниками церкви. Но он поднимается только в случаях крупных восстаний, носящих антицерковный и антиправительственный характер.

Корпус Веры делится на Храмовую Стражу и Церковное Ополчение. Храмовники занимаются непосредственно крупными и официальными операциями или полномасштабными боевыми действиями, а также защитой храмов и священников, возглавляемые Великим Паладином, контролирующий Первый Дружинника, являющегося представителем Церковного Ополчения, армии фанатиков и обычных граждан, которые вооружались только в случаях непосредственных угрозы, состоя из мирян. Первый Дружинник контролировал Вече Дружины, а оно в свою очередь надзидало за Поместными Вождями, занимающиеся обороной и орга-

низацией религиозного войска на местах. У Храмовой Стражи так же есть свой орган управления – это Совет Лорд–Храмовников, состоящий наиболее высших чинов среди Храмовой Стражи, помогающий Великому Паладину в управлении всем подразделением Корпуса Веры.

Все знают, что в храмовники забирают ещё с раннего детства и это есть законодательно установленная обязанность дважды крещеных родителей, то есть прошедших таинство второго посвящения в святость, доказавших непреклонным фанатизмом на службах свою верность Миссианерос Темпле. По закону Рейха, своего мальчика–первенца они отдавали на службу Имперор Экклесиас и во время службы, тренировок и бесконечных молитв, юноша превращался в максимально фанатичного служителя церкви, готового на всё, что скажет ему иерарх. Он был готов на всё... даже пойти на «очищение рода» – убийство во имя веры родственных лиц, если те стали еретиками.

– А вы когда-нибудь сталкивались с инквизиторами? Что вы можете рассказать о них?

– Это ещё одно подразделение церкви, которое праведнее и фанатичней остальных. Она занимается своими прямыми обязанностями – розыск, охота и поимка политических и духовных преступников, а также их уничтожение. Инквизиция – это секретная религиозная полиция Рейха, возглавляемая Верховным Инквизитором.

Для того, что б поступить на службу к церкви Рейха, по-

мимо закона о «Священном Первенце» для Храмовников, надо после окончания школы пойти учиться в Областной Семенариус. После пяти лет службы в нём, Синод Сменариуса определял в какой «Ордиум» человек уйдёт на дальнейшую службу и наиболее талантливые в области розыска и убеждённости в постулатах Имперор Экклесиас зачастую всего поступали на службу в Инквизицию, превратившейся в могущественную религиозную церковную полицию, перед которой дрожат все, ибо в её власти было обречь на уничтожение целые города, как это было с Новой Венецией – самоуправляющимся городом.

Об этом не упомянут в учебниках, не скажут политики, лишь редкий священник упомянет в проповеди, как акт жесточайшего неповиновения. Это произошло за два года перед смертью первого Канцлера. Агенты Инквизиции заподозрили жителей этого города в ереси, по перехвату всего одного сообщения, где говорилось, что политический курс Канцлера не совсем отвечает потребностям народа в духовной сфере. И только по одному этому подозрению было инициировано уничтожение города. Не армия Рейха, а корпус храмовников, ведомый инквизиторами, глубокой ночью обрушил на город сначала град снарядов, потом залил напалмом. И уже в выжженный город вошли инквизиторы, казнив немногих выживших не щадя никого.

– А там кто, на чёрных креслах в тёмных мантиях? Антоний говорил, что это «священники имперского права»

– Это всего лишь Трибунал Рейха, представительство всей судебной власти и системы правосудия в Рейхе, олицетворение его справедливости, законности и всей скоротечности исполнения правосудия, ведомый троими Трибуналяриями, которые осуществляли всё управление и высшее судейство в империи. Этих людей выбирает сам Канцлер из «Политика Схолум».

Верховный Трибунал делится на два «критархиума» или две ветви: Судоустройство и Боевые Соединения Трибунала, ставшие его мышцами и мечом, дабы ускорить исполнимость правосудия. Устройство судебной системы руководит Верховный Судья, от взора которого не укроется ни одно решения суда различного ранга и типа, от Высшего Суда Рейха до обычного сельского поместного судилища, избираемый Канцлером и знающий наизусть «Рейх Лекс» – неимоверно огромный свод основных законов.

В Империи нет отдельных судов по экономическим или гражданским спорам. Всё сводится к одному принципу: «Что не соответствует постулатам Рейха, то подлежит осуждению и уничтожению». Все суды в Рейхе производились с оглядкой на Культ Государства и проповеди церкви. К примеру, в суде если человек докажет, что убитый им гражданин был еретиком или выражал ярое недовольство Канцлером, то его могли спокойно отпустить на свободу, сославшись на «Добрую моральную волю, скрепляющую великий Рейх».

– Но что есть судебная система без Боевых Соединений

Трибунала, – продолжает Исайя рассказ о «Департаментах Власти». – Ничто. Боевой Критарх, возглавляющий Гвардию и Комиссариат, готов с остервенением карать любого, кто нарушит право Рейха.

– Я так понимаю, Военные соединения осуществляют скоростное правосудие, защиту судей и карательные операции, а также тотальную слежку за улицами городов, соблюдением и исполнением законов.

«Лекс Милитарис», Гвардию Трибунала, возглавляет Коммандер. Гвардия есть охранно-боевая структура Трибунала, выполнявшая в основном карательные операции, охрану судей и судов. Известен случай, когда целый полк Гвардии был отправлен на укрощение восстания. Эта операция получила название «Пламенный Рассвет», когда на заре целый полк, под прикрытием реактивной артиллерии сравнила с пылью самопровозглашённый город-демархию, публично заявивший первому Канцлеру, что он хоть и не отделяется от Рейха, но будет сам менять городское законодательство. До сих пор каждое утро можно увидеть чёрные руины этого города, поросшие мхом на восточном побережье Италии.

В полномочия же Комиссариата входит слежение за соблюдением и исполнением законов Рейха. Именно они занимали поддержкой порядка на улице. Непревзойдённые легисты, досконально знающие закон своей страны, во имя порядка и режима холодной и железной рукой соблюдали постулаты Империи. Они спокойно и без объяснений могли

арестовать человека, который не так посмотрел на плакат с лицом Канцлера, ибо, как сказано в Фолианте: «Наш Канцлер и есть наш отец, ты не в праве даже посмотреть на него с осуждением». Комиссары любого ранга могли быть внедрены в совершенно разные структуры и вершить правосудие на своё усмотрение. Все чины, вплоть до Надзирателей, должны пройти обучение в «Политика Схолум» и отслужить в Армии Рейха. Остальные – Надзиратели и Уличные Комиссары, для службы, должны подать заявки к Квартальным Комиссарам, а те их зачисляли на службу.

Комиссары вершили полномочия там, где им вздумается, и как они сочтут нужным. Был случай, когда адепты Культа Государства подали жалобу, что на частном предприятии не соблюдается Культ. Прибывший туда комиссар в назидание другим каждого десятого заставил пройти принудительную лоботомию.

– А те монахи, меня проверявшие... это... там, на серых креслах сидят.

– А они... извечные праведные служители отечества – Культ Государства. По своей идейности Культ двоюродный брат церкви, но только ориентация у него была сугубо светско-гражданская, насаждая святость государства везде, где только можно.

Культ всегда отслеживает ситуацию, пользуясь всеми возможными данными из министерств о гражданах. У Культа нет силовых структур, в деле принесения воздаяния и на-

саждения железной праведности она полностью полагалась на Трибунал Рейха.

На её самом верху расположился Великий Патриарший, полностью управлявший Культом. Сразу за ним идут Окружные Магистратрии Культа, следившие за состоянием почитания государства в Округе, состоявшим из двадцати культополисариев или Обителей Культа – огромных и серых, в сорок этажей, зданий в которых и располагался Култ. За ними шли управляющие культополисариями – Государства Жрецы. Они руководили всей жизнью и деятельностью в Обители Культа.

Култ Государства насаждается везде и всюду. Адепты Культа был вправе проводить любые проверки, когда им захочется. Им обязаны были предоставить любые данные, вплоть до информации, касающейся подробностей интима и мыслей. Если гражданин отказывал служителям Культа Государства в предоставлении информации, то запускались стандартные механизмы Рейха, перемалывающие судьбы и души людей, вечно клеймя их отступниками. Помимо всего в Культополисариях адепты имеют собственные печатные издания, чтобы печатать свои брошюры «правильного поведения». И каждый день выпускались миллионы брошюр и книг, поставляемые во все магазины и раздаваемые прямо на улицах. И любой книжный магазин обязан был закупать определённую квоту этих книг, в противном случае владельца могли арестовать за «Сопротивление распространению».

ния блага и праведности в Рейхе». Если человек отказывался брать на улице брошюру, то его тоже могли спокойно арестовать.

Если из информации, полученной Культom, следовало, что уровень почитания государства упал, то там начинают проводить почти каждые два часа на площадях города и сёл проповеди, а порой увеличивают количество показательных пороков. Так было по всей Северо–Балканской Территории, когда уровень обожествления государства упал на девять сотых процента, то затем весь регион внимал сладким проповедям Кulta и страдал от бесконечных проверок и засилья репрессий всего комиссарского состава.

– Частники... предприниматели, – с отторжением заговорил помощник, смотря вправо, на людей рассаживающихся по зелёным креслам. – Они тоже здесь.

– Как же ты... скрытно-неуважительно говоришь о работниках мелкого предпринимательства.

– Простите, не могу говорить о свободном рынке хорошо, ибо это он на пару с либеральным растлением погрузил прошлый мир в эпоху мрака и войн.

– Но в священном Рейхе иначе. Корпоративная Палата отражает интересы предпринимателей в мелком бизнесе, приближённая к народу, ибо крупные торговые потоки и все самые крупные и значительные экономические возможности были полностью в руках государства. Корпоративная Палата вечно делит экономику с Имперор Магистратос, почти с ним

сравставшись в определённых аспектах.

В её компетенцию входит отраслевое отражение интересов всех сфер и рекомендации насчёт экономического развития Рейха. У неё не было чётко определённых Канцлером глав. Правитель всего лишь мог одобрить или отвергнуть кандидата на пост Куратора Палаты, прошедшего все необходимые идеологические тесты и собеседования. И на каждое заседание приходили определённые люди, которым на данный момент было поручено отражать интересы производителей, предпринимателей и рабочих на заседаниях Департаментах. В сферах влияния Корпоративной Палаты оказывались, как и мелкие магазины с небольшим предпринимательским составом, и огромные торговые центры, где наравне с государственными товарами, поставляемой министерствами, могла продаваться и частная продукция. Именно понимая всю силу и возможность финансовых потоков в руках умелых людей, и была создана эта Палата. Однако в то же время данная структура жёстко ограничена и тотально контролировалась со стороны остальных Департаментов Власти, которые старались максимально полно следить нисколько за её деятельностью, сколько за жизнью предпринимателей. Если продукция была «антиморльна» или не соответствовала идеалам режима, то такой предприниматель сурово наказывался, по всем законам Рейха.

– Вот и всё, – выдохнул помощник. – Иных Департаментов Власти нет.

– Ты подожди... помимо всех этих Департаментов Власти при Канцлере ещё был Координационный Кабинет, в котором заседают главы всех ветвей власти. Это высший орган управления Империи.

Все уже начинали рассказывать по собственным местам, а молодой парень так утомился от рассказов о механизмах Рейха, что опустил подбородок на ладонь, опёршись на подлокотник, а на тронных возвышениях уже сидят главы нескольких Департаментов, готовясь к заседанию. Но в зале ещё стоял разговорный гул, который начинал медленно утихать.

– Парламентёр Исайя, а когда начнётся заседание сегодняшнего Капитула? – прозвучал среди общего шума вопрос.

– В ноль часов, может чуть позже, парламентёр Тиберий. Между двумя людьми наступила лёгкая тишина, которая, несмотря на разговоры возле них, показалась им неловкой.

– Мда, а здесь очень шумно, – рассудительно начал Исайя, поправив чуть кудрявый волос. – Здесь очень много людей собралось, я не припомню такой явки со времён вступления второго Канцлера на свой пост.

– Сегодня здесь заседают все представители Департаментов Власти, – с еле уловимым вдохновением в голосе сказал Тиберий.

– Говорят, что будет выступать сам Канцлер, без своего заместителя, – искривив губы в улыбке на лице, произнёс

парламентёр. – Тиберий? – Вопросил Исая, пытаясь обратить внимание на свои слова.

– Да, парламентёр Исая, – неожиданно сухо ответил собеседник.

Они были обычными парламентёрами, представителями первой палаты, ставленниками родных земель, которые ещё недавно терзались меш друг другом за осколки бывшего мира.

– Парламентёр Тиберий, а вы не видели, кого ни будь из четвёртой палаты? – с удивлением произнёс парламентёр. – А то я не наблюдаю Лордов, хотя они частые гости на заседаниях.

– Парламентёр Исая, – холодно и строго начал Тиберий. – Я не знаю, а теперь пора начинать молчать, заседание уже началось.

Прозвенел сигнальный звонок, похожий на рёв сирены, говорящий о том, что заседание началось. После звона, оглушительного и режущего уши истошного звона в зале стала постепенно наступать тишина. Голоса понемногу спали на нет. Во всей зале пришло гробовое молчание, слышно только чьё-то сопение и работа вентиляции. Свет стался несколько приглушённым. От всего этого в зале создалась некая томная мистическая обстановка. На самом деле никакой мистики здесь не было. По правилам заседаний, после звонка наступает так называемая «Благодатная минута». В это время все про себя, в течение минуты, все присутствующие читали про себя молитву Богу и двести третье песнопение хваления

Рейху, составленное Культот Государства.

Ровно спустя минуту, со своего сидения встал один человек, одетый в обычный костюм Спикария Капитула, человека объявлявшего проблемы и начинавшего заседания: тёмно – синие брюки, пиджак, чёрные туфли и бирюзовую рубашку. В зале стоит такая тишина, что шарканье одежды и стук туфель по каменному полу были слышны на самых последних рядах.

Он по старой традиции немного кашлянул, поправил галстук, и сильным голосом начал говорить:

– Господа парламентёры, великий и всеми любимый Канцлер, да будет имя его вечно восславляться, приветствует вас на заседании Капитула.

И по правилам заседания все присутствующие встали и выполнили Жест Герба – сложили руки на груди и склонили головы. И только когда все с показным благоговением выполнили таинство и уселись, Спикарий продолжил:

– Сегодня на нашем заседании будет обсуждено несколько неотложных и важных проблем. Но первый и самый важный вопрос, это благородная война с Северо-Иберийской Федерацией. И начать с доклада, это заседание, я попрошу маршала Армии Рейха – Тита Аврелиуса.

Из рядов вышел человек одетый в чёрную официальную военную форму, схожую с клоническим костюмом. Он с движениями военной выправки зашагал к трибуне – годы службы дают знать о себе. В его руках зажат электронный план-

шет с информацией. Как только маршал поднялся на трибуну, быстротечно пробежался пальцами по планшету и начал своё выступление:

– Господа и дамы, как вы знаете, наши войска ведут боевые действия в северо-западной части Иберийского полуострова. Вы постоянно спрашивали, почему их не удаётся победить, – военный от волнения слегка поджал губы. – Восставшие оказались хорошо вооружены и подготовлены, не исключено, что в их рядах есть перебежчики из нашей армии. Но есть и хорошие новости, недавно мы взяли города: Виго, Оренсе, Саррию и Вилалбу. На сегодняшний момент мы штурмуем город Луго.

– И что это вы этим хотите сказать? – благодаря привилегии оборвать говорящего, своё вопрос задаёт Лорд-Магистрариус.

– Это всё значит, что мы выходим напрямую к столице мятежников – Сантьяго де Компостела. Но перед этим оплотом отступников сформированы ряды тяжёлых укреплений. Если всё продолжится, темп наступления останется как сейчас и нам окажут поддержку, то через неделю мы возьмём столицу сепаратистов! – помпезно и громогласно сказал маршал, но внезапно для всех с сокрушением в голосе продолжил. – Но наши подразделения нуждаются в продовольственных ресурсах, подкреплении и боеприпасах. Без всего этого мы не сможем сохранить темп наступления, ни, то, что его ускорить. Мы остро нуждаемся в помощи Рейха, –

молит Тит, вглядываясь в лица и реакцию присутствующих, ожидая помощи, после чего всё же решил закончить. — У меня всё, спасибо за внимание, господа парламентарьёры.

Маршал взял планшет и с чувством выполненного долга направился на то место, где сидел.

— Кто хочет высказаться по этой теме? — Запросил спикарий, вновь вставший к трибуне.

— Я буду говорить! — послышался на всю залу громкое воззвание, с нотками наглости и самолюбия в голосе.

— Хорошо, — выдохнув, с усталостью, от этого человека, в голосе, начал говорить спикарий. — Лорд-Магистрариус.

Через несколько мгновений у трибуны уже стоял высокий мужчина, облачённый в чёрные одежды, поверх которого покоится лоснящееся фиолетовое пальто. В его глазах игриво пляшет нездоровый блеск, а черты лица отдают формой лисьей морды.

— У нас решили попросить помощи... армия решила просить помощи? Решила просить наших ресурсов? — наглый голос глава бюрократии до глубины души раздражает Исайю, как и большинство парламентарёв, но все лишь вздыхают, отгонная «еретические» мысли, продолжая слушать его речи. — Тогда пусть армия ответит на один вопрос: почему это случилось так, что там вспыхнул мятеж и почему его вовремя не подавили? Почему наша великая армия не смогла подавить жалкий бунт? — требовательно и вызывающе возмущается Лорд-Магистрариус.

– Я думал, за состоянием области должен следить территориальный Губернатор, – отчаянно парирует Маршал.

– Но подавление мятежей на ваших плечах, и только на ваших. И направлять к вам дополнительные войска, мы не считаем нужным. Я не считаю нужным. – С жутким самодовольством и гордыней заявил Лорд. – Так как нам нужно охранять наши границы от вторжений мигрантов и враждебных держав.

– Но кто тогда окажет нам помощь? – растерянно и с еле читаемым отчаянием спросил маршал. – Если не собственное правительство?

– Тут мы можем помочь, – послышался из зала обременённый возрастом и мудростью голос.

По направлению к трибуне после этих слов пошёл пожилой мужчина. На нём болтается был изукрашенный кремовый балахон, расшитый золотистыми нитями, и от него пахнет десятком благовоний. Когда старик подошёл к трибуне, то он и Лорд-Магистрариусом возникло заметное напряжение и буквально пару мгновений они сцепились взглядом, будто испытывая друг друга. И после недолгой борьбы, начальник правительства, как-то нехотя, но все, же уступил место у трибуны.

– Я Верховный Отец нашей великой церкви, – громко и вдохновенно начал вставший у трибуны иерарх. – Мы слышали мольбы и нужды армии. Они защищают нас, оберегают наш покой, а теперь пришло время нам отпла-

тить. Империял Экклесиас объявляет Иберийский Крестовый Поход, и отправляет несколько боевых соединений Корпуса Веры в поддержку нашим братьям в борьбе с отступниками. Праведным светом мы искореним эту сепаратистскую ересь, – эффектно и, подавая призыв, басит Верховный Отец, и немного обождав, столь же помпезно продолжил. – Так же мы окажем и ресурсную поддержку доблестным сынам Рейха. Завтра мы объявим о начале благотворительной акции в храмах, мы постараемся помочь вам, чем сможем.

– Спасибо вам, ваше святейшество, – тихо, практически не слышимо проговорил сам себе маршал.

– Ха! – внезапно воскликнул Лорд. – Как можно кормить тех, кто не может подавить мятеж? – С возмущением задал свой вопрос руководитель Имперор Магистратос. – От меня они получают только статью в соответствии с Кодексом.

– Как можно кормить тех, кто не может предвидеть мятеж и тех, кто ставит не умелых губернаторов во главе? Как можно доверять тем, кто убог умом и душой и проваливает ту великую цель, которую на него возлагает наш великий Канцлер. – Спокойно упрекнул Верховный Отец.

– Да, что ты знаешь о нашей работе, господин церковник?! – импульсивно высказался глава правительства

– Вы смеее дерзить верховн...

– А заткнись, – прервал Лорд–Магистрариус кого–то парламентаря.

– А как же полк–орден? – неожиданно для всех присут-

ствующих спросил Исайя. – Если их призвать, они помогут побороть опрометчивое восстание... они для этого и служат.

– Эти предатели мало что могут. И они продемонстрировали своё свинство тем, что просто не хотят жертвовать на этой войне собой, – дерзит Главный Лорд. – Вон-а, мы их ещё звать должны? Пусть сами приходят и берутся за оружие.

– А может, они лучше натренированы, и не бросаются в бой сломя головы, стараясь выполнить ваши, порой безумные, приказы.

– Да как ты смеешь их поддерживать, ты гнида полк-лоялисткая.

После этого в зале вспыхнула волна негодования, от нанесённого оскорбления. При первом Канцлере такой дерзости никто себе не позволял, но вот за время правления второго наступило время раскрепощения в кругах власти и взаимные оскорбления почти стали нормой. Священными постулатами Рейха любое оскорбление в стенах Капитолия было запрещено, и поэтому эта ситуация многих просто ввела в неподдельный ступор. Многие стали выражать своё недовольство. Заседание Капитула грозило превратиться в обычный базар, несмотря на присутствующих рядом охранников, что с недоумением смотрят на происходящее. Некоторые из охранников уже потянулись к дубинкам на поясе. Кто-то из парламентариев переглядывался, не зная, как на это реагировать, ибо такой беспорядок грозил собой в первый раз.

Но вдруг неожиданно быстро настала тишина и гул, ор в

зале унялся. А разгневанные парламентёры поспешили покорно занять свои места. К трибуне уверенной походкой идёт второй Канцлер, вызывая благоговейный трепет у каждого присутствующего.

Несколькими минутами ранее.

– Вы готовы? – прозвучал заботливый старческий голос.

– Я готов, помощник Мицелий, – послышался как некогда уверенный ответ.

Это обычная и странно простая для такого человека комната. Её небольшие размеры создают эффект тесноты, и вещей в ней было не много: небольшой книжный шкаф, роскошный рабочий стол, диван из кожи. В комнате есть один лишь окно, которое по углам прикрывают алые занавески. У окна своё место заняли два стула, на которых и расположились присутствующие.

Первый – человек высокого роста, с длинными до плеч светлыми волосами, невероятно утончёнными чертами лица и худощавым телосложением. На нём, как на манекене кожаное пальто, явно большое, тканевые чёрные штаны и кожаные сапоги. Второй же – мужчина низкого роста, с короткими седыми волосами, более плотным телосложением и в простом зелёном костюме дворецкого.

– Скажи мне, Мицелий, почему ты так долго служишь мне?

– Я десятилетия нёс службу и вашему предшественнику,

этой мой долг. Да и нужно же просто работать, а может, я слишком стар и сентиментален и не могу покинуть службу, на которой я столько долго пробыл, что она стала частью меня.

– Хорошо... ты действительно верный слуга, – довольно заключил собеседник. – Верность сейчас редкая штука... её нельзя обеспечить одним лишь страхом, так как это уже не верность... лобзание, чинопочитание... всё что угодно, но не верность.

– Вам ещё понадобится помощь, какая-нибудь?

– Ох, мой старый друг помощь, не нужна, – с безумно расцветшей улыбкой на тонких губах был дан ответ.

– Хорошо, – было начал старик, но вдруг приумолк, после чего всё же договорил. – Старый канцлер гордился бы вами.

У израненного сердца собеседника пробежало странное и неопишное чувство, и он слегка схватился за грудь, а по щеке пробежала слеза. Воспоминания пришли сами собой.

– Старый Канцлер говоришь...

Всё произошло и началось чуть больше года назад, в больнице. Это была одна из самых современных палат во всём Рейхе, полностью белая, несколько окон, драгоценная люстра... тут всё соответствовало основам роскоши и выдержанности в ней, а в середине палаты один единственный пациент – умирающий правитель. К его телу подключено множество жизнеобеспечивающих устройств, которые ещё поддерживали тлеющий и угасающий огонь жизни в могущественном

политике. Сам он был почти весь окутан паутиной из разных перепутывающихся и на вид бесконечно выющихся проводов. В палате стоял характерный звук работы устройств и писк показаний о работе сердца. На кровати лежит некогда великий Император, уже практически ни на что не способный. Но и сейчас немощный старик, даже в таком виде, он повелевает несметной Империей силой слабого голоса и движением своей немощной руки, которая практически была парализована. В палате находится так же ещё два человека: заместитель Канцлера и Высший Лорд. Но даже такой матёрый и повидавший виды мужчина как высший лорд смотрит на умирающего повелителя Рейха с опаской, в его глазах читался неподдельный и животный страх... кто знает, куда в потерянном сознании отправит его правитель... может и на каторгу, а может и на плаху.

– Подойди ко мне, – практически шёпотом и сипло сказал умирающий Канцлер, указывая немощной рукой на своего заместителя.

Заместитель робко и с опаской подошёл к умирающему старику и его аккуратно взял за руку.

– За своё правление... кхе-кхе, – выкашлялся кровью умирающий Канцлер, захлёбываясь ею, которая была уже у него на губах в обильном объёме. – Я много чего совершил за свою жизнь... ужасного и недостойного. Я хотел бы исповедаться, но я знаю, что не успею уже... кхе-кхам... а посему я хочу дать тебе напутствие, – на издыхании, уже за гранью

смерти, отдаёт свой последний приказ Император.

Вдруг Канцлер сжал руку помощника. Его зрачки сильно расширились. А кровь изо рта потекла всё обильней. Все приборы просто сошли с ума, начав истошно пищать и верещать и на фоне медицинского оркестра, Канцлер высказал свои последние слова:

– Не допусти моих ошибок... бойся не тех, кто за стеной, а кто рядом с тобой, – Тяжело и, закашливаясь почти шепча вымолвил умирающий правитель. Ты теперь Канцлер.

Но вот рука Императора стремительно начала мякнуть, сам он стал беспорядочно хвататься за воздух, а приборы залихорадили в бешеном ритме.

– Врач! Врач! – кричал без пяти минут новый канцлер.

– Помни о моих ош...

После этих слов все приборы умолкли, и в палате только раздался истошный писк.

Ещё некоторое время в палате стояла тишина, только врачи уносили безжизненное тело. Новоиспечённый Канцлер сидел, схватившись за голову с пустым взглядом. Глаза же Лорда выдавали огромное облегчение, как после тяжёлой работы раба на плантациях, который лишился своего хозяина.

– Король умер, да здравствует король, – с улыбкой и довольным голосом, разведя в стороны руками, сказал Высший Лорд.

– Что, прости? – с непониманием спросил Второй Канцлер.

– Пойдём, поговорим о будущем Рейха, – поспешно сказал Лорд.

Они оба вышли из больницы и направились к автомобилю Лорда, и через пять минут они уже были в богатом и роскошном ресторане, где за одиноким столиком сидит несколько человек: один новый Император и три Лорда.

– Что ж, Канцлер умер, теперь пора решать, кто будет новой властью, – с коварной улыбкой сказал один из Лордов, самый высокий по росту.

– Я что-то не понимаю? – уже испуганно, но всё так, же непонимающе сказал новый Канцлер.

– Что ты не понимаешь? Здесь всё достаточно просто. Власти мало, а нас много. Нам мало того, что мы имеем сейчас, и мы хотим больше. Наша логика довольно проста. – Вызывающе произнёс Лорд.

– Послушайте, народ не готов... – Пытаясь хоть что-то объяснить начал Канцлер.

– Слушай теперь меня, – Грубо и нагло прервал говорившего Лорд. – Либо ты принимаешь наши условия и спокойно живёшь, либо мы, так сказать, отправим тебя на досрочную пенсию. Твой диктат будет окончен, так и не начавшись.

После чего Лорд достал изукрашенный нож, и показал пистолет, который висел у него на поясе, в знак того что он даже сейчас готов исполнить сказанное. Император тяжело вздохнул, потом сглотнул. Он быстро понял, что пойти на противостояние с Лордами сейчас это означало бы верную

смерть... но не его, а того человека, что любимее этого мира.

– Ну, каковы же ваши условия, господа Лорды?

– Ха, правильный выбор, мальчик, – унизительно произнёс матёрый. – У нас есть несколько правил: любое наше решение – это твоя воля, любой наш закон – это твой закон, все, что ты решаешь делать ты согласовываешь с нами... короче говоря: всё что ты делаешь, хоть даже если захочешь чихнуть, ты всё обсуждаешь с нами. Чтоб без нашего ведома – ни шагу, а то отправишься вслед за своим предшественником. Ты нас понял?

– Да, понятно. А у меня вопрос, можно задать?

– Ха, а ты быстро понимаешь всё. Можешь задать.

– А какие у меня права?

– Хм, ты останешься символом для народа, мы будем править из тени, а ты будешь марионеткой, красивой куклой, ведь народ легче верит в святость одной фигуры. Человеческой мешанине легче служить и объединяться возле одной личности, понял?

Пододвинутый Канцлер был шокирован подобными словами. Те, кто был призван служить народу, сейчас готовы были плевать на него. Верховные Лорды напоминали уличных бродяг, что отобрали у прохожего нечто ценное и почувствовали после этого себя избранными до такой степени, что возомнили себя выше всего мира.

– Да, – тихо, покорно и сломлено произнёс Канцлер.

– Вот и славно, что ж, за это можно и выпить... Официант!

Тот, кто стал Канцлером и сам не хотел вставать на этот пост, желая передать его кому-нибудь другому. Он не желал ссоры с Верховными Лордами, ибо им двигало желание уйти в тень, в тихий угол Рейха и разделить эту тишину с той, с кем он хотел быть до конца жизни. Но судьба оказалась жестока, и пост Канцлера стал единственным залогом осуществления страшного возмездия, за нанесённые душе увечья.

Но внезапно добродушно сказанные слова помощника вырвали из воспоминаний больную душу:

– Скоро ваше выступление, вы готовы?

– Я всегда был к этому готов, – холодно кинул Канцлер, но потом более мягко спросил. – Скажи мне Мицелий, ты готов меня поддержать?

Хотя Канцлер и сам не понимал, зачем он спросил верности у обычного слуги, но почему, то сейчас ему это показалось очень важно.

– Господин Канцлер, я вам всегда буду верен. И поверьте, поддержу любое ваше начинание.

В душе Канцлера пробежала волна облегчения, и он обрёл неожиданное спокойствие, позволив сосредоточиться себе на будущем выступлении.

– Твои слова греют мне сердце, – сердечно вымолвил правитель.

– Спасибо, – сказал помощник и на свой страх и риск решил задать вопрос, за которым обычно могла последовать

казнь. – Господин Канцлер, вы можете рассказать, как у вас получилось перехитрить Лордов?

На что ему неожиданно спокойно собеседник ответил:

– Да, я расскажу... тебе можно. Любой мой шаг был поставлен под контроль, но даже в этом положении мне удалось действовать в своих интересах. Да, пускай все мои решения, приняты с оглядкой на Лордов, и они пытались себя сделать олицетворением «святости», но я научился определять их слабости. И у них у всех как под копирку есть один порок: бдительность было довольно легко усыпить.

– Вам понадобился год, чтобы это понять?

– Далеко нет... нет. Всего полгода присмыканий, унижений и они забыли даже о моём существовании. Их гордыня, жажда богатств, их сладострастное корыстолюбие и похоть затмили разум этих развращённых ничтожеств. Потом я нашёл верных мне людей, и теперь мне удалось установить надзор над Лордами. Они были настолько поглощены ненасытностью и вожделением, что не увидели, как возле них меняется обстановка. Но это не главное, мне удалось выяснить самое важное для нанесения решающего удара: где они заседают для принятий решения, как урвать ещё кусок власти. И через несколько минут будет нанесён финальный удар.

– Мда, вами бы гор...

– Не повторяй о нём. Мне больно это вспоминать, – неожиданно по-человечески и, держась за сердце, попросил Канцлер.

– Но почему? Он в вас души не чаял, – тихим и мягким голосом спросил помощник.

Канцлер ничего не ответил, он лишь посмотрел в окно и немного ухмыльнулся.

– Скажи, Мицелий, ты кому бы из нас был бы больше верен? Первому или же мне?

– Я всегда был верен ему и бесконечно буду верен вам.

– Хорошо, задам другой вопрос: кого из нас ты больше уважаешь?

Слуга немного поёжился в кресле, но в его взгляде не пробежало и искры страха. Он повернулся и взглянул в лицо, в глаза Канцлеру.

– Его.

Правитель не был ошеломлён этим ответом, скорее не удовлетворён.

Канцлер хотел спросить, почему так, но тут в комнату вбежал молодой человек высокого роста. Это был ещё один слуга.

– Господин Канцлер, положение требует вашего немедленного вмешательства, – Запыхавшись, и тяжело сказал вошедший.

Канцлер оглядел комнату, выдохнул.

– Хорошо, я сейчас пойду.

Слуга кивнул и быстро вышел из комнатки.

– Я, пожалуй, тоже пойду, мне пора, – выдохнул Мицелий.

– Да, мой старый друг, тебе пора.

Мицелий тяжело поднялся со стула и буквально поковылял к выходу.

– Знаешь, Мицелий, а ты заслужил отдых. Ступай, отдохни пару недель.

– Я вам больше не нужен, – жалобно, почти рыдающе спросил старый слуга.

Канцлер несколько секунд держал молчание, после чего практически шепча, сказал:

– Мой друг, я не хочу, чтобы ты был в Имперском Дворце или в парламенте... я хочу тебя ещё долгие годы видеть...

Слуга вышел за пределы комнаты и стал направляться к запасному выходу. Он знал, что о нём позаботились и только что уберегли его от вихря политики, что готов перетереть в пыль любого слабого или кому-то дорого человека. У слуги есть семья, есть сын и дочь, есть внуки. И Канцлер обеспечил ему то, что последние свои годы старик проведёт с ними.

Целое мгновение стояла тишина, а правитель великой Империей недвижимо сидел, уставившись в одну точку. Но вдруг его рука со скрипом от пальто опустилась в карман. Канцлер тихо вынул кулон на цепочке и обратил в него печальный взгляд от одного вида, которого, становилось тоскливо. Он несколько мгновений смотрел в него, на прекрасное женское лицо, потом мгновенно и с толикой ярости закрыл его и положил его во внутренний карман пальто.

– Калья.

Сущим шёпотом проговорив это, Канцлер, осмотрел ком-

нату и вышел из неё, пойдя на заседание. Правитель пошёл уверенным, но не размашистым шагом. Его пальто легко покачивалось на ходу, чуть касаясь, пола, рассматривая холодные серые залы взглядом, в котором читается жуткая ненависть и холодный расчёт.

Когда он вышел в зал, то все сразу затихли, и от предыдущего накала не осталось и следа – каждый член Капитула затих, будто бы задержал дыхание. К нему тут же подбежал молодой слуга и прошептал на ухо некоторые слова, вводящие в курс дела.

– Господин Канц... – хотел что-то Лорд-Магистрариус.

Канцлер с кожаным скрипом от пальто приподнял руку на уровень своей головы, согнув в локте, и призвал главу правительства:

– Тише... – после чего обратил уничижительный взгляд на военного. – Маршал, вы получите все необходимые ресурсы для подавления восстания.

– Спасибо, Господин Канцлер.

– Верховный Отец, – воззвал к себе Канцлер священнослужителя.

– Да, ваше пресвятейшество, – благословенно произнёс глава Империи Экклесиас.

– Не стоит пока объявлять крестовый поход. Эта война началась на гражданских основах, а не религиозных. Предоставим дело войны солдатам нашей армии.

– Да, пусть так и будет, – покорно сказал Верховный Отец.

После всего сказанного Канцлер прошагал к трибуне и забрался на неё. В его глазах не было неуверенности или сомнения, лишь холодная и железная решимость.

Он немного потёр подбородок, поднял голову и приступил к выступлению. Колонки так настроены, чтобы не показывать волнений «отца государства», ибо его рисуют только как сильного и непоколебимого лидера. По всей зале из звукоусилителей полился насыщенный голос, не передавая той дрожи, что была в нём:

– Господа и дамы, буду краток. Я решил изменить наше государственное устройство – отныне мною будет учреждена ещё одна личная гвардия! Я усиливаю контроль над всеми Департаментами высшей Власти, теперь все ваши отчёты будут приходить ко мне и зачитываться передо мною лично, за каждым отделом будет установлен мой прямой контроль! – после чего голос Канцлера вздрогнул, так как он собирался читать не номинальное изменение, а то, что в корне изменит жизнь отечества, руки задрожали, колени чуть не подкосились, и всё же твёрдым уверенным голосом продолжил: – И... я распускаю Высший Капитул, теперь в Буле заседают три палаты. – Всё! – мгновенно и скоротечно произнёс вновь пришедший к власти Канцлер.

После этих слов в зале повисла полная и непроницаемая тишина. Многие сидели и переглядывались, не зная, что, можно сказать. В глазах людей мелькает сомнение и нерешительность. Люди с опаской смотрели на охрану, которая

стояла подобно статуям в зале и до этого момента оставалась не замеченной.

– Если возражений нет, то предлагаю закончить, – с явной радостью и облегчением в глазах изрек Канцлер.

Зал пребывает в шоке, но что они могут? Обескураженные люди, прежде чем собираться по правилам должны были радостно и ликующе зааплодировать сказанному из уст правителя, ибо, как сказано в Фолианте Гражданина «слова государевы являют мудрость и свет истины, которым все должны радоваться». Никто не хотел противоречить могущественному правителю Рейха. Все молча стали покидать зал, приняв его слово как закон, которому нельзя противоречить. Вдруг шорох в зале был разорван голосом Канцлера:

– Ах, и парламентёр Исайя, требую пройти в мою комнату.

После этих слов ползала удивлённо взглянули на него. Он не мог не подчиниться, ибо это было бы великим оскорблением, с невероятной огромной ценой расплаты. Исайя тяжело выдохнул, отпустил помощника, едва видимо перекрестился, сглотнул и пошёл в комнатку Канцлера. По пути его ноги с каждым шагом всё тяжелели и становились более ватными, а сердце наполнялось страхом.

Когда он зашёл, то он увидел своего худую фигуру правителя, занявшего у окна, с закрытыми алыми занавесками.

– Говорят, ты один из тех, кто защищает полк-орден? – холодно спросил Канцлер.

После этого вопроса в душе у Исайи нечто сжалось, он

ощутил извечный страх, но всё-таки нашёл в себе силы ответить:

– Да, а что, господин? – последовал ответ дрожащим голосом.

– Почему вы его защищаете? – въедливо спросил Канцлер.

– По...

– А можешь не отвечать, – резко и неожиданно оборвал его владыка Рейха.

– А почему вы его недолюбливаете, господин? Чем вам не угодил полк... орден? – Почти с требовательностью, прерываемой явной дрожью и нотами страха, спрашивает парламентёр.

– Почему? Об этом я не смогу тебе поведать. Но я тебе расскажу одну историю. Совсем другую, чтобы ты понял то, о чём я говорил сегодня.

И Канцлер рассказал, как всё было на самом деле в течение долгого года, как кучка олигархов узурпировала власть, как его честь была попрана. Как он больше трёхсот шестидесяти пяти дней пресмыкался перед похотливыми душами, чьё правление было нацелено на максимальное получение удовольствия. И чем дальше рассказ был, тем больше ужаса было на лице парламентёра. С каждым словом в глазах парламентёра читался всё более сильный ужас. После того как Канцлер окончил рассказ, Исайя ещё долго собирался с силами, но всё же, через глубокое ошеломление, сумел задать

вопрос:

– Почему вы нам не сказали?!

Канцлер лишь ухмыльнулся и ответил:

– Тогда было не время.

Парламентёр ещё около минуты стоял в полном ошеломлении, но он сумел задать ещё один вопрос:

– А причём здесь полк-орден?

– Ох, мой милый, – Коварно начал правитель. – Я тебе уже говорил, что это другая история, и боюсь, ты уже её не услышишь.

На лице парламентёра вспыхнуло непонимание и растерянность. Так же он уловил нотки зарождающегося безумия в голосе Канцлера.

– Почему? – уже с заметным страхом спросил парламентёр.

– Иди ко мне, – Лихорадочно подозвал к себе Канцлер парламентёра. И Исайя неуверенно пошёл к Канцлеру.

Канцлер на него посмотрел, мягко положил ему руку на плечо и, предвкушая реакцию Исайи, резким движением руки сдёрнул занавески. На лице парламентёра мгновенно застыли трепет и страх. Он медленно, скованными от страха шагами, и со слезами на глазах и издаваемыми рыданиями попятился назад. На большой асфальтовой площадке связаны и поставлены на колени несколько десятков человек. Среди них ходили автоматчики в форме и ожидают приказа. Канцлер собрал на площади всех тех, кто защищал полк-

орден, подозревался в предательстве и ереси, или мог составить Канцлеру политическую оппозицию в парламенте.

– За что?! – отчаянно и уже заплетаясь, спросил Исайя. По его лицу потекли градом слезы. Его ослабевшее от страха тело рухнуло на диван, который стоял у Канцлера в комнате.

Канцлер кровожадно улыбнулся и по-отечески развёл руками, крикнув: «За всё!». И тут же мгновенным движением вынул пистолет, который покоился в кобуре и сделал оглушающий выстрел. После звонкого хлопка Исайя завизжал и, схватившись за живот, рухнул на пол, который был уже запятнан кровью.

Канцлер подошёл к окну и открыл его настежь.

– Выполняйте приказ! – во всё горло крикнул Канцлер, и тут же слышались автоматные очереди вперемешку с криками и стонами умирающих людей.

Старая, раритетная рация, лежащая в кармане Канцлера, внезапно зашипела, и слышался характерный статический шум.

– Мы приготовились к штурму «логова». Ваши приказы.

Канцлер выхватил рацию, уже не скрывая безумия, радостно закричал:

– Выполняйте!!! – и незамедлительно спрятал её вновь в кармане, подойдя к умирающему парламентёру. – Что ж, вот и сладострастные паразиты скоро канут во тьму, как и всякая политическая нечисть. И только тогда будет установлен великий порядок, безумие только продолжает нарастать в ис-

калеченном рассудке Императора, дойдя до большого милосердия. – Я смотрю ты хочешь жить... Увы, я может и позволю сюда гвардейцев, чтобы тебя вытащили, но вот у меня нет желания на это.

От дула исходит лёгкий дымок, наполняющий комнатку ароматами пороха. Канцлер убрал дымящийся пистолет в кобуру. В глазах правителя пляшет бездонная пустота, как у человека, который только что вышел из алкогольного ступора. Он пустыми глазами осматривал помещение. Правитель увидел сжатое тело, которое лежит на полу, катается и постанывает, что-то молит. Он увидел, как подошвы его сапог были запятнаны в крови. Канцлер как пьяный решил подойти к окну и проветрить свою голову, чтобы прийти в себя.

Вся площадка усеяна трупами и залита кровью. На лице Императора не расцвело ужасающей улыбки, как можно было подумать. А само жестокое устранение оппозиции не дало владыке Рейха никакого удовлетворения.

Потом он механическим движением, с всё ещё потухшим взглядом достал рацию из кармана и активировал её.

– Верховный Мортиарий, – сокрушённо начал повелитель Рейха и посматривая на окровавленный силуэт. – Придите в храмовую комнату. Днём... и вызови ко мне врачей.

Канцлер, выйдя из безумного ступора, почувствовал некое отвращение к тем идеалам, что сам воплощал и тому, что только что сотворил. Но тут же мгновенно отвергнул эти мысли. Ему его предшественник, первый Канцлер завещал

содержать Империю в великом порядке и справедливости. И он исполнит этот долг любой ценой. Железом, огнём и кровью.

Тем временем в предместьях Рима.

Загородная вилла, построенная в древнеримском стиле, в каких некогда жили патриции древнейшей империи золотого орла, изобличает собой оплот роскоши и наплевательского отношения к народу Рейха, вобрав в себя самых прогнивших людей в Империи. Красный фасад, белые колонны, и небольшой бассейн во дворе. Постройку ограждала невысокая кирпичная стена, покрытая малиновой известью.

Тридцать солдат бесшумно, подобно теням, пронеслись через двор, оставляя лишь след из мёртвых охранников, убитых из оружия с глушителем. И сидевшие в вилле достойные господа не знали, что дни их правления сочтены.

Зал большой и роскошно украшенный: фрески, картины, пол из мрамора, резная мебель, а за большим круглым столом сидело девятнадцать человек в богатых изукрашенных костюмах. В гостинице на втором этаже всюду разгоралось шумное веселье. На круглом столе есть выпивка, богатые блюда и самая роскошная сервировка. А в самом зале звучат шутки, смех и стояла атмосфера праздника.

– Э-э-э, а где Ротмайр, где наш наглый друг? – с широчайшей улыбкой на пухлых губах спросил один из Высших Лордов.

– Он сказал, что пойдёт решать некоторые дела, – последовал ответ.

– Ах–хах! Вечно у него какие – то дела. Он, что не поймёт, что мы можем жить как короли, та марионетка за нас всё сделает, – пренебрежительно о Канцлере высказался Лорд.

– Это да.

– Ах–хах! Помнишь ту историю, что случилась почти год назад, как там эту девушку звали – то, Палья, Малья...

– Калья.

– О, правильно. Можешь рассказать ещё раз ту историю, а то меня в тот славный день не было с вами, брат.

Один из Лордов показательно искажил голос, сложил рук на груди и приготовился рассказывать. Остальные замолчали. Кто–то курил сигару, кто–то пил виски, но все перестали переговариваться и готовы были внимать рассказчику.

– Я всегда буду рад рассказывать эту историю, – ехидно начал Лорд. – Это было около года назад, тогда одно ничтожество не захотело проводить в жизнь политику нашего великого Высшего Капитула. Ну, подумаешь, мы хотели увеличить довольствие на содержание четвёртой палаты и уменьшить расходы на обслуживающий уличный персонал. Ничего, они бы с голоду не сдохли бы.

– Ах-аха! – взревел какой-то Лорд, захлебнувшись в гомерическом хохоте. – Не подошли бы! Ах-ах-ха! Точно!

– Так вот, он решил нам устроить лекцию о благах народа. Мы его покорно выслушали и пригласили в театр. Толь-

ко в этот день он работал только для нас, там показывали спектакль – сушная комедия, а для него неистовая трагедия. Ах, забыл упомянуть про Калью. Нам весь этот план предложил наш герой – Ротмайр. Благодаря Теневикам полк-ордена, который наш герой убедил нам помочь, мы смогли выяснить, что именно она и есть возлюбленная той жалкой ма-рионетки. Так вот, мы пришли в театр и заняли места поближе, что б всё разглядеть как следует, а то на задних рядах порою ничего не видно. И вот наступила кульминация: та девка на троне из золота с подключённым к нему электрогенератором.

– Да-да! Помню, помню!

– Ох, как только он увидел эту картину, как верещал то сопливое ничтожество, как же визжал, будто свинья на ско-тобойне... бился у нас в ногах, плакался, катался по полу, как несчастное дитя, которому не купили игрушку. Он молил, просил, целовал нам ноги, вёл себя как ничтожный червь

– Боже, мы тогда просто не смогли удержаться, наш хохот, наверное, был слышен на улице, – вспомнил кто-то часть происходящего.

– И тогда он пообещал, нет – он вопил, что всё сделает для нас. Мы в своём милосердии и великодушии, конечно, поверили, но все, же решили преподать ему урок. Ток из генератора был дан. Как она извивалась, трепыхалась, как рыбка, которая попалась на крючок. И он к ней ринулся.

– Только мы его остановили, один хороший удар, и он валялся без сознания. А когда очухался парнишка, то было всё кончено, – заключил некто из Лордов.

– Да-а-а, воздух тогда заполнил запах жжёной плоти, а на троне остались только угли. Он медленно поднялся и увидел, что случилось с ней. Мы ему сказали, что это за неповиновение, но он нас не услышал, он просто ушёл в себя. Нам пришлось его вразумлять ещё неделю...

– А-а-а, это когда якобы Канцлер на неделю ушёл в отпуск?! – с нескрываемым весельем спросил один из Лордов.

– Да, но как мы все знаем, он ту неделю провёл в психушке, оклеиваясь.

Зал заполнил громогласный смех. Все те, кто сидели просто давились им захлёб. Но это ликование было не столь долгим, как хотелось веселящимся Лордам. Дверь взрывом разнесло в щепки, накрывая присутствующих каменной крошкой и щепками. Через пару мгновений в залу ворвалась группа спецназовцев. Они быстро скрутили ошеломлённых олигархов, которые не смогли даже слова сказать, не то что бы сопротивляться.

Один из бойцов вышел вперёд. Высокого роста и крепкого телосложения. Сняв свою каску, припустив маску, он стал говорить:

– Именем и справедливостью Рейха и Канцлера, вы проговариваетесь к смертной казни, через...

– А в чём мы обвиняемся? – испуганно, но держа себя в

руках, спросил один из Лордов.

– А это на усмотрение Канцлера, – последовал ответ. – Посмотри мне в глаза, ты же помнишь меня? – Требовательно спросил воин.

Лорды испуганно и суматошно переглянулись, пытаясь вспомнить, хоть что ни будь. Но потом один из Лордов испуганно и с расширившимися зрачками и костенеющим языком от страха вымолвил:

– Я вспомнил тебя. Ты возглавлял отряд «Зета» у первого Канцлера... его личную охрану.... Мы же тебя отстранили от должности....

– Отстранили?! – злобно воскликнул боец. – Наш славный и великий Канцлер восстановил меня на посту. – Сказал воин и тут же притих, но после полуминутной паузы он сел на корточки с ними рядом и более спокойно продолжил. – Вы должны помнить, что сделали с моей семьёй. Вы не просто отстранили меня от службы. Вы казнили всех, кого я любил, а потом закрыли меня в старой лечебнице, простите, для психов.

– И что снами будет? – уже отчаянно, захлёбываясь слезами, пролепетал один из пленников.

На лице говорившего с Лордами бойца расцвела зловещая улыбка, после чего он довольно промолвил:

– Ох, Канцлер сказал, чтобы правосудие было скоротечным. Но его здесь нет, а вы в моих руках. Я вам обещаю, нет, клянусь, что для вас это будет долгая ночь. Вас похоронят в

закрытых гробах, если окажут подобную честь, не выкинув вас в печи мунуфакториатия. – Грубо и жестоко закончил спецназовец, после чего крикнул своим бойцам:

– Начинаем!

Спецназовцы потащили Лордов через весь дом. Они визжали и брыкались, стонали и плакались, пытаясь избежать ужасающей участи и отчаянно хватаясь за собственную жалкую жизнь. В эту ночь леденящие и душераздирающие крики умирающих Лордов заполнили предместья вечного города. Власть Канцлера сегодня была восстановлена, а священные постулаты первого канцлера сегодня поднять из руин.

Глава седьмая. Друг обескровленного семейства

Спустя час. Рим.

За окном ступают прекрасные и тихие сумерки, покой которых может опрокинуть лишь только крик нарушителей правопорядка, пойманных комиссарами или полицией, которые тем не менее стараются подальше держаться от аванпостов полк-ордена, так как попасть на территорию юрисдикцию их деятельности, значит посягнуть на проводников воли Канцлера.

В эту ночь Командор оставался работать в кабинете. Он спокойно перебирает бумаги и доклады, говорящие о состоянии аванпоста в его владении. Лицо хозяина кабинета выражает сосредоточение и спокойствие.

На улице спокойная погода, неприсущая периоду Итальянского Раздора. Ночная прохлада мягко проникает в кабинет через открытое окно, а дух умиротворённости создаёт необычайную атмосферу душевного покоя, но внезапно мир и безмятежное состояние прервал внезапный стук в дверь.

– Заходите! – громко пригласил Командор.

Тут же со скрипом открылась дверь, и в кабинет прошёл человек. На нём была накидка с капюшоном, чёрные одеяния и невысокие сапоги – всё «по стилю».

– Да, Теневик Антоний, тебе что ни будь нужно? – спокойным, практически мягким голосом проронил вопрос Командор.

– Да, очень важные доклады, – с явной нетерпимостью ответил Антоний. – Касаемо состояния Буле и расстановке властных сил.

– Ох, а это не может подождать?

– Нет, не может.

– Ну ладно, давай.

Антоний выложил из сумки два белоснежных листка, и положил их на стол, а потом, нисколько по уставу, сколько из-за уважения к владельцу помещения и по привычке вытянулся по стойке смирно.

Командор подобрал первый листок и стал бегло рассматривать доклад. На первом листе попался не доклад, а информативный лист, распространявшийся только среди командоров, об операции полк-ордена в Африке. Большим вниманием его мужчина не наградил, всего лишь сухо и быстро пролепетал «хорошо», откинув его в сторону, сразу же перейдя к настоящему докладу уже личного характера, созданного в единичном экземпляре. Он его рассматривал довольно долго и вкрадчиво, изучая каждую строчку или абзац.

– Очень хорошо. Вы вскрывали квартиру Давиана?

– Да, Командор.

– И что же там вы нашли?

– У него довольно много работ и книг по теме Маркса, Эн-

гельса, Чучхе. Есть немало книг, связанных с построением равного общества, с равным социальным положением, с...

– Короче, – Резко прервал Командор Теневика.

Антоний стоял, ещё молча пару мгновений, потом вдохнув воздуха, он вывалил:

– Он социалист, коммунист, реваншист, народный демократ и далее-далее-далее. То есть является тем, кем априори нельзя.

– Ага, понятно, – несколько встревожено сказал Командор. – Ладно, пока всё хорошо, не снимайте наблюдения с Габриеля.

– Вы же понимаете, что это против священных законов полк-ордена? – Не скрывая обвинительного тона, спросил Теневик. – Использовать наши ресурсы в своих личных интересах... строго воспрещается.

– Ну, надеюсь, никто не узнает о моём другом долге, пусть и идущем вразрез с догмами. Так ведь, Антоний? – будто извиняясь, твердит хозяин кабинета.

– Несомненно, Командор. Но разрешите задать вопрос?

– Да, Теневик, задавай свой вопрос.

– А почему мы следим за этим гражданским? Это даже не в нашей компетенции и не в интересах самого полк-ордена.

Командор опрокинулся на спинку своего кресла и тяжело выдохнул. Воспоминания, промелькнувшие в его сознании, были довольно тяжелы. Но он все, же решил их кратко высказать:

– Понимаешь, – тяжело и опечаленно начал мужчина с опустошённым взглядом нефритовых очей. – В своё время я был знаком с его родителями. Это всё произошло в самом конце эпохи Междоусарствия, Раздора и ещё как там его не помню. В то время, до того, как я ещё вступил в полк-орден, они меня спасли от голодной смерти, когда все мои знакомые и друзья умерли на улице, и дали приют. Когда же мне пришлось известие, что их арестовали за участие в митинге, как сейчас говорят «В идейно-подрывных работах против Рейха», я уже вступил в ряды полк-ордена. Немедленно со всех сил я помчался к ним. Они уже тогда знали, что Рейх оправдательных приговоров не выносит, ибо так завещал ещё первый Канцлер. И тогда они попросили меня всего лишь об одной просьбе – приглядывать за их сыном. Мне пришлось взять на себя эту миссию, ибо это есть единственное, чем я смогу оплатить личный долг.

– Понятно.

– Есть новости касаемые Канцлера? – пытаюсь сменить на более нейтральную тему спросил Командор.

– В этом и проблема.

– Что случилось?

– Это одна новость про изменения во власти. Канцлер выпустил Высший Капитул.

– Хм, это должно быть интересным. Но я уже знаю это, свои информаторы быстрее любого отчёта или Теневика, думаю, ваш скаут добудет чуть больше информации. Вы задерж-

жали нашего друга, о котором мы говорили?

Теневик взглянул на часы, которые были у него на руке и сказал:

– Операция начнётся через три минуты. И насчёт скаута – он говорит, что лояльного парламентаря увёл сам Император из залы, а позже он смог заметить повышенную активность среди Гвардии Капитолия. Однако я бы не стал полностью полагаться на его сведения... он юн, да малость туповат.

– Ладно, как только возьмёте Роттмайра, доложите мне и доставьте туда, куда я уже говорил.

– Да, Командор. Тут ещё одна новость: есть сведения, что Канцлер начинает охоту на полк-орден. В доказательствах только перехваченная передача и её половинчатая дешифровка... он передал её по защищённому каналу, который мы ещё не полностью взломали. Перевод высшее командование пока не даёт, но Великий Консул уже дал распоряжение перевести войска в режим сосредоточенности на внутреннем ударе.

– Невесело получается. А что руководство?

– Пока молчит.

Командор немного потупился, в его душе пробежал огонёк противоречий – долг службы или личная обязанность, ибо следуя за полк-орденом, он может упустить из виду объект охраны и провалить обещание.

– Дай подумать.

После этих слов хозяин кабинета встал из-за стола и по-

дошёл к окну. Он около двух минут вглядывался в пустоту. На его лице читалось огромное сосредоточение и задумчивость, но не долго – мужчина резко развернулся к Теневику.

– Ладно, вот приказ: иди к моему заместителю здесь и скажи, что б он занимал мой пост. Потом передай по нашей сети, что я перевожусь северо – миланский аванпост, в Менаггио. Там на посту Командора никого нет. Думаю, наше руководство обрадуется, что там появится такой умелый руководитель как я. – С наигранным самовосхвалением сказал Командор и добавил. – И держи меня в курсе всех событий.

– Но...

– Мне всё равно, просто передай приказ, – холодно кинул Командор, обрывая Теневика.

– Да, Командор.

После этого Антоний быстро вышел из кабинета, с недовольной ухмылкой, а Командор отошёл к столу и склонился к нему. Тут ему на глаза попался информативный лист, связанный с Африкой, говорящий о том, что там произошло, и какую работу совершили бойцы полк–ордена. Мужчина поднял этот лист и стал вчитываться в детали операции, представляя, как это могло быть.

Африка, северное побережье Египта, около часа назад.

Один из трущобных районов. Всюду стоят только здания, сделанные из мусора, который был повсюду, но все, же являлся дефицитом в этом месте. Только в середине трущоб-

ного мегаполиса возвышался старый, посыпавшийся и с богатой паутиной трещин, дворец, в котором сегодня и заседает орган управления всем континентом – Совет Синдикатов. Этот дворец не был подобен прекрасному великану, который возвышается посреди уродливых и гнилых трущоб. Скорее старому и полусгнившему дереву посреди трухлявых пней, который постепенно гниет и осыпается, вливаясь в местные трущобы.

Дворец построен в обычном восточном арабско-аравийском стиле из камня и всевозможного мусора. По своему убранству и декору он полностью уступал дворцам в Объединенной Аравии, но то развитее государство, а тут люди крыс едят. Хотя и Аравийский полуостров пережил войну, но из горнила войны он воскрес в новом величии, а здесь этот серый, убогий и рушащийся «дворец» стал самым настоящим произведением искусства, с башнями и небольшим прудом внутри, в котором была вода коричневого цвета от ржавчины и грязи в трубах.

Клановый Советник с опаской пробирается по трущобам к дворцу, временами с боязнью оглядываясь по сторонам. Советник опасался нападений, даже, несмотря на личную охрану. Он и его стража одеты в более приличную одежду, нежели большинство жителей трущоб.

Советник – обычный негр, выходец из юга, худощавого телосложения. Вокруг него шли четыре человека – его охрана. Они в буквальном смысле слова пробиваются сквозь кри-

вые улочки трущобного городка. Им на пути постоянно попадались нищие, голодные дети, проститутки, бомжи и прочие жители трущоб. Порой попрошайки и обездоленные кидались на советника, пытаясь получить от него хоть что-нибудь. Но быстрые штыковые ответы или очереди из стареньких АК-74 проредили ряды несчастных, и эскорт оставлял после себя лишь кровавый шлейф на гниющей земле.

Советник расхаживает уже довольно долго и его взору всегда представлялась одна картина: разбитые, покосившиеся трущобные домики, сделанные из мусора и кучи отходов, как и обычных, так и биологического происхождения возле которых роились тысячи мух, чьё бесконечное жужжание могло свести с ума. В воздухе витает стойкий запах разложения и гнили, человеческих экскрементов и вони от отходов. Запах нищеты и бедствия, уныния и вечного отчаяния просочился всюду. Если бы неподготовленный человек оказался бы в этих трущобах, то ему наверняка бы свернуло лёгкие и желудок от жуткого запаха.

Знатный мужчина завернул за угол и вышел напрямую к дворцу. Он увидел, что дворец окружён сетчатым ржавым забором, а само здание находилось на небольшом возвышении, и советник мог увидеть, что у дворца уже копошатся люди: множественные наёмники и клановые солдаты, охранявшие своих хозяев, вооружённая стража дворца проверяла убогие документы, многие нищие, которых позволяли подпустить, плача вымогали на коленях милостыню. С самого

дворца свисало несколько религиозных стягов. Так же у главного здания стоит множество старых, из давно минувших эпох, машин. Неокрашенных, ржавых и еле работающих автомобилей.

Советник уже более уверенным шагом подошёл охране дворец и быстро дошёл до первого поста охраны.

– Стоять! – махнув рукой, сказал бравый солдат, на котором самые обычные лохмотья – майка рваная, изодранные шорты и старые сандалии. Он был довольно невысокого роста с суровым лицом и единственное, что говорило, о том, что он – воин, это старый РПД через плечо.

– Ваши документы! – пренебрежительно потребовал воин.

– Хорошо, вот они.

Советник вытащил старые скомканные пожелтевшие бумаги и подал их воину. Тот некоторое время сверялся с ними, а потом всё же пропустил советника.

Советник вошёл во дворец. Но он даже не успел насладиться его скудными видами, советника тут, же окликнули.

– Вы опаздываете.

Советник быстро развернулся в поисках источника голоса.

– Простите, а вы кто?

– Я представитель западного синдиката, – сказал довольно высокий мужчина арабской внешности.

– Да, простите, трущобы, – извинительно ответил Совет-

ник.

– Понимаю, а теперь давайте пройдем в зал совета и займем свои места, а то заседание уже скоро начнется.

Два человека пошли на второй этаж. Они дошли до огромной залы, где в полукруге на обычных полуразвалившихся разных стульях сидят множество человек. Эти двое, с одобрения остальных, прошли и заняли отведенные им места.

– Мда, здесь собрались представители всех синдикатов. – Послышался слабый, едва слышимый голос, наверное, обращенный к определенному человеку.

Советник своего клана впал в размышления о синдикатах, на которые он работал всю свою жизнь. Синдикаты Африки. Эти образования чем-то сменили государства. Вначале это были объединения людей, которые хотели выжить и приумножить свои ресурсы и богатства посреди того ада, причём их методы были далеки от идеальных. Убийства, массовый террор, подкупы, подсаживание на наркотики и прочие жуткие методы получения власти стали их союзниками. Потом, преступные объединенные синдикаты, начали набирать могущество, сметая врагов и поглощая более слабые преступные банды. И через некоторое время над Африкой установилась власть пяти Гиперсиндикатов. У них не было названия, лишь обозначения сторон света. Западный синдикат на западе, восточный синдикат на востоке, южный синдикат на юге, северный синдикат на севере и центральный синдикат в центральной Африке и нет им противовеса на своих

территориях, кроме единственного.

Они не являются единственной властью в своей территории, ибо сильнее их всех таинственная религиозная организация, что безраздельно властвовала над всей Африкой, даже диктуя свою власть синдикатам. Предтечи синдикатов – это банды преступников, которых они пускают вперёд, как собак на охоте, а сами они это преступный террор и насилие. После себя эти кланы оставляли только разорение и шлейф из трупов.

Но что было на другой стороне? Эти синдикаты стали чем-то вроде гнилого света в крошечной тьме. Именно они дали работу десяткам тысяч людей и обеспечили кое-какую стабильность на своих территориях. Именно та самая церковь объединила людей, предотвратив многие религиозные войны, уносившие тысячи жизней. Они стали тем самым идеалом, для разодранной земли, последней надеждой. «Если не синдикаты, то никто» – как звучало в одной из африканской проповеди.

В зале полукругом стояли стулья, а ближе к центру на самодельных тронах сидели представители глав своих синдикатов со своей свитой, а посередине трон с пожилой женщиной.

Это женщина была главой Совета. Её мудрость, по рассказу с ней общавшихся людей, была безгранична. И сейчас она говорит речь, голос этой пожилой женщины был по-старчески слаб, но в тоже время он был переполнен глубиной и она

спешит изложить мудрость, как ей кажется:

– Братья и сёстры. Сегодня мы собрались на этот совет, что б решить, как жить дальше. Решить, каковы же будут наши дальнейшие действия. Богатый север – наша цель. Там народ живёт в достатке и благополучии, пока наши народы пухнут от голода и умирают от жажды. А по этому...

Её слова прервала внезапная очередь из автомата, раздавшаяся вне зала. Несколько охранников бегом встали у двери. Многие члены совета со страху подпрыгнули со своих мест. На их лицах появилась маска недоумения и ужаса.

Послышался звук гранаты, катившейся по полу.

Мгновенная вспышка всех ослепила, и оглушил пронзительный писк в ушах. Все тут же зажмурились и прикрыли уши. Когда все члены совета смогли прийти в себя, то они увидели убитых охранников и двадцать солдат в броне спецназа с нашивками полк–ордена, которые стояли посреди всех как таинственные и молчаливые призраки, окутанные саваном ужаса.

– Что вам нужно? – дрожащим голосом спросил один из советников.

Никто не ответил. Один из солдат активировал устройство у воротника и заговорил:

– Брат–Капитан, отделения «снегирь» и «воробей» заняли дворец, что делать с пленными?

Из бусинки на воротнике послышался статичный шум помех, и слова:

– Взять представителей синдикатов и доставить их в Рим, а остальных оставьте там. Они нам не нужны. И выбирайтесь оттуда как можно быстрее.

– Да, Брат-Капитан, – отчеканил боец, и активно жестикулируя, стал раздавать приказы.

Рим.

Командор медленно оторвался от информативного листа, из которого узнал про операцию, и принялся за сбор личных вещей. На его лице вновь пробежала печаль, так как каждый подобный лист заставляет его впадать в некое подобие меланхолии, ощущение беспомощности перед возможностью впасть в подобное состояние общества. Мысль о том, что надо действовать против людей, которые голодают, умирают и захлёбываются от болезней и нищеты, была поистине чёрной и жестокой, отягощающей душу.

Он достал из угла небольшую сумку, необходимую для сбора вещей, необходимых для командоров. Мужчина аккуратно стал складывать документы, одежду, личные и вещи и просто некоторые мелочи, как вдруг засветился старый электронный планшет, мирно лежавший на столе, возвещающий о том, что он кому-то нужен. Хозяин кабинета неохотно обратил на него внимание. Он медленным шагом направился к мигающему устройству, небрежно его взял и просмотрел пришедшее сообщение, вызвавшее отягощённую ухмылку и, отбросив сборы, подойдя к дивану, на котором брошена чёр-

ная кожаная куртка, накинув её, покинул аванпост как можно быстрее, стараясь не попадаться на глаза кому-либо из полк-ордена.

Тишина ласковой дланью накрыла Вечный Город, создавая в нём свою, мистическую атмосферу величественного покоя. Как только Командор покинул пределы аванпоста, оказавшись посреди бала из бетонных коробчатых зданий и стареньких эпохальных домиков, его накрыла ночная, особенная прохлада, которая только усиливает ощущения от странного шарма сумерек. Город почти целиком спит, так как это обязанность простых граждан, описанных в законах, и призывающая к отдыху в ночное время, а если какой человек, независимо от возраста появится на улицах города в сонную пору, не обременённый службой отечеству, то его задерживали и принуждали к штрафу, за «нарушение ночного порядка, оберегающего от мерзопакостных посягательств на жизнь и честь».

И ступая по улицам города, сжимаемые джунглями из бетона, Командор старается быть максимально осторожным. Несмотря на принадлежность к полк-ордену, защищающей от действий таких законов, он не особо хочет ввязываться в разборки с служивым людом, которого на дорогах Рима тьма.

Всюду в городе висят плакаты и стяги, посвященные Рейху, так и быющие своим однообразным разнообразием в глаза. Все они такие разные – алые, чёрные, серые, зелёные,

с разными надписями, но смысл всего сводится к единственному – гражданин до смерти обязан служить Империи.

Мужчина ощущает, как в воздухе витают приятные, но стойкие запахи благовоний, напоминающие о таком акте Круга Кардиналов – «Санкта Кардиналь» «О становлении храмовой атмосферы за пределами храмов, что принесёт в уличный быт чувство морального долга и праведности».

С некоторых колонок тихо, стараясь не нарушать сна граждан, пелись молитвы церкви и Культа Государства, что кажется весьма милым и успокоительным. Командор мельком заметил пару служителей министерства Ночного Покоя, которые следит за тем, что в тёмное время суток было не слишком громко и спокойно. Их главной целью является, чтобы граждане не нарушали своего сна и безмятежно отдыхали перед тяжёлым трудовым днём.

Командор прошёл несколько улиц, которые вывели его к небольшой, даже миниатюрной, часовенке, в окнах которой плавно горит свечной свет. Строение довольно простого оформления – квадратной формы с белоснежными стенами, на которых мозаика с изображением ангелов. В небо устремлялся всего один острый, готический купол.

Командор покорно совершил крестное знамение и вошёл в часовню с чувством благоговения. Он аккуратно отворил скрипучие деревянные двери и прошёл за пределы стен. Внутри спокойно, горят маленькие свечки, от которых мягкий свет слабо заливает помещение, позволяя теням пля-

сать на иконах святых, которые сурово, но милосердно взирают на Командора. В часовне приятно пахнет ладаном, но это были не те резкие и приторные благовония, что разжигали на праздниках сторонники Культа Государства. Командор с омерзением вспомнил, что по специальному указу министерства Радости и Ликования Культ Государства и Имперор Магистратос были обязаны на праздник разжигать благовония, подмешивая в них специальные травы, чтобы народ сильнее веселился и радовался празднику. Империял Экклезиас же такой участи избежала, надавив на то, что при общении с Богом нужен чистый разум и не отравленная воля, с чем согласились остальные.

Насладившись запахом в часовне, Командор стал молиться у икон. Он тихо прищёпывал слова молитв, как через несколько мгновений за его спиной появилась довольно рослая фигура, в чёрном монашеском балахоне.

– Ми ждали тебя, – тяжёлым голосом, как бас пропитого капитана, человек с французским акцентом обратил внимание молящегося.

– Я знаю, спускаемся?

– Да.

Два человека подошли к углу часовни и, громко кряхтя, оттащили небольшую гранитовую плиту и едва только она откинута в сторону, по носу сразу ударил запах погребной сырости, а перед мужчинами открылся проход вниз.

Первый полез Командор, он по лестнице спустился в

небольшой тоннель, отделанный камнем в мрачном стиле средневековых подземелий. Вторым тут же спустился человек в балахоне, тяжело подтянув за собой плиту, дабы не привлечь ненужных гостей. Электричество сюда не проводится, отчего тоннель освещён многими факелами, которые расставлены на стенах. Но всё равно свет в тоннеле довольно тускл, и по ходу пути Командор то и дело щурит глаза от нагнетающей световой обстановки.

Они прошли по прямому пути, никуда не сходя, потом разом свернули вправо – единственный поворот и попали в небольшое прямоугольное помещение, оказавшееся довольно простым. Стены, выложенные из потрескавшегося красного кирпича, невысокий потолок, большой прямоугольный камень, похожий на огромный строительный блок по поясу рослого человека и несколько факелов на стенах, отчего здесь свет был намного ярче и глаза так сильно не напрягались.

У камня возвышаются два человека: один, пожилой, в кремовом балахоне от которого веяло благовониями и второй, высокий мужчина средних лет, в плотно прилегающих к телу чёрных одеждах, стилизованных под костюм отдающей периодом Нового Времени.

– Послушник, Дюпон, можете вернуться к службе в часовне, – строго выпроводил человек в Кремовом балахоне лишнего.

– Да, ваше святейшество, – последовал ответ, произнесён-

ным вдохновлённым голосом, после чего послушник развернулся и пошёл прочь из помещения.

– Ваше Святейшество, – сказал Командор, преклонил колено и поцеловал ладонь старика, после чего встал и задал вопрос. – Ох, сам глава Империял Экклезиас, к чему такое почтение? Зачем я, недостойный раб Божий, вам понадобился в столь поздний час?

Рядом два человека стоявших у камня, мимолётно переглянулись. Старик кивнул второму и тот перешёл к изложению мыслей, медленной, размеренной речью:

– Ох, сын мой, я здесь для важного дела. У нас есть одна проблема, которую может решить твой полк-орден.

Командор некоторое время стоял, молча, думая какие слова подобрать, дабы не обидеть таких высокопоставленных персон.

– Верховный Инквизитор, Верховный Отец, простите, но у полк-ордена сейчас много забот... и через некоторое время, я уверен, их станет ещё больше. – Неуверенно, но стойко ответил Командор. – Почему бы вам не подать официальное прошение?

– Во-первых, – по-старчески неторопливо начал Отец. – Любое прошение отслеживается министерством Отслеживания Переговоров между Департаментами Власти, а мы хотим, чтобы наша операция была скрыта от ока Рейха. Во-вторых, нам и не понадобится помощь всего полк-ордена, скорее только твоя и связана она с решением твоей пробле-

мы... отчасти, если ты, конечно, захочешь помочь нам в миссии богоугодной, – прервался Верховный Отец, но подняв руку на собеседника и указав на стоящий перед ними валун, сказал. – Поверь, Командор, я могу многое. Карамазов, объясни ему.

Верховный Инквизитор слегка кивнул. Он приблизился к камню и выложил из сумки несколько листов, фотографии и карту.

– У нас появилась проблема, которую нельзя решить обычными методами. В Территории Великая Пустошь возникла группа сектантов, которую надо немедленно ликвидировать.

– А почему туда нельзя направить отряды Трибунала или армии? – удивился Командор.

Верховный Инквизитор слегка усмехнулся и ответил:

– Потому что нам надо поддерживать миф в то, что вера, насколько в Бога, сколько в Канцлера – непоколебима, а поэтому нельзя прибегать к методам, которые могут вызвать излишнее внимание или привлечь ненужных свидетелей... от которых потом избавляться. Нам нельзя пошатнуть веру в рядах служащих.

– И насколько распространилась эта ересь? – спросил Командор.

– Эта секта в пределах одного суперзавода... мунофактория, если говорить технически.

– А, что они исповедуют? – вьелся Командор.

– Они пытаются распространять учение, о каком–то многобожии, – поморщился Карамазов. – Я не особо знаю всю тематику их учения, нам хватает этого, чтобы обвинить их в ереси и сжечь тех еретиков.

Командор стоял с некоторым недоумением, и вот он задал главный вопрос:

– А почему вы считаете, что я вам помогу? Я не вижу пока, как связаны еретики с моей жизнью, чтобы я назвал эту проблему своей

Верховный Отец посмотрел на Командора своими серыми и усталыми глазами, зажав серую длинную бороду, тяжело и устало выдохнув.

– Командор, я ещё помню, как во время Корсиканского Крестового Похода ты взял на себя командование храмовниками, когда убили их капитана и капеллана, я помню, как ты повёл их в бой, я знаю, что ты будешь лучшим в предстоящем бою. Пойми, почти все наши войны и умелые командиры готовятся к Крестовому походу на Иберию, на её север. Ты нужен нам по тактическим соображениям.

В глазах Командора не пробежало и искры, он остался таким же железным и непреклонным, безразличным к сказанному Верховным Инквизитором.

– Простите, я просто не обязан вам помогать, пусть даже по молодости и спас парочку новобранцев, – сухо отчеканил мужчина и так же холодно добавил – Я живу почти полвека, как и вы, господин инквизитор, и не горю желанием сложить

голову на одном из полей не угасшей войны. Знаю, что должен выполнить сие священный долг, но работа на полк-орден избавляет меня от этого.

– Командор, вы позволите этой ереси расползтись, несмотря на то, что давали клятву служить Рейху?

– Верховный Инквизитор, – заофициальничал Командор. – Я тоже немного знаю о положении дел в Рейхе. Знаю, что силы храмовников растянуты по всем регионам, в целях усиления власти и присутствия Империял Экклесиас, а Инквизиция работает на пределе, пытаясь уничтожать еретиков, которые в последнее время повылезали из всех нор. Не так ли, господин Верховный Инквизитор? – уже снизошёл до дерзости парень.

– Командор, ты забываешься, – громко, но не без присущей всем инквизиторам угрозы, стал напирать инквизитор. – В какой из наших операций тебя поразила ересь сопротивления духовной власти Империи? Не будь с тобой мы знакомы, тебя казнили как еретика...

– Обожди, Карамазов, – по-старчески тяжело выдохнув, прервал будущий спор Отец. – Прости, ради Бога, нужно было мне начать не со всего этого. Бес попутал. Естественно, твоё право, нам не помочь, но я могу обеспечить амнистию двум заключённым, которых ты оттуда выведешь. Карамазов, давай.

Мужчина недоумевающим взглядом посмотрел на старика, который таинственно примолк и обратил взор на инкви-

зителя.

– У меня есть достоверная информация о том, что там работают, на этом мунуфакториати, двое заключённых: Сцилла и Марк – твои друзья и насколько я помню, не давшие тебе умереть с голоду во время Римского Престола.

Командор мгновенно поник взглядом, отразивший огонёк мрачной надежды, вгрызшейся острыми устремлений зубьями в душу. Мужчина знает, что готов пойти ради их спасения на всё, лишь бы оплатить моральный долг за кров и еду в то беспокойное время. И единственное, что остаётся Командору – ухватиться за небольшую веточку, соломинку спасения, потянув за которую он способен выручить тех славных людей, поплатившихся за право быть свободными.

Он подошёл к камню и склонился над листами, став их аккуратно рассматривать, тщательно исследуя каждую бумажку, каждый доклад. В его взгляде была неимоверная печаль, перемешанная с искрой надежды.

– Ну, сын мой, твой ответ, – требовательно воззвал иерарх церкви с блеском в глазах. – Поверь, по волей Божий, мне дана власть их отпустить. Я составлю «Свидетельство об искуплении» и им будет дана воля... об этом тебе говорю я – Верховный Отец, а не кто-то из моих помощников. Вот тебе моё слово, сын мой.

– Да, будь вы прокляты, я готов, что нужно делать? – сокрушённо спросил Командор, позволив себе страшное преступление, на которое никто внимания не обратил – про-

клясть слуг Империял Экклесиас значит навлечь на себя истязания и анафему, но сейчас не до этого Великому Отцу.

На лице Отца пробежала лёгкая улыбка, от удовольствия, вызванного тем, что он добился, однако поняв получше суть ситуации, убрал с лица самодовольную ухмылку. Постояв несколько мгновений в тишине и поглаживая бороду, Верховный Отец заговорил, излагая детали:

– Ты в автомобиле Верховного Инквизитора доберёшься до аэродрома, где тебя будет ждать двухместный реактивный сверхскоростной самолёт. Оттуда ты долетишь до Великой Пустоши. На месте тебя будет ждать Верховный Инквизитор со снаряжением, который доберётся другим самолётом, а отсюда вы доберётесь до объекта. Всё понял.

– Да, ваше святейшество.

Около пяти часов утра. Великая Пустошь.

Это великая пустошь – огромная территория, на которой почти не было городов. В центре Пустоши существует огромная радиоактивная пустыня, в которой жизни нет до сих пор. Но некогда это был цветущий край центральной Европы.

В период войн первого Канцлера, когда ковался Новый Рейх, на этой территории существовал большой союз, на месте Австрии, Венгрии, части Чехии и части Румынии – Конфедерация Свободных Народов, в суматохе и отчаянии собранная из нескольких мелких стран, сплотившихся перед

неминуемой гибели от имперского меча. Эти государства сумели объединиться, во время ада и кризиса, но момент истинного наступил, прежде всего, перед лицом угрозы наступления Канцлера. Их пугал новый каменный мир, который несёт с собой новый владыка, одержимый идеей объединить все земли, которые сумеет и возродить древнюю империю золотого орла. Армия Конфедерации была довольно натренирована, обучена, экипирована и сильна, и ни в чём не уступала войскам Рейха. Канцлер терпел большие потери, не продвигаясь порой даже на йоту, и в один момент перед ним стояла реальная угроза потерять армию и проиграть грандиозную войну, но он не мог себе этого позволить, ибо его армия непобедима, а перед силой нового Рейха должен склониться каждый или ум. И тогда правитель решился на отчаянный шаг: он применил атомное оружие. Несколько ядерных боеголовок сокрушили и дух сопротивления, и государство, и армию врага. Но и цена этому была велика. Вся территория превратилась в пустыню с редкой растительностью и разрушенными городами, а так же заражённой землёй, водой и воздухом. Через некоторое время стали рождаться мутанты, люди стали гибнуть от лейкемии или лучевой болезни. Единственным напоминанием о бурной жизни, кипевшей в этих землях, готовы были оказаться чёрные руины разрушенных городов, что становились ещё чернее в кислотных дождях, будто предупреждая любого о том, чем может закончиться спор с Рейхом.

И люди стали массово покидать эти земли. Край стал превращаться в безлюдный клочок земли и грозил вообще опустеть, но и тут Канцлер нашёл решение, которое было в духе Рейха и всей карательной системы – ссылка.

Великая пустошь стала огромной территорией для ссылки заключённых и осуждённых, но их не просто сюда высылали. По всей Территории было построено множество заводов невероятных размеров, колоссальных промышленных городков, или фабрик размером с половину квартал и высотой как десятиэтажный дом. Такие постройки называли – мунуфакториатий. На этих огромных заводах производили многие вещи в массовом количестве: от мелкого ширпотреба для граждан до больших каркасов, предназначенных этим самым заводам..

Главное, что было неестественно для Рейха: там многим заключённым даруют некоторую степень свободы, и поэтому складывалось впечатление, что на заводах работают люди, похожие на обычных работников, нежели на заключённых, на сон спускавшиеся в огромные подвалы монументальных фабрик. Провиант, инструмент и одежду этим людям привозили время от времени из других областей Империи. Единственным напоминанием о заключении являются охранники, в старой военной форме и автоматами из давно ушедших времён. Но тут и некая свобода окупалась по-своему. Здесь труд и экологическая обстановка полностью забирали здоровье человека, превращая его в иссохший и болезнен-

ный, но в тоже время до некоторой степени ещё живой труп. Каждый человек, попадавший в эту тюрьму, редко проживал тридцать лет. Средний срок жизни в мунуфакториатиях исчислялся десятком годов.

И даже несмотря на беспросветную и мрачную обстановку вкуче с огромной концентрацией ненависти к Рейху здесь продолжают вести проповеди Империял Экклесиас и Культ Государства. Везде и всюду каждый человек, несмотря на своё наказание и вечное проклятье со стороны Рейха, должен был свято чтить Канцлера, ибо как было сказано в Фолианте Гражданина: «Даже отвергнутый сын или дочь Рейха, поправшие ласковый свет Солнца, должны свято чтить его и любить как Бога Канцлера своего. Если же они отвергают и эту любовь, то пускай жизни лишатся». И каждый, будь то обычный заключённый или начальник мунуфакториатия должны безгрешно следовать постулатам и моральным догматам Рейха. И если человек отказывался их чтить, то его подвергали «Очищению Трудом». Осуждённому вкалывали специальные наркотики и стимуляторы и заставляли работать до такой степени, пока его мышцы не отделятся от костей. Таков был суровый закон Рейха, основанный на идеальном почитании морали и преклонении перед отечеством.

Однако, помимо огромных мунуфакториатиев на Великой Пустоши сохранялось ещё несколько малонаселённых городов, ставших символом стойкости Рейха и знака того, что государство отсюда никуда и не думает уходить и его все-

видящее око не оставит в темноте ни одну пядь земли. Но эти городки скорее смахивали на большие деревеньки разросшиеся сёла нежели города, построенные для персонала Имперор Магистратос и инфраструктуры. Но далеко не каждый жаждет попасть в это место. Для чиновника или служащего Рейха быть назначенным сюда, значит потерять жизнь впустую и без перспектив под постоянным серым небом и бесконечными кислотными дождями.

Служащие Департаментов Власти – частые гости тут, а вот полк-ордену редко удаётся побывать в таком славном месте, как Пустошь, но кто-то достаивается такой чести по настоянию высших чинов Рейха, и не всегда это было официально, однако даже Командор, летящий спасти друзей, не рад, что попал в радиоактивный ад. Пока он пролетал над Великой Пустошью, успел насладиться её бесконечными радиоактивными пейзажами и чёрным песком вдоволь, помянув в памяти царство чёрта. На месте его встретила тактическая группа во главе с Карамазовым, и они начали своё продвижение к огромному заводу–тюрьме. По пути разразился напористый кислотный дождь, превращавший почву под ногами в тугую жижу, но всё же через двадцать минут группа дошла до места назначения.

Этот мунуфакториатий располагался в абсолютной пустоши. Четыре километра в длину, один километр в ширину – объёмы и размеры постройки внушают трепет перед размахом архитекторов Империи. Гигантские чёрные трубы ухо-

дили высоко в небеса, выбрасывая в небеса тонны смольного смога. Железная, серая обшивка блестит на кислотном дожде, противопоставляя ему специальное покрытие, чтобы отравы с небес со временем не размывала стены завода.

К заводу ведёт всего одна дорога, идущая от городка. Завод располагался в котловане из насыпи из радиоактивного серого и безжизненного песка. Сетчатый забор полностью обступал завод по периметру, имея «Т – образную» форму. Перед гигантскими главными воротами завода устроился огромный двор, на котором и выгружались грузовые машины, привозя нужный провиант и инструменты, и в тоже время забиралась продукция, произведённая рабским трудом на заводе. Так же на этой площадке, в углу, практически у забора, располагалась и двухэтажная башня связи, блестящая под дождем, как и весь завод. Периметр усеивали множественные фонари, полностью освещавшие местность. Вся асфальтовая площадка перед заводом так же блестит от дождевой влаги, а сама обшивка звенит барабанной дробью под плотными ударами дождевых капель.

Однако тех, кто сюда пришёл карать, не интересуют пейзажи мрака и технологического превосходства Рейха над соседями. Командор лежит, спрятавшись за насыпью, буквально слившись с чёрным песком, благодарю вороному цвету доспеха. Некоторые движения даются несколько тяжело, ведь на нём было стандартное обмундирование полк–ордена: боевые сапоги до колен, усиленный боевой комбинезон,

укреплённый бронежилет, бронированные наручи и перчатки, шлем – маска с противогазом и модифицированный АК – 899, боевой пистолет, удлинённый боевой нож.

С ним присутствует ещё одиннадцать человек: три тактических звена храмовников Корпуса Веры, Верховный Инквизитор, который добрался на другом самолёте, и Теневик Антоний, которого Командор прихватил с собой.

Отделения были размещены по разным сторонам к заводу, для улучшенного наступления на двор.

– Теневик Антоний, доложите обстановку, – потребовал Командор.

– Да, Командор. Помимо основного входа в завод есть ещё три запасных. Открыть бесшумно их я не смог, замки электронные. Сейчас скину координаты входов вам на дисплей. Так же вокруг завода я не обнаружил охраны.

Сию секунду сквозь статические и шумовые помехи, производимые дождём, послышался ответ.

– Спасибо, Теневик. Можешь возвращаться к своему отделению.

Воин от полк-ордена сверил время на дисплее, посмотрел на координаты. Вдруг заработала рация и мужчина активировал её, нажав на бусинку у шеи.

– Командор, докладывает Верховный Инквизитор, отделение Теневики «Сумрак», моё отделение «Благочестие» готово к наступлению. Как ваше отделение?

– Инквизитор, докладываю: моё отделение «Молот» гото-

во к наступлению.

– Да, Командор. Что ж, пора совершить молитву нашему Канцлеру, – послышался в эфире голос старшего храмовника.

Под маской лицо Командора исказилось в некотором отращении, но он все, же спокойно спросил:

– Это нужно?

Ярый последователь Империял Экклесиас тут же импульсивно ответил:

– Это непременно необходимо!

После чего наступило мгновение молчания, но храмовник тут, же начал зачитывать молитву и все стали повторять за ним в унисон:

– Dei nos, сохрани и спаси наши души. О, Великий Канцлер, отец народов могучего Рейха и повелитель миллионов жизней, направь нашу руку в предстоящем бою. Великий Канцлер, император наш, сохрани жизни наши в бою предст...

Командор неожиданно прервал молитву Инквизитора.

– Тише, что-то случается у завода.

Боец Корпуса Веры с огромной долей ярости возмутился:

– Какое богохульство, как ты смеешь.

Командор резко и грубо ответил:

– Да, посмотри ты во двор!

У завода начиналась нечестивая месса. Огромные ворота завода распахнулись уподобившись пасти страшного зверя,

губящего сотни жизней, и из здания стали извергаться толпы людей, опьянённых низменно возвышенным ощущением сопричастности к чему-то великому. Вся процессия проходила под дождём, отчего одежды идущих постепенно становились мокрым тряпьем. Во главе неё расхаживает фигура в чёрном монашеском балахоне, размахивая перед собой неким подобием кадила. Следом плетётся начальник мунуфакториатия, держа в руках бурый штандарт, на котором размеренно колыхнется четыре вертикальных полосы. За ними пробираются люди толпою, одетые в обычную оранжевую униформу рабочих—заключённых, распевая при этом странные гимны и молитвы, так же рядом с ними шли охранники, ведя с собою пятерых пленных. Выйдя на площадку перед заводом, нечестивая толпа поставила впереди себя «жертвенных баранов» Несколько человек несут с собою переносные столбы — пять штук по одному на каждого пленника, которых вот-вот прикуют цепями к холодному металлу.

Командор стукнул по визорам, крепившимся на том месте, где выемки для глаз и на маске и изображение быстро увеличилось в четыре раза, позволив тщательно пробежать глазами по площадке, что вызвало активные комментарии в эфир:

— Вижу охрану, начальник завода,... похоже, теперь все пять тысяч рабочих на стороне культа... стоп...

Мужчина мгновенно заметил их лица. Глаза зацепили разбитые, иссушенные и обескровленные лики Сциллы и

Марка. Их лица бледны и изнеможены, а тела, которые еле прикрывают трепещущиеся на ветру рваные балахоны, украшены множественными ссадинами и синяками. И никто не увидел, как ярость охватила дух Командора, исказив его лицо в гримасе отвращения и неукротимой злобы, полившей за пределы маски брони.

– Отделение «Молот» приготовиться в атаку! – в порыве гнева яростно воззвал Командор.

– Стоять. Всем сидеть на месте! – строго, чуть ли не рыча, отдаёт контрприказ Карамазов.

– Ты что!?! Эти проклятые еретики их казнят их сейчас! – возмущённо орёт в рацию парень. – Нужно ударить сейчас!

– Командор, не следует идти слепо в бой. Наша защита и оружие, что дарованы Канцлером, безупречны, но не всемогущи. У них численный перевес и где гарантии, что при моём появлении они тут же не казнят пленников? – Спокойно сказал Инквизитор.

– Что ты предлагаешь? – голос Командора из яростного покрылся дрожью и хрустальным ропотом, что вызвало у инквизитора опасения насчёт успеха операции.

– Ты, я и твой Теневик тихо пройдем в завод, а старший храмовник Дециан с остальными отвлечёт и оттеснит еретиков к мунуфакториатию... главное, чтобы они не увидели инквизиторской печати...

– Почему?

– Все знают, что Корпус Веры убивает сразу и быстро, а

инквизиция за каждое преступление пытается... и увидев они меня, избавятся от пленников, как от свидетелей более глубокой ереси... так что осторожнее.

Командору нечего было противопоставить здравому плану Карамазова, лишь безумную и сумасшедшую атаку в лоб, которая будет, скорее всего, встречена ураганным огнём. Рация снова зашипела, и оттуда донеслись команды Верховного Инквизитора:

– Командор и Теневик, скрытно продвигайтесь точке «А», я отметил её у вас на дисплее. Старший храмовник Дециан, берите командование тремя звеньями храмовников и продвигайтесь к станции связи. Огонь только по моей команде.

– Так точно, господин Верховный Инквизитор, – послушался храмовник.

Теневик и Командор стали спокойно, но, не выдавая своего присутствия стали продвигаться к тому месту, на которое им указал Карамазов. У входа на территорию, на пропускном пункте никого нею, все были на нечестивой процессии, забыв оставить охрану запямятовав в наркотическом угаре о запасных проходах, а поэтому три наступавших бойца с лёгкостью проникли во двор мунуфакториатия.

Командор и Теневик пришли первыми к необходимому месту. Это оказался один из запасных выходов из завода, представленный массивной чугунной дверью с электронным замком. На самой двери был отчеканен герб Рейха, который был буквально исполосован и залит краской. «С какой же

жестокостью, яростью и фанатизмом надо было его пытаться его выводить?» – Подумал про себя Командор.

Буквально через минуту к ним подбежал Карамазов. С его блестящей и мерцающей от бликов немногочисленных работающих фонарей, брони плавно стекала вода, от чего он становился похож на высокого мистического воина, стоящего на фоне рассветного горизонта, укутанного в толстенный слой синюшно-свинцовых туч. Но это был не более чем эффект, рождённый в холодном свете фонарей, каплях кислотного дождя и особенностях восхода солнца во время бури. В отличие от двух своих спутников он предпочёл сражаться более традиционным способом, ссылаясь на архаичность и плохую оснащённость еретиков. В правой руке он несёт длинный полуторный меч с блестящим лезвием, а правой сжат полуавтоматический пистолет, стилизованный под оружие семнадцатого века.

Эта архаичность была присуща только Командору, и порой даже в разговорах Великий Отец называл сына полк-ордена и Карамазова братьями по духу. И действительно, они были во многом схожи. Оба так же мрачны, умны и яростно преданны своему делу. Только Великий Инквизитор всегда предпочитал оставаться спокойным и следовать рассудку, а Командор зачастую отдавался во власть эмоций, превращаясь в пламенную машину фанатизма.

– Ну, вы готовы? – хладно спросил Карамазов.

– Мы здесь не пройдем, – беспокойно начал Антоний. –

Нам нужны электронные ключи.

– Вы готовы? – снова уже требовательно спросил инквизитор.

– Да, – с нетерпением ответил Командор. – Скорее.

– Старший храмовник, – обратился инквизитор по рации. – Приступайте к захвату башни связи и оттесните этих еретиков обратно к мунуфакториатию. После того как захватите башню, передайте ближайшему расположению армии Рейха, что нам нужна поддержка.

Сквозь статику и треск помех слышалось:

– Так точно, господин.

Инквизитор выключил рацию и тут же мгновенно достал пластиковую карту, приложив её сразу к замку, и мгновенно отворил дверь. Где-то вдали слышался отчётливый звук беспорядочной пальбы и крики агонии. Видимо отступники были не готовы к встрече с натренированными храмовниками. Но прислушиваться к бою было некогда, каждая секунда была на счету. Командор тяжело отворил массивную и скрипучую дверь, позволив проникнуть всей команде внутрь.

То, что они увидели дальше, шокировало бывалого Теневика, храброго Командора, но не инквизитора. Пройдя по небольшому коридорчику, они вышли на пространство производственного этажа. Всюду оказались бесчисленные конвейеры, число которых не поддавалось исчислению. Во взгляд постоянно попадались рабочие места, явно брошенные в спешке. Там, где должны были висеть флаги Рейха,

на тех местах свисали уродливые и грязные полотнища ткани, на которых черным цветом, нарисованы четыре вертикальных полосы, а над ними круг. Всюду на стенах попадались надписи, накарябанные гвоздями или нарисованные краской. Надписи больше напоминали несуразицу из опусов сумасшедшего: «Четверо с тобой, они залог нашей свободы», «Око мудрейшего учителя, что дал нам свободу, следит за тобой», «Не согреси против догм, ибо осквернишь свободу» Всюду, куда не смотрел Командор, он видел лозунги, в которых была слово «свобода», похоже, люди настолько помешались на этом понятии, что были отдаться ему в рабство, а так же полностью отдаться в собственность тому, кто обещает дать «свободу».

Но не это самое страшное. Среди конвейеров и рабочих мест виднеются отрубленные изуродованные головы, насаженные на пики.

– Вот посмотрите! – завёл Карамазов. – Так поступают с теми, кто не принимает гнилых посулов «свободолюбцев». И эти люди ещё нас обвиняют в немилосердии.

Весь пол запятнан липкой кровью, которая, как затем сказал Карамазов, пролилась во время бесчисленных жертвоприношений. Но во имя кого или чего? Неужто люди пытались спародировать те далёкие жестокие обычаи дикарей, которые во имя своих богов лили кровь невинных и при этом считали себя свободными? А может это банальная месть людей, чьи рассудки объаты жарким пламенем бреда?

Однако помимо отсечённых частей тела повсюду в муну-факториатии попадались множественные свечи, которые были расставлены в хаотичном порядке, будто попирая порядок. Пламя на удивление плавно горело.

В самом заводе стоит не запах машинного масла или работающих конвейеров, как можно было подумать. Непроницаемой стеной в помещении ходит жуткий запах низкосортных и мерзких благовоний и если бы не респираторы на инквизиторе и Теневике, и шлем–маска на командоре, то все бы давно от этого приторного запаха впали в состояние наркотического транса.

Командор оглядывается по сторонам и глубоко потрясён тем, на что способны безумцы. Его внимание привлекали не тысячи станков, конвейеров, рабочих мест или техника. Всюду и в неимоверном количестве были символы «новой власти» – штандарты, свечи, фразы, благовония и отрубленные главы.

«Они стремились освободиться от гнёта Рейха, и в своём влечении к свободе стали маленьким подобием подражания и фанатизма. Их свобода и стремление к новому миру, превратилось в рабство к этой свободе и выродилось в фантасмагорию фанатичного и непреклонного почитания этой идеи. Они стали миниатюрным Рейхом, худшей его копией. Но они считают это идеальным. Разве жалкая фальшивка свободы является настоящей волей?» – Подумал про себя Командор.

– Нам необходимо забраться выше, – Вымолвил Теневик, прервав размышления своего командира.

– В этих мунуфакториатиях есть лифт, ведущий на наблюдательный пост, – не проявляя ни толики эмоций, отчеканил Карамазов.

Все замолчали и стоя переглядывались друг на друга.

– Нам нужен тот, кто будет следить за передвижениями сверху, – указал глава Инквизиции. И, смотря на Командора понимающим взглядом, добавил. – Теневик Антоний, займите место наверху и направляйте нас во имя Канцлера.

– Так точно, во имя Его, господин Верховный Инквизитор, – лихо и театрально отдал честь Теневик, смотря на рядом стоящего Командора, сгоравшего от жажды возмездия.

Карамазов остался на этаже один, разделив его со старым товарищем, и единственное, что он может сделать, так это осмотреться. Весь этаж представляет собой бесконечно длинный и запутанный лабиринт из конвейеров, хаотично расставленных, и видимо в спешке брошенных станков, которых было просто невообразимое количество. Стены супер-завода окрашены в серый металлик – цвет безысходности судеб тех, кто здесь оказался. Сам мунуфакториатий возвышался на несколько этажей, но только на первом этаже было расположено основное производство, остальные же – вспомогательные. На них могли жить охранники, священники, представители Культа Государства или просто храниться инструмент. Потолком представлена только крыша самого ги-

гантского завода, ибо центральное место остальных этажей было представлено пустотой, благодаря которой и просматривалась охранниками ситуация буквально на всех этажах. Посреди всего первого этажа стояло четыре колонны, которые явно не были изначально здесь. Сделанные из железа, и мистически поблёскивая под тусклым светом ламп, они высоко возвышались над всем этажом, подобно обелискам новой веры.

Верховный Инквизитор и Командор подошли к «новым памятникам» и инквизитор сию секунду присел и провёл рукой по полу у колонн.

– Бетонная крошка. Эти колонны поставлены недавно, – потерев пальцами, произнёс инквизитор. – Скорее всего, они хотели провести ритуал изначально тут.

– Что будем делать? – Командор посмотрел на товарища. Карамазов ничего не сказал, лишь посмотрел куда-то вдаль. Потом, потерев эфес своего меча, указал на большой лист фанеры, который валялся у станка, буквально в трёх метрах стоящего от столбов. Командор его понял без слов. Они быстро спрятались за этим листом и стали ждать начала процессии, только изредка в полусидящем положении временами выглядывали из-за укрытия, высматривая противника.

– Командор, – спокойно начал Карамазов, развеяв напряжённую тишину. – Зачем ты решился нам помочь? Ты ведь мог этого не делать. Разве всё так важно?

На что Командор сокрушённо ответил:

– Это более чем важно. Те люди мне некогда спасли жизнь, и теперь я перед ними в неоплатном долгу. И я всё сделаю, чтобы их отсюда выволить.

Верховный Инквизитор бесстрастно спросил:

– Но ты, же приглядываешь за их сыном? Это разве не оплата за то, что они для тебя сделали?

– Понимаешь, – печально начал Командор. – Они для меня сделали больше, чем просто спасли жизнь. Они за мной присматривали как почти что за родным человеком... как за братом. Не дали мне ни пасть духом, ни разумом в тот момент, когда я потерял надежду на спасение. И моя обязанность по надзору за их сыном всего лишь маленькая толика того чем я могу хоть как-то загладить долг.

– Воспитали как родного, – монотонно повторил Карамазов. – А семья у тебя у тебя есть?

Командор чуть не поник душой от этого вопроса, но всё же он собрался и спокойно ответил:

– Моя семья осталась на севере, откуда я и родом.

– А что произошло? – пытливо спросил инквизитор, хотя сам был свидетелем тех событий.

– Ты же сам знаешь, – без ненужного формализма начал Командор. – Что тогда происходило. Европа была похожа на лоскутное одеяло, которое необходимо было как-то собирать, и в трубы единства пропел не только Рейх. То государство, что сейчас величает себя «оплотом прав и свобод», – с

неким отвращением произнеся название, Командор продолжил. – Тоже стало возникать из разрозненных ломтей. Но если первый Канцлер собрал своё государство железной рукой, основываясь на древней морали, то их методы были куда омерзительней, ибо они стали вбирать себя всю тьму той ночи. Пускай они обошлись без крови и насилия, но их методы куда омерзительней. Они начали большинство людей превращать в пустую, безмозглую массу потребителей, утопающих в безмерной похоти и безумии. Когда это всё началось, то я с несколькими знакомыми решил бежать оттуда.

– Что с семьёй?

– А семья ты спросишь? Они сами призывали меня бежать оттуда. Когда я их в последний раз видел, то им вменили административное правонарушение за «Оскорбление чувств сексуально отличительных в обществе людей».

Карамазов всё так же бесстрастно смотрел на своего спутника. И Командору показалось, что его друг только наделён одной эмоцией – праведным гневом, который тщательно сокрыт. Но вот он задал ещё один вопрос, после которого стало казаться, что человеческие чувства ему всё же присущи.

– Послушай, – как-то по-человечески и с явными нотками дрожи в голосе начал всегда холодный инквизитор. – Я знаю, что там происходило. Мы с семьёй жили в старой русской диаспоре, и там попал в самое пекло нового Содома. И потом этого навиделся при «Пакте Триады». Но не об этом... скажи, ты бы хотел вернуться к семье или обзавестись своей?

– Что прости? – с недоумением в голосе и выражением глубочайшего удивления, которое скрывала шлем–маска, спросил Командор.

– Я читал твоё личное дело. Ты живешь как старый отшельник – немного знакомых, всего один друг и в полном одиночестве.

Командор был несколько удивлён человеческой дрожью в голосе Верховного Инквизитора, которого он давно знал. В этом железном мире этот человек занимал особое место, ибо своей ледяной волей он решал судьбы тысяч людей. Своей незыблемой и каменной волей он руководил десятками тысяч инквизиторов, которые ежемесячно выносили более десятка приговоров. Именно этот человек сжёг и казнил сотни тысяч еретиков и отступников мысли по всему Рейху.

– Полк-орден моя семья и иной у меня нет. – по-железному дал ответ Командор и вот приготовился твердить дальше, как вдруг внезапно прервав речь Командора, зашипела рация у Карамазова, так бестактно прервав важный момент.

– Докладывайте. – Потребовал инквизитор.

Через шум статики, помех и вой стрельбы полилась речь старшего храмовника:

– Господин Верховный Инквизитор, это старший храмовник Дециан. Мы заняли башню связи и вызвали подкрепление. Моторизированная рота армии Рейха прибудет через десять минут. Наступающие еретики безуспешно пытались выбить нас с занятых позиций.

Вдруг речь оборвалась, и где-то вдали в рации сквозь звон выстрелов послышался приказ:

– Брат Франциск, уничтожь скорее это звено с тяжёлым пулемётом.

Потом доклад снова продолжился:

– Простите, господин Верховный Инквизитор. Так вот, их атаки продолжаются, но большинство еретиков, включая и их предполагаемого предводителя, скрылись в глубинах мунофакториатия. Их осталось не более шести десятков. Они вооружены небольшими самодельными пистолетами и холодным оружием.

– Продолжайте держать оборону, – быстро произнёс Кармазов и выключил рацию.

Сердце Командора забилося бешеной птицей. Он передёрнул затвор на своём оружии и взял его наизготовку. Инквизитор аккуратно положил руку на автомат и припустил его.

– Это оружие не для сия пространства. Вот держи, – произнеся, сорвал он со своего пояса небольшой широкий клинок, больше похожий на старинный гладиус.

Командор спокойно его взял и прицепил к своему поясу, но автомат убирать не стал. В отличие от своего старого знакомого, ставшему ему чуть ли не побратимом, Командор в оружии предпочитал более современное оснащение. Кармазов обхватил рукоять своего клинка и со звонким лязгом вынул его из ножен и вознёс перед собой. Клинок мистиче-

ски переливался белым светом, который исходил от тусклых ламп. На клинке был выгравирован некоторый текст, который Командор не мог различить.

– В вашу сторону направляются отступники, – в активированную рацию тихо, практически шёпотом, произнёс Антоний.

Оба воина стояли замерев. Инквизитор сжимал меч и пистолет, а Командор держал оружие так, как будто сейчас его пустит в дело. Буквально через две минуты послышался говор еретиков, которые обсуждали, как будут приносить в жертву пленников. Их разум был наполнен дурманом благовоний, а голос как-то искажён:

– А-а-а-а, вы чувствуете, какой благодатью здесь пахнет! – Уже опьянённым наркотическими ароматами голосом твердил еретик.

– Пока нашего пастора нет, я думаю пора начинать. Прикупите их к столбам, а этого так принесём в жертву нашим великим богам, он будет стоять на коленях... подожди, здесь кто-то есть, – нервно сказал отступник и вынул небольшой ржавый нож.

– Пора! – Прошептал Командор.

– Рано!

– Давайте вон хоть эту в жертву принесём?! Ах-аха-аха! – Лихорадочно и безумно спросил один из отступников. – Заотрежем как свинью! Или надругаемся как над тварью!? Ах-аха-ах!

Командор не выдержал – жаркий огонь ярости вспыхнул в нём, развеяв повеления рассудка. Он вышел из укрытия, и даже цепкая рука инквизитора не смогла его остановить, цепкие пальцы которой не удержали плечо друга. Отступники опешили от внезапно появившегося бойца. Они были буквально в шоке, не ожидая здесь кого ни будь увидеть. Их глаза расширились от удивления, но ненадолго. Удивление мгновенно сменилось яростью.

– Казнить пленных! – взревел один из мятежников.

Пистолетные залпы оборвали жизнь трёх человек. Грязные, замученные и вымотавшиеся они попадали на холодный бетонный пол, как подкошенные колосья на жатве.

Командор увидел только, как Сцилла смогла спрятаться за каким-то из чугунных станков, уйдя из плена, от которого со звоном рикошетило несколько пуль. И только в этот момент мужчина осознал ошибку. От досады обиды и ненависти в нём вспыхнула чёрная ярость, затмившая здравый смысл окончательно.

Командор резко взвёл дуло автомата, но тут какой-то отступник за два метра ростом одним ударом молота выбил оружие из рук и резко оглушил рукоятью Командора, приложив обухом по челюсти, от которой раздался хруст, а ноги сами попятились назад, но медлить нельзя. Боец быстрым движением руки достал звенящий клинок, присел на одно колено и с силой описал широкую дугу перед собой. Впереди стоящий громила, ощутив, как холодная сталь пляшет по

внутренностям, выронил грузный молот, упавший с глухим бречением, и схватился за живот, став постанывать и скулить.

Жестокость взяла верх над разумом «спасителя невинных». Он стал бить наотмашь, словно мясник, что рубит мясо. Его бой больше напоминает не грациозный танец, который должен быть присущ мастеру боя, а жестокую ритуальную пляску. Под его ударами хрустели кости и рвались мышцы, как под топором палача. После каждого взмаха еретики дико вопили и неистово выли, обливая пол алой жидкостью, но, не умирая до тех пор, пока по ним не пройдёт финальный аккорд сумасшедшей пляски в виде обагрённого лезвия меча.

На секунду Командор отвлёкся посмотреть, как в бой вступил Карамазов. Его стиль подобен изящному и лихорадочному танцу – он пару раз выстрелит и пустится в холодный пляс, лезвие его клинка безумно сверкает белым светом и как будто поёт кровью. С необычайной грацией и точностью он разит отступников, не доступной для большинства фехтовальщиков. Каждый удар не рождал ничего более «очищения» осквернённой ересью души... ни рваных и грубых ран, ни воплей агонии. Инквизитор вертелся, крутился в ледяном танце, временами пуская в ход пистолет, и уже через несколько мгновений он окружил себя умершими отступниками, не ожидавшими такой скорой расправы. Но на них внимания он не обращал, ибо впереди было ещё более

пяти десятка еретиков, одурманенных своими благовониями и идеями.

Спустя некоторое время весь пол был усеян убитыми отступниками, приравнявшись к поверхности, на которой постелили толстый ковёр. Разум Командора ничего кроме мести не знает, но вот интеллект Карамазова был необычайно чист. Он постоянно думает про себя: «Как люди так бездумно могут идти на это смерть? Неужели их идея свободы им это позволяет. Не уж то ради этой идеи готовы бездумно жертвовать собой? Они так ненавидят Рейх, что готовы даже ценой смерти хоть как-то навредить ему или они так преданы своей идеи, что готовы умереть за неё? И тогда какая тут свобода?». Инквизитор не находил ответов. И тем более смотря на Командора, ум которого полностью поглощён чёрной ненавистью, его сознание тоже тянуло в пучину беспросветной злобы. И тут так же бесстрастно лишая жизни одного из отступников он выдернул клинок и кинул взгляд на надпись, что красуется на лезвии. На енохианском выгравировано – «Вера и воля. Не забывай, кому служишь».

Карамазов огляделся по сторонам. Оставшиеся еретики не наступают, вместо этого образуют защитный круг вокруг высокой фигуры в чёрном балахоне. В руках этот «монах» держит странный изогнутый посох с четырёхразветвлённым навершием, которым махает и подманивает к себе воинов Рейха.

Командор, расправившись ещё с одним отступником, раз-

рубив ему ключицу, поднял свой затуманенный багровым туманом взгляд вверх. Впереди он увидел, как оставшиеся в живых отступники окружили своего вожака, который был в ответе за всё, что произошло. Его благородство и терпимость, скромность и милосердие были давно отброшены, уступив место звериной и дикой ярости. Он, опустил клинок и мрачно стал продвигаться к предводителю отступников. Оставалось буквально два метра до ересиарха, который к тому времени остался в одиночестве, ибо его последователи в страхе оставили его, как, отступник быстрым взмахом руки достал странное оружие. Оно оказалось страшным гротеском традиционного оружия, лишь отдалённо напоминая его. Самодельная конструкция с большой трудностью могла напомнить некоторое подобие обреза. И еретик поднял его и вытянул в сторону Командора. Оглушительный залп раздался на весь мунуфакториатий – уродливое и извращённое оружие в вихре дыма и вспышки просто разлетелось на части, чуть не оторвав руку ересиарху. Броня Командора с глухим звуком ежесекундно треснула. Он почувствовал, как части панциря расколоты и давят ему на торс, вдавливаясь под кожу и плоть острыми концами. Он испытал ужасающую боль и чувство, как та раскалённая картечь, обожгла ему кожный покров и внутренности. Но он не почувствовал, как кровь обильно потекла по его груди и животу из открывшихся новых ранений. Чёрная ярость притупила всякую боль получше обезболивающего, и только на одной воле он продолжил держаться

на ногах и продвигаться вперёд, дабы свершить справедливое правосудие.

Рассвирепевший Командор поднял обогревший клинок вниз и неумолимо пошёл к архиеретику, а тот от страха пятился назад, его движения сковал неистовый ужас. Мужчина вплотную подошёл к отступнику и в его глазах, скрытых за капюшоном он увидел страх и ужас, который только порадовал безумного мясника. Одним мощным вертикальным от плеча ударом под хруст костей он оборвал жалкую жизнь отступника, располозовав его, как кусок свинины, на скотобойне отбросив в сторону труп врага.

От вида рассечённого тела отступника у Командора по телу пробежала волна облегчения и чувства выполненного долга, которые торжествовали недолго. Его ноги и тело внезапно ослабли и он медленно, и, придерживаясь за крышку рядом стоящего верстака, сполз к полу. По всему телу пробежала немота, конечности переставали слушаться, отдаваясь во власть холода, а в животе вспыхнула с новой силой острая боль, пригвоздившая парня к полу. Командор затемнённым взглядом увидел, как к нему подбежали Карамазов и Антоний, сорвавший с него маску, став его оживлять, попутно отбиваясь от единичных безумцев, которые стали наступать из всех щелей завода, смакуя вкус грядущей победы. Инквизитор ему поставил несколько специальных уколов, чтобы облегчить боль, но их положение ухудшалось с каждой секундой – свободолюбцы подобно крысам – окру-

жают со всех сторон и число подходящих с каждым мгновением только увеличивается. Улюлюканье и безумный смех с непристойными угрозами смешались в единую песнь.

– Проклятье Дециан! – закричал Карамазов в рацию. – Нам нужна мотопехота! Немедленно!

– А вот и мы! – со стороны огромных врат донеслась реплика.

Несколько десятков солдат в серой форме рассыпью подступали, заливая трескучими лучами из энерго-винтовок помещение, и с каждым выстрелом часть завода озарялась ярким светом.

Через пару секунд прибытия мотопехоты стройные ряды отступников стали падать с прожжёнными насквозь телами и вскоре под напором солдат Империи, попятились назад. Но командирам сейчас не до победного марша. Карамазов несёт под руку Командора, а Антоний на руках выносил обессиленную Сциллу. Она постоянно называет имя Командора, которое вязло в ушах, не достигая сознания парня, стоявшего на грани. Последнее, прежде чем впасть во тьму, запомнил Командор, это как его погружают в бронетранспортёр армии Рейха. И когда его голова коснулась мягкого сиденья, то всё напряжение ослабло, и мужчина провалился во мрак.

Глава восьмая. Фанатики идеи

На следующий день. Милан.

Зиждется заря нового дня. Солнце вновь начинает свой путь, освещая потонувшие в ночном сумраке кварталы города. Золотые лучи небесного светила проникали всюду, рассеивая мрак и тьму, зависшую над городом.

Габриель пробудился от вновь зазвучавших граммофонов, прославлявших культ Канцлера. Снова зазвучали слащавые слова, бесконечная медовая похвальба, от которых Габриеля уже тошнило. Они для него звучали как гром во время похмелья, разрыва своей болью душу и разум парня. Парень ощутил, как жёсткая обложка книги упирается в грудь ему острием, точно бы острие меча. Он попытался вспомнить, во сколько он заснул, но не смог. Книга унесла его в мир справедливости и честности, где правители уважают свой народ, там, где некогда к публике прислушивались, а не расстреливали её из автоматов, где люди реальная власть, а не обслуживающий персонал и мешанина, переполненная фанатизмом или тайной ненавистью к своему государству и правителю. Книга открыла для юноши новую вселенную, и кажется, он этим миром, его идеями, начинает жить и дышать, задумываясь о том, что неплохо было бы сделать Рейх более либеральным местом или даже отделиться от него. Но

это не более чем лёгкое дуновение ветра перед бурей, им ещё не овладели эти мысли, но они уже изрядно одолеваю юношеское сознание, ибо он всё больше начинал ненавидеть Рейх, хотя не представлял жизни без его механизмов. Это всего лишь хруст старых устоев, которые ещё не были устойчивыми в душе парня.

Габриель кинул взгляд на часы. Было больше восьми. Он медленно встал, предварительно сделав потягивания, подошёл к окну. На улице тихо и спокойно – никто в такой чудесный день не спешит носу высунуть из собственных квартир. Был дан выходной, а значит, на улице было поутру не так уж и много людей. Снаружи шастают только слуги Рейха: легионы комиссаров, жаждущие принести воздаяние нарушителям закона, и несметные орды служащие бесчисленных министерств, контролирующие все аспекты жизни большого города.

Габриель, отвлёкся от созерцания того, что происходит за окном, памятуя о своём обещании подойти к старому книжному магазину к десяти часам. Юноша, посмотрев в окно, и пролистав несколько страниц книги, отнёс её на стол и спрятал в него. Он не хотел, чтобы при осмотре его квартиры вместе с символами Рейха нашли и эту книгу, что сделало из него отменную мишень для инквизиторов или культистов. Потом юноша направился на кухню, поест, что ни будь перед выходом, ведь вчера, перед тем как прийти домой, он всё же купил себе сыра, хлеба, и лапши на которых стоит герб

Рейха, ибо еда тоже могла отмечаться символами Культа Государства.

Он быстро запарил лапшу и лихо накромсал сыра с хлебом. Его трапеза не была долгой, он всё это быстро проглотил и отправился в свою комнату. Там он улёгся на диван, взглянув на часы, он понял, что у него есть ещё немного времени. Зевнув и почесавшись, он потянулся до пульта, что бы включить телевизор, по которому редко шло что-либо интересное, в основном это то ли скучные новости, празднично рассказывающие об успехах государства или благоговейно повествующее о событиях связанных с политикой или Канцлером. В основном, на телевидении велись программы, прославлявшие всё величие и славу Рейха, но слащавость этих слов, и порой всё их лицемерие, их фантасмагорическое преувеличение приводило Габриеля в ступор. Он всегда удивлялся тому, как люди могли всему потоку политических нечистот, как некогда гордый народ мог почитать и верить в тот режим, который установился и неустанно терроризирует людей, смешав волю и гордость миланцев с грязью. И всегда молодой разум находил верным один-единственный ответ – страх. Банальный, человеческий страх, который существовал, с тех самых пор как Бог изгнал из рая Адама и Еву. Страх всегда является колоссальным мотиватором, великим движущим, что толкает прогресс и само развитие человека. Страх перед болезнью родил лекарства, страх перед стихией породил гигантские города и крепкие дома, страх перед

голодом привёл к развитию в самых различных сферах, ну а страх перед режимом и возможностью вновь окунуться в ласковые объятия разрухи и постапокалиптического неофеодализма породил верность Канцлеру и стабильность самого режима, скрепляя Рейх получше всяких иных мотиваторов.

Габриель нажал пару кнопок, и экран телевизора быстро замерцал картинками новостей. Но эти новости отличались от других, они были скорее воротами характеризующие новую эпоху, чёрную и жестокую эпоху, жесточе прежней. В телевизоре появилась приятная женщина средних лет, а за её спиной висела карта Рейха. Он кинула быстрый взгляд в бумаги, лежащие у неё в руках, и с фальшивой улыбкой на лице начала свой репортаж. Из телевизора полился донельзя отталкивающий приятный голос.

– Здравствуйте, жители великого и славного Рейха. Пусть тепло Канцлера греет вас этим днём и защитит ночью. Пусть его милосердие и щедрость одарит каждого гражданина, – с помпезностью она выговаривает заученное и ещё минуту восхваляла правителя, отчего юноша сильно негодует, ожидая, когда пойдёт информация о состоянии в Империи, чем и должны заниматься «Новости». – Теперь же переходим к новостям. Главной новостью этого дня является новый закон о власти или как его назвали на заседании «Закон об отцовском попечительстве». Теперь ещё больше полномочий переходит в руки нашего славного Канцлера. Отныне его тепло будет ещё сильнее, и мудрое око будет ещё пристальней за

нами приглядывать. В данный закон вошли множество мудрых положений, вот некоторые из них:

Роспуск Верховного Капитула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.